

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОУЗУА

ԳԵՂԱՐՅԱՆ ԵՎ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

1978-3

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 1978 3

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

АРЧИЛ СУЛАКАУРИ	4
МАРИКА БАРАТАШВИЛИ	32
НЕЛЛИ ТАРБА	78
МЕДЕЯ КАХИДЗЕ	162

ПРОЗА

ТАМАЗ БИБИЛУРИ. Маска. Тихий угол. Прощание. Рассказы	8
БААДУР БАЛАРДЖИШВИЛИ. Калейдо- скоп. Миниатюры	34
ГЕОРГИЙ БАКАНИДЗЕ. Сорок дней, сорок ночей. Хлеб. Рассказы	54

1500 ЛЕТ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ. Человек в древнегрузинской действительности и ли- тературе	82
--	----

РЕЦЕНЗИЯ ПИСАТЕЛЯ

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Месхетская эпопея	108
-------------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — Гурам АСАТИАНИ

Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Гн-
ви ЖВАНИЯ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Исидор КОЗАЕВ, Ге-
оргий ЛОМИДZE, Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ, Вла-
димир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE (заме-
ститель главного редактора),
Владимир ХОМУТОВ (от-
ветственный секретарь), Эм-
мануил ФЕЙГИН, Георгий
ЦИЦИШВИЛИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

ОЧЕРК

АЛЕКСАНДР СИГУА. Дом на улице Табидзе 122
ЛУАРСАБ ЕГОРОВ. Гарм просит защиты 132

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

СУЛХАН ЖОРДАНИЯ. Лингвистические
проблемы художественного перевода . 140

К 80-ЛЕТИЮ ЕГИШЕ ЧАРЕНЦА

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. «Дерзать!» — при-
зывал Чаренц 151

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ

ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. После балла 154

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЭСТЕТИКИ

ЗУРАБ КАКАБАДЗЕ. Искусство и жизнь . 163

ИСКУССТВО

ГУРАМ ШАРАДЗЕ. Михай Зичи и Грузия 175

НОВЫЕ КНИГИ 184

ХРОНИКА 189

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА . . . 191

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

НАШ АДРЕС:

380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редак-
тора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная
— 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств
— 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19,
отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

«ПЯТЫЙ раз подряд Грузинская Советская Социалистическая Республика награждается переходящим Красным знаменем

ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ...

Пять Красных знамен — это пять ступеней роста, пять высот, взятых трудящимися за последние пять лет в развитии экономики Грузии, в росте объема, повышении эффективности производства, производительности труда, приумножении совокупного богатства республики...

Мы хорошо сознаем, что своих успехов в хозяйственном и культурном строительстве Советская Грузия достигла при постоянной помощи, заботе и внимании Центрального Комитета нашей ленинской партии, Советского правительства, что свое благополучие и счастье грузинский народ, все народы, все трудящиеся республики обрели в братской семье советских народов, во главе со своим старшим братом — великим русским народом».

Из речи первого секретаря ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе на собрании партийно-хозяйственного актива 10 марта 1978 года.

Весна

Неожиданно марту пришел конец,
и, весной упраздненные, праздные трубы
с черепицы оттаявших все-таки крыш
так мертво и бездумно уставились в небо
закопченными дымом квадратами глаз.

Неожиданно марту пришел конец.
Начинаю апрельскую новую жизнь,
словно эта земля, словно эти деревья,
словно облако это, что смотрит на солнце
с изменившимся вдруг выраженьем лица.

О, весна, ты пришла как-то вдруг, невзначай.
Ты мала, так мала, что глаза мои даже болят,
потому что тебя разглядеть очень трудно.
Ты со всей красотой великой своей,
словно блёстка дрожишь на раскрытой ладони.

Ты с туманом волос, ниспадающим вольно на лоб,
и с миндальным оттенком искрящихся глаз
так похожа на юную танцовщицу,
и на линиях смутных ладони моей
пляшешь ты, словно крошечная Серафита.

Начинаю — вернее, пытаюсь начать мою новую жизнь.
Впрочем, трудно на свете найти человека,
кто подобное делать сто раз не пытался.
Неожиданно марту пришел конец,
и я новую жизнь — безнадежно почти — начинаю.

Зима

Ночь будто лес — такая дремучая.
Ночь приготовилась к белому, снежному.
Но, слава богу,
в камине — есть сучья,
и мой огонь в нем пылает по-прежнему.

Знаю —
метели не за горами уже:
белые кони,
и сани черные,
чтобы согретый огнем несгорающим
я обуздал судьбу непокорную.

Знаю —
зашепчут снежинки дымчато,
и, побледнев, я увижу нечаянно
путь,
что усыпан улыбками-льдышками,
пальцами,
сломанными отчаяньем.

Что за огонь!
Его жжение лютое
странные мысли рождает,
посверкивая...

Разве откажешь ему в жизнелюбии,
а ведь горит
с обреченностью смертника!

Мысли, как лес, —
такие дремучие.

Мысли, как лес,
где еще не забрезжило.

Но, слава богу,
в камине есть сучья,
и мой огонь в нем пылает по-прежнему.

О с е н ь

Все же стоял платан этот гордо,
будто забыл, что он ветром ограблен.
Я позавидовал, видя, как ветви
с непринужденным достоинством дарят
каждый листочек невидимым пальцам.

Понял я вдруг, что тебя я теряю
вместе с украденной кем-то улыбкой.
Понял, что узкая улочка эта,
ветром украшенная —
не стоит
золота слишком высокой награды.

Ночь наступила потом, и дети
всюду костры, как палатки, разбили.
Я ощутил, что уходит все дымом,
что охватило всю улицу грустью
вечного старого садовода.

Гонио

или тоска по Сулхану-

Саба Орбелиани

Может быть, вовсе не крепость — Гонио?
Может быть, это — лишь камни голые?
Кто наказал меня страшной наградой,
кто окружил меня этой оградой?

Кто придавил меня листьями вьющимися?
Кто пригвоздил меня каплями льющимися?
Что ж ты уходишь, оставив мне старость?
Чьим ты ветрам подставляешь свой парус?

Вдруг обернешься на эхо пропавшее,
и продерешься сквозь листья опавшие?
Прежние ветры даря в утешенье,
я повторюсь лишь в твоём воскресенье.

Время мое отшумело как будто бы,
или, как плющ, меня горе опутало?
Трудно сквозь камни к тебе достучаться,
и невозможно к тебе докричаться...

Может быть, вовсе не крепость — Гонио?
Может быть, это — лишь камни голые?
Кто наказал меня страшной наградой,
кто окружил меня этой оградой?

Человечек

Ну, здравствуй, здравствуй, человечек,
ну, здравствуй, здравствуй,
человечишко!

Хотел я раньше поздороваться,
да что-то было не с руки.
Зачем тебе твой стул высокий?
Ты упадешь и покалечишься.
Длинные, приятель, твои руки,
но твои ножки коротки.
Не знаю — есть ли смысл какой-то
мир убедить хоть на минуточку
в том, что вначале было слово
и это слово было — бог.
От слова к слову, как ищейка,
мечусь, пытаюсь, ну хоть чуточку,
перевернуть судьбу словами,
но ты мне в этом не помог.

Завидую и не завидую
тому, как скопчески вцепляешься
ты в кожаные подлокотники,
еще повыше хочешь сесть,
и если шелест крыльев слышишь,
ты только криво ухмыляешься,
не позволяя себе верить,
что у кого-то крылья есть.
Ну, здравствуй, здравствуй, человек,
ну, здравствуй, здравствуй, человечико!
Когда я вижу, как ты скучен,
как ты возвышенно убог,
то я со вздохом сомневаюсь
в самом существованье вечности,
в том, что вначале было слово
и это слово было — бог.

Перевод Евгения ЕВТУШЕНКО

ТРИ РАССКАЗА

«Но самое главное, — рассказывает Аристодем, — Сократ убедил собеседников в том, что человек должен уметь писать как комедии, так и трагедии и что великий поэт-трагик должен быть и великим комиком».

Платон «Пир».

МАСКА

— ПРЕДСТАВЛЕНИЕ начинается! — подняв занавес, объявил Тэдо. Зазвучали фанфары, забили барабаны, и на длинную дорогу жизни вышел шутник Тэдо, еще совсем голый, в чем мать родила, и пошел, смешно топоча ножками... Чья-то рука прикрыла ему срамное место, кто-то натянул на него пеструю рубашку, кто-то нахлобучил шапку... И Тэдо превратился в мужчину.

* * *

Я как сейчас слышу торопливый, захлебывающийся голос Тэдо и вижу, как он стоит на старинном, с резными перилами балконе... Его низкорослая, словно у карлика, фигура облачена в черный архалук и мешковатые штаны, которые поддерживает узкий ремешок с серебряной насечкой. Румяные щеки пересекаются рыжими, лихо закрученными усами. Волосы торчат из-под войлочной шапки, словно рожки у черта. В глазах сверкают фосфорические искры, а на круглом, словно луна, лице — улыбка Сатира.

Кто бы ни увидел Тэдо, каждый думает: «Таких лиц не бывает, это просто маска! Рыжие волосы — парик; вислый, словно груша, нос приклеен поверх настоящего; а света-

щися, как у нечистой силы, глаза, конечно, неестественны! Смотришь на него и ждешь, что дрогнет и взвобьется вверх разрисованный нелепыми фигурами Занавес Комедии и на сцене не появится Тэдо со своей неизменной улыбкой. Зрительный зал захохочет, заулюлюкает, и под этот шум и смех публики будет идти вся жизнь Тэдо, пока не опустится последний Занавес.

Так будут говорить спустя много лет, а сам Тэдо и понятия не имел о том, что такое театр, сцена или спектакль. Он разыгрывал свои собственные спектакли, действие которых развивалось не на деревянных подмостках среди фанерных декораций, а в настоящей деревне, в настоящем лесу и под настоящей луной. И при ярком свете настоящего солнца стояли настоящие дома с приусадебными участками, а зрители, которым случалось оказаться свидетелями тех диковинных спектаклей, смеялись от души, а плакали настоящими слезами.

С утра до ночи Тэдо шутил и зубоскалил.

Целый день он не знал ни минуты покоя.

Его главной заботой было развлекаться самому и развлекать других.

При этом он очень любил хвастаться. «Вы не смотрите, что я такой, — начинал он, — на самом деле я из знатного княжеского рода! Мои предки не угодили Георгию Саакадзе, Великому Моурави, и, опасаясь его гнева, укрылись в горах и сменили фамилию. Потом, правда, князь Зураб Эристави добился для них прощения и даже снабдил их охранной грамотой, но фамилию восстановить не удалось...». Обычно Тэдо искал слушателей среди мальчишек и девчонок, которые собиравались во дворе и, пораженные его рассказом, слушали разинув рты.

А жена Тэдо в это время стряпала под навесом и ругала мужа на чем свет стоит:

— Чтоб ты сдох, болтун окаянный! Плевала я на твой княжеский род! Чего ты расселся среди этой мелюзги?! Лучшее делом займись — воды принеси или в лес за дровами сходи. Того и гляди, снег выпадет, а у меня сухой хворостины в доме нет!

— Э-эх, — тяжело вздыхал Тэдо, — тебе бы только лаяться! Разве ты понимаешь, что я этим детям исторические мысли внушаю. А вдруг я завтра ноги протяну? Неужели мне с собой в могилу унести секреты, может быть, государственной важности? Кто же тогда расскажет правду несчастным потомкам?

А жена не унималась:

— Как же, Великий Моурави только и думал, чтобы досадить твоим предкам! В священном писании сказано: «Всяк сверчок — знай свой шесток!». И чего ты в знатные господа лезешь? Будто я не знаю, кто ты такой?

— Кто я такой? Ну, говори, кто я такой?

— И скажу! Ты думаешь, испугаюсь? Бездельник ты! Праправнук Нацаркекии*, вот кто ты такой!

* Нацаркекия — лежебока и болтун, персонаж грузинских сказок.

Я РОДИЛСЯ в 1934 году в небольшом кахетинском селе.

Самое яркое впечатление моего детства: вид на Кавкасиони, открывавшийся из нашего двора.

День самой большой надежды — день, когда я в 1958 году увидел мои первые рассказы в журнале «Цискари».

Отделение журналистики в университете... А потом — семнадцать лет работы в редакции республиканской молодежной газеты, начиная с корреспондента и кончая должностью заместителя главного редактора. И за все эти годы — небольшой сборник очерков, статей и миниатюр, названный мной «Скоро!».

Первый сборник рассказов «Маски» был издан в 1975 году.

В 1977 году мой рассказ «Жалоба» получил премию Союза писателей Грузии.

Пробовал свои силы и в драматургии — писал сценарии для телевидения.

В нынешнем году московское издательство «Советский писатель» выпускает сборник моих рассказов. Скоро в альманахе «Гантиади» будет опубликован мой первый роман.

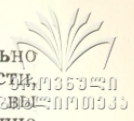
Рассказы, которые я с волнением предлагаю читателям «Литературной Грузии», входят в цикл под названием «Маски».

Тамаз БИБИЛУРИ

— Послушайте, люди! Нет, вы только послушайте, что она плетет?! С чего ты взяла, что у Нацаркекии были дети или внуки?

Жену себе Тэдо привел из чужих краев (Если рассердится, не убедит домой! — так объяснял он свой выбор). Бабале оказалась хорошей женщиной и рачительной хозяйкой. Она отремонтировала развалившийся дом мужа, восстановила марани, построила сарай, купила корову, завела кур, а когда, вдобавок ко всему, еще и народила детей, деревенские жители признали семейство Тэдо равноправным членом своей общины.

Бабале не любила, когда ей напоминали о прошлых грехах ее мужа, но если это и случалось, она не очень-то и огорчалась. А напомнить было о чем! Этот низкорослый, крижистый мужчина слыл на деревне страшным греховодником! Будь он, конечно, статным и красивым, никто и словом не упрекнул бы деревенских вдовушек за то, что они липли к не-

му, как мухи. Но Тэдо! Между сельчанами о нем буквально легенды ходили. Много в них было и излишней откровенности, и даже непристойностей, поэтому, начини я рассказывать, вдоволь посмеялись бы, но это, право, неудобно... Я лучше ограничусь только одним случаем из его похождения.

Это случилось во время первой мировой войны (Тэдо и на второй успел побывать). Тэдо был на фронте, когда в деревню приехала женщина и объявила, что она жена Тэдо. Ее приняли с большим уважением, научили грузинскому языку. Вскоре возвратился и сам Тэдо. Вначале он вел себя тихо, не ссорился с женой, но через какое-то время вдруг прикинулся умалишенным и начал буянить. Жена без колебаний заявила, что не станет жить с сумасшедшим, и уехала. Тэдо тут же «излечился».

Одно время ходили слухи, будто у Тэдо есть в Дагестане любовница, красавица-вдова, но они не подтвердились. Зато оправдались разговоры, в которые никто не верил. Сколько-то времени тому назад в Сигнахи жила одна легкомысленная женщина, которая что ни год — выходила замуж. К концу года муж ей надоедал, она находила предлог для ссоры и убегала от него. Как-то она прослышала про Тэдо: ей рассказали, какой он добрый, веселый, покладистый, одним словом, не мужчина, а клад, и указали точный адрес. Рассказ о Тэдо запал ей в душу, она отправилась на поиски и в конце концов разыскала его. Хотите верьте, хотите нет, но в деревне говорят, будто она ворвалась к нему в дом и напрямик заявила: я, мол, отсюда никуда не уйду, и волей-неволей ты должен на мне жениться! Тэдо, правда, в ту пору был влюблен в Бабале, поэтому, чуть только рассвело, он выставил непростеную гостью за дверь.

Я тут про войну начал рассказывать, но прежде хочу предупредить, что сам я был свидетелем только небольшой части приключений Тэдо, об остальном же слышал от деревенских жителей. В их рассказах трудно отличить правду от вымысла. И действительно, вернемся к войне. По мнению одних, Тэдо, как человек веселого нрава, вполне мог быть храбрецом, и если он не прославился на войне, то только из скромности. Другие же посмеивались над Тэдо. «Какой он герой? — говорили они. — На первую мировую войну он, правда, добровольцем пошел, этого у него не отнимешь... Но из-за чего? Видите ли, полковая музыка ему понравилась, и он решил, что на войне только и дел, что под музыку маршировать! Первые два года картошку чистил, а когда на фронт попал, даже выстрелить не успел; вражеская пуля ему в первый же день палец отхватила. Тот самый, указательный, которым на курок нажимают. Ну и отправили нашего Тэдо домой: инвалиду чего на войне делать.

Прошло много лет, и началась снова война, значит Великая Отечественная. Тэдо по инвалидности не взяли, но как-то раз соседка-вдова, обозлившись за что-то на Тэдо, сказала ему: — Жаль, что тебя на фронт не взяли, хоть бы картошку там почистил!

Тэдо очень обиделся, несколько дней просидел дома взаперти, а потом пошел в военкомат и, неизвестно как ему это

удалось, добился, чтобы его отправили на фронт... Через неделю, правда, война кончилась, и с первым же эшелоном, как настоящий победитель, радостно улыбающийся Тэдо ^{вернулся} ~~вернулся~~ в деревню.

Чего только не болтали о Тэдо!

Какие только слухи про него не распускали!

В чем только не обвиняли!

Вспомнив о Тэдо, люди сначала улыбались, а потом со смехом принимались рассказывать очередную быль или небылицу.

Когда-то Тэдо был даже дьячком в деревенской церкви и аккуратно справлял службу. Однако должность эта не принесла ему ни почета, ни богатства: беднее Тэдо не было человека во всем уезде. Несмотря на это, когда пришли большевики, то одним из первых они схватили именно Тэдо! Заперли его в сарай и продержали до тех пор, пока в сопровождении милиционера не вывели за околицу и не сказали: «Катись-ка ты на все четыре стороны, и чтоб мы тебя больше не видели!».

Он ушел.

Однако не прошло и недели, как деревенские жители, соскучившись без Тэдо, потребовали его возвращения. Даже пригрозили: не вернете Тэдо, не признаем новую власть!

Послали милиционера за Тэдо и нашли его на телавском базаре, где он как всегда потешал народ и играл на чонгюри. Бедняга решил, что снова пришли за ним, и поднял крик. Люди вокруг него сразу разбежались. Но милиционер не растерялся и тут же объяснил ему, что сельчане требуют его домой, и на следующий день Тэдо торжественно вернулся в деревню.

Веселый человек был Тэдо, большой охотник до вина и развлечений! Но была одна сторона жизни, которая угнетала его, хотя он это и скрывал. Дело в том, что Тэдо был гробовщик, гробовых дел мастер. Сам он никогда не произносил слова «гроб», а говорил «дворец»: «дворец мне заказали» или «просили дворец изготовить». Впрочем, не он выбрал себе это занятие, он стал гробовщиком по воле случая, так же легко и бездумно, как и жил. А случай представился такой: единственного на всю окрестность гробовщика раскулачили и выслали. А тут скончался милиционер, тот самый, что вышвырнул Тэдо из деревни. Что делать? Не оставить же покойника без похорон?

Может быть, в отместку, а может, просто, чтоб «порадеть ближнему своему», Тэдо сам вызвался изготовить гроб своему «благодетелю». Работал он старательно и такой гроб сколотил, что все ахнули! А некоторые даже сказали, что, когда придет их час, они лягут только в те гробы, которые смастерит Тэдо!

Несчастливая Бабале готова была смириться с любыми лишениями, но только не с профессией мужа. «Господи, — сокрушалась она, — в чем я провинилась, что из моего дома каждую неделю гробы выносят? Неужели другого дела не мог найти этот шалопут? Ну хоть бы коновалом заделался, или каменщиком, или сапожником!». А Тэдо — в одно ухо впу-

стит, в другое выпустит, и все тут. Даже в ее сторону не поглядит. Если же Бабале, выйдя из терпения, начинала ругаться, он подходил к пустому гробу, ложился в него и, натянув на себя крышку, изрекал замогильным голосом: «Буду лежать здесь, пока ты не заткнешься!». Разъяренная Бабале обрушивала на него град проклятий: «Да я только и жду, чтобы ты подох, окаянный! Чтобы ты не в чужой, а в свой гроб улегся! Если я тогда хоть слезинку уроню, пусть меня камнями закидают!». На ее крик прибегали люди, и начиналась потеха. Соседи обступали гроб и, смеясь, уговаривали Тэдо: «Вылезай, задохнешься!», «Освободи место, оно пока еще не твое!». Другие подшучивали над Бабале: «Ты разве не знала, кто он такой? Разве не спросила, когда он к тебе сватался?». «Откуда я могла знать? — оправдывалась Бабале. — Плотником прикинулся... Сказал, что по дереву работает...».

Наконец кто-то из озорников выкрикивал: «Заказчик идет!». И всех сразу как ветром сдувало. Тэдо поспешно вылезал из своего убежища. С лица его мигом слетало веселое выражение, глаза становились грустными, лоб собирался в морщины, и, подойдя к верстаку, он брался за рубанок. Но заказчик не появлялся, и Тэдо снова принимался за шутки.

Обычно Тэдо никого не звал по имени. Обращаясь к ровеснику, он приговаривал: «Эй, крестный, погляди-ка сюда!». а к тем, кто был моложе его, весело кричал: «А ну-ка, крестник, беги ко мне, я тебе такое расскажу!».

Но больше всего Тэдо любил приглашать в гости. Выйдет, бывало, на балкон и начнет зазывать к себе людей:

— Крестник, стой! Что это ты сторонись меня, будто мы чужие?! С каких это пор ты стал таким важным? Может, тебя председателем назначили? Стой, куда ты бежишь? Я тебя в гости приглашаю! Правду говорю! Бабале нынче хинкали приготовила — пальчики оближешь! Ты ведь знаешь, какие хинкали умеет делать моя Бабале: величиной с тарелку! Двадцать пять защипок поместилось! И вино есть — настоящее саперави, от прошлого года осталось. Заходи, выпьем. Или ты так загордился, что с простыми людьми больше не водишься?

«Крестник» обычно отвечает:

— В другой раз, дядя Тэдо... Как-нибудь в другой раз зайду, сейчас некогда, человек дожидается...

Проводив «крестника» взглядом, Тэдо спускается во двор и, стоя у калитки, приглашает в дом следующего:

— Уважь меня, крестный, раздели со мной хлеб-соль! Давно я тебя не видел. Посидим, поговорим, вина выпьем!

«Крестный» тоже отказывается и, улыбнувшись гостеприимному хозяину, идет своей дорогой...

Вся деревня знает, что в доме у Тэдо нет ни хинкали, ни прошлогоднего саперави (если и отыщется бутылка, то хозяин не посмеет достать ее из страха перед женой). Есть только одно — доброе сердце хозяина да его ласковые слова. А словами, как известно, стол не накроешь, и поэтому желающих воспользоваться приглашением почти не бывает, разве только какой-нибудь случайный прохожий, незнакомый с повадками Тэдо, иногда соглашался переступить порог его

дома. Вот тогда-то и наступал праздник для Тэдо. «Накрывай на стол, женщина, гость у нас!» — громко провозглашал он, и Бабале ничего не оставалось (разве могла она оспариваться перед посторонним!), как принести из марани хлеб, сыр, соленья, разопреть вчерашнее лобио, достать из побреба припрятанную бутылку вина, и до поздней ночи из дома Тэдо доносились звуки «Мравалкамиер».

Но случалось иногда и так, что раздосадованная Бабале, не постеснявшись гостя, сердито выговаривала Тэдо:

— И куда ты приглашаешь гостя, ирод окаянный? Чем ты собираешься его угощать? В доме хоть шаром покати, а он гостей зовет!

Хотя при госте Тэдо сдерживался и не отвечал жене, тем не менее обиды не прощал и только и ждал случая, чтобы отомстить. Такая возможность представлялась ему часто: каждую субботу Бабале пекла лаваша с таким расчетом, чтобы хлеба хватило семье на всю неделю. Тэдо с нетерпением ждал этого дня, и, когда жена, достав из тонэ горячие, румяные лаваша, раскладывала их на деревянном блюде, он сразу превращался в сверхгостеприимного хозяина: распахивал калитку и настойчиво зазывал каждого проходящего мимо человека — от мала до велика — отведать свежего лаваша! Он совал людям в руки лепешки и уговаривал есть их не в сухомятку, а с тушинским сыром, что, по его словам, было очень вкусно. Конечно, никто не отказывался от угощения. Соседи шумной толпой собирались вокруг тонэ, кто-то приносил кувшин вина, кто-то кусок домашнего окорока, и пир начинался. От возмущения Бабале и слова не могла произнести, а Тэдо торжествовал.

Впрочем, он умел по-разному досаждать жене.

Бывало, вдруг прикинется грустным и ходит по деревне словно сам не свой.

Соседи это сразу заметят и к нему с вопросом:

— Что с тобой, не заболел ли?

— Я-то нет. Но моя дорогая Бабале умерла...

— Господь с тобой... отчего?

— Знаете большой орех, что растет у меня во дворе?

— Конечно.

— Так вот, вчера мы потрясли его и мешок орехов набрали. А она обьелась ими и лопнула!

— Ишь, чего выдумал! — смеются люди. — Орехи-то лавно отошли. Уже конец декабря, скоро Новый год наступит.

* * *

Наступал Новый год. Накануне каждый упрашивал Тэдо, чтобы он первым пришел к ним в гости в Новом году и пожелал счастья. «Ты ведь как ребенок, — говорили ему, — чистая душа, и что ты пожелаешь, то и сбудется!».

— Отстаньте от меня, — упрямылся Тэдо. — В прошлом году ведь я приходил к вам. Вас много, а я один! На всех меня все равно не хватит!

1935
1933

Но это были только слова, а на самом деле Тэдо никого не мог обидеть. Он не спал всю ночь, только и думая о том, к кому завтра пойти в первую очередь, кому и что сказать, и как доставить хозяину побольше радости. Задолго до рассвета он вскакивал с кровати, брал корзину с гостинцами, которые приготовила Бабале (несмотря на сварливый характер, она была добрая женщина), сбродил всех соседей, поздравлял каждого с Новым годом и не забывал при этом опрокинуть стаканчик чаи. К полудню он так набирался, что его с трудом волокли домой. Соседи оставались довольны, а если и случалось в том году у кого-нибудь в доме несчастье, то обычно говорили: «Тэдо виноват — плохо нас поздравил» или: «Не пришел Тэдо к нам первым, вот и приключилось...».

В ночь «чаикоконоба», когда во дворах зажигались огромные костры, Тэдо наряжался в женскую одежду, надевал на голову самодельный парик из пакли и верхом на метле в окружении шумной толпы ребятишек устраивал такое представление, что все вокруг каталось по земле от смеха.

Потом наступала пасха, и Тэдо ходил по деревне, держа в руке красное пасхальное яйцо. Он обходил все дома, с каждым христосовался и хвастался, что его яйцо — самое крепкое, пока люди не догадывались, что у него в руке — вырезанная из дерева и покрашенная игрушка. А руки у него были поистине золотые! Деревенские ребята с утра до вечера бегали за Тэдо и упрашивали выточить им рогатого чертика, ваньку-встаньку или что-нибудь еще. Как-то на одной свадьбе, а без Тэдо ни одна свадьба не обходилась, он прямо за столом в шутку вырезал из дерева некую мужскую принадлежность и, сказав тост, вместе с рогом, из которого пили круговую вино, передал ее старшему дружке невесты. Гости захохотали, но дружки невесты не поняли шутки и, наоборот, как следует проучили бы шутника, если бы тамада не заступился за него: «Не обижайтесь на него, пусть себе дурачится. Мы-то уж привыкли к его выходкам и только посмеиваемся». Дружки успокоились, но один из них все-таки подошел к Тэдо, сунул ему в карман эту «штучку» и велел отнести домой в подарок Бабале.

Что еще можно рассказать о Тэдо? Наверное, немало...

Если в деревне случалась засуха, Тэдо и тут не оставался в стороне. Собрав женщин и ребятишек, он устраивал торжественное шествие: женщины с пустыми кувшинами на плечах шли вдоль деревни и выкрикивали разные заклинания... Трудно поверить, но вскоре после этого, примерно через день или два, начинался дождь. И люди хором благодарили Тэдо, а потом снова упрашивали его: «Давай еще раз соберемся и попросим дождя, чтобы влаги хватило до конца лета!».

В день храмового праздника, когда из всех окрестных деревень съезжались крестьяне, Тэдо неожиданно появлялся у церкви верхом на осле, сидя задом наперед. За ним со смехом бежали люди. Женщины кричали ему: «Дай бог тебе, Тэдо, до старости таким веселым остаться! Спасибо, что так развеселил нас!». А Тэдо, не обращая ни на кого внимания, глядел прямо перед собой, и с лица его не сходило скорбное выражение. Казалось, что в эту минуту, отрешенный от всех

мирских забот, он всецело думал о божестве и бренности земной жизни... Мальчишки пинали осла ногами, щекотали прутиками, Тэдо в свою очередь понукал его, и тогда осел лягал ногами и сбрасывал седока на землю, а сам с истощенным видом убегал прочь... Люди, как могли, утешали Тэдо, подносили ему стакан вина, и, выпив раз-другой, Тэдо переставал соображать и стоял, опустив голову. Тогда шли за ослом ловили успокоившееся животное, приводили обратно, сажали на него Тэдо, и оба благополучно добирались до дома.

Тэдо очень любил детей, да и они сами ни на шаг от него не отходили. Бывало, Тэдо стоит у верстака и строгает доску рубанком, а дети, расположившись где может, смотрят, не моргнув глазом. И так до самого вечера, пока Тэдо не закончит работу и доски не превратятся в проб, ни один из них не уйдет домой. Впрочем, это не совсем так. Тэдо не хотел, чтобы дети видели его работу в тот момент, когда он приступал к главному: сколачиванию «дворца». Он считал, что им незачем кривляться к виду гробов, и, придав своему лицу строгое и торжественное выражение, говорил:

— А ну, ребята, все по домам!

С детьми Тэдо чувствовал себя по-настоящему взрослым — сильным и мудрым. А иногда он воображал себе, что он король среди своих подданных.

— А ну, ребята, кто хочет, чтобы у него были усы! — вдруг спрашивал он у окружающих его подростков, мальчишек лет четырнадцати-пятнадцати.

— Я хочу, я! — перебивая друг друга, кричали они.

— Идемте со мной! — говорил Тэдо и вел их к марани, если, конечно, Бабале не было дома.

Он снимал крышку с кувери, зачерпывал оттуда деревянным ковшом темно-красное густое саперави и каждому, по очереди, протягивал ковш: «Пейте на здоровье! Только верхнюю губу опустите в ковш поглубже и шей, не переводя дыхания!». У мальчигов на верхней губе оставались похвальные усы красные полосы. Из марани все они выходили порозовевшие, с блестящими глазами, а иногда даже затыгивали песню, словно подвыпившие дружки после свадьбы.

* * *

Тэдо редко ездил в город.

Там он чувствовал себя никому не нужным. А Тэдо привык постоянно общаться с людьми. Кто-то его о чем-то спросит, кому-то он ответит сам, кого-то просто рассмешит или озадачит, одних обманет, другим, наоборот, скажет правду, в которую трудно поверить. В последний раз Тэдо был в городе лет двадцать тому назад. Возил продавать бурдюк вина. На базаре толпилось много народу. Неожиданно откуда-то послышались звуки шарманки. Тэдо не задумываясь попросил стоявшего рядом мужчину присмотреть за бурдюком, а сам побежал туда, где играл шарманщик. Когда он возвратился, на месте не оказалось ни мужчины, ни бурдюка.

Раз в год, а иногда и чаще, в деревню приезжал милиционер и вводил Тэдо. «Ты, — говорил он ему, — там-то и там-то сказал то-то и то-то». «Правильно, — соглашался Тэдо, — но я сказал так-то и так-то». Его вскоре отпускали. В деревне знали, что его отпустят, и поэтому не волновались, если Тэдо исчезал на несколько дней. Но все это было очень давно. С тех пор много воды утекло, и ей-богу не стоит об этом вспоминать...

* * *

Каждое утро во дворе у Тэдо кричал петух, про которого соседи, смеясь, говорили, что он весь в хозяина — такой же непутовый: кричит, когда все петухи уже давно откричались.

Каждый вечер Бабале, намаившись за день, проклинала своего мужа и с горечью вспоминала тот день, когда впервые встретила этого «пустомелю» и хвастуна, этого «висельника» Тэдо.

И каждый раз Тэдо молча слушал ее, а потом, потеряв терпение, прозился. «Молчи, женщина, — говорил он, — молчи, а то уйду! Сама знаешь: сердце у меня к тебе не лежит. Вот возьму и уйду к этой старой деве Тико!» Вся деревня знала о «романе» Тэдо с перезрелой, но еще молодой «красоткой», которая жила на краю деревни. Бабале тоже была про это слышана, поэтому она окончательно выходила из себя. Тэдо хлопал дверью и удалялся. Сперва он шел к роднику, где можно было всегда вдоволь наговориться, а потом двигался к кузнице и там развлекал кузнецов. К этому времени, откуда ни возмись, на дороге появлялась Тико — разнаряженная и накрашенная, как кукла. Кузнецы многозначительно подмигивали Тэдо; гляди, мол, твоя «симпатия» идет, смотри, не оплошай. И Тэдо, смиренно опустив глаза, шел навстречу старой деве, останавливал ее и спрашивал:

— Какая это деревня, генацвале?

— Пошел прочь, озорник! Тебе бы только шутки шутить!

— Чего ты ругаешься? Могла бы и ласковое слово сказать, а то ведь так и состаришься, не отведав мужского угощения!

Тико закатывала глаза и осыпала его проклятиями. А вокруг еще долго не смолкал смех.

А Тэдо в хорошем настроении отправлялся домой.

* * *

Многое я рассказал о Тэдо: и выдуманнные истории, и настоящие, но главное оставил напоследок: шутник Тэдо был отцом пятерых детей!

Первыми у него появились одна за другой три дочери. Тэдо сказал: «Пока не родится мальчик, наследник и продолжатель моего рода (а своим родом он, как известно, очень гордился), я не остановлюсь!». И действительно, вслед за девочками родились два мальчика, и Тэдо успокоился. Бабале без

памяти любила своих детей, хотя и очень огорчалась, что все они, как назло, пошли в отца — и внешностью, и характером!

Как только дети встали на ноги и оперились, они покинули родительское гнездо и разлетелись в разные стороны.

Старшая дочь Маргалита живет в городе и играет на чонгури в ансамбле.

Средняя дочь Нуца в том же городе работает кассиршей в гастрономе.

Обе они не замужем и ждут, когда небо сжалится над ними и пошлет им женихов.

Младшая Верико вышла замуж, переехала к мужу в Лечхуми и с тех пор ни разу не приезжала домой.

Мальчики тоже подросли.

Старший — Грузо — здоровяк каких мало, в Телави направляет хинкальной и так разбогател, что и дом построил, и машину купил.

А последыш — Тухо — как-то в фильме снялся и всю деревню предупредил заранее: смотрите, мол, меня в такой-то картине. А когда стали фильм показывать, Тухо там не оказалось. Тем не менее с тех пор он только и твердит, что он артист! И ни учиться не хочет, ни работать. Сейчас где-то в городе болтается да ходит по родственникам, чтобы помогли шофером такси устроиться.

Маргалита и Нуца поссорились и теперь не разговаривают.

Тухо презирает Грузо и зовет его «мужиком». Грузо считает, что Тухо никогда не станет «человеком», разве что женится на богатой дура. Братья почти не встречаются, только однажды, когда Тухо приехал в Телави со своими друзьями, которых выдал за артистов, они целую ночь кутили вместе, после чего младший одолжил у старшего двести рублей и с тех пор на глаза ему не показывается.

В деревне, разумеется, все все знали, и стоило только Тэдо появиться на дороге, как то один, то другой спрашивал его:

— Послушай, Тэдо, а когда твои мальчики приедут? Не выпить ли нам по этому случаю?

Тэдо нравилось, когда с ним заговаривали о сыновьях, и, словно не заметив подвоха, он с напускной важностью отвечал:

— Ничего не скажешь, хорошие у меня сыновья.

* * *

Тэдо никогда не задумывался о смерти. Делая пробы, он почти ежедневно встречался со смертью, но ему ни разу не приходила в голову мысль о том, что в один прекрасный день он и сам ляжет в гроб и покинет этот мир, который не станет от этого хуже: солнце будет светить по-прежнему, пегухи будут петь, а веселые стайки детей будут как обычно ходить по утрам в школу.

В той же деревне, неподалеку от дома Тэдо, жила сумасшедшая женщина по имени Кето. Целыми днями она сидела

в своем дворе, уставившись в одну точку, и улыбалась. Обычно Кето молчала. Можно было хоть сто раз спросить ее о чем-нибудь, но ни разу не получить ответа. Лишь один вопрос вызывал у нее живейший отклик: если ее спрашивали, сколько ей лет, улыбка сразу сходила с ее лица, и, подумав немного, она выпаливала:

— Мы с этим дураком Тэдо ровесники!
Кето умерла в октябре.

Люди начали подшучивать над Тэдо: ты ведь ровесник Кето, смотри, как бы она там не соскучилась без тебя и не позвала к себе!

Весь октябрь прошел в уборке винограда. Урожай в том году выдался отменный. В винограднике Тэдо лозы под тяжестью тугих проздьев гнулись до самой земли. Соседи помогли ему и Бабале собрать урожай. Даже дочери Маргалита и Нуца приехали из города, и хотя они держались отчужденно и слова не сказали друг другу, соседи ничего не заметили. В понедельник Маргалита уехала утренним поездом, а Нуца — вечером.

Тухо совсем не приехал на ртвели. Поближе к вечеру из Телави на собственной «Волге» прикатил Прузо и, узнав, что брат и не появлялся, язвительно заметил: «А чего ему спешить? Приедет, когда вино будет готово».

По окончанию ртвели Тэдо зарезал ягненка, освежевал тушку и сам лично приготовил два блюда: каурму из потрохов и жаркое с помидорами, луком и перцем. Попотчевал гостей и шашлыком. Но когда пришло время грузить на арбу тяжелые корзины с виноградом, Тэдо неожиданно взял ружье и сказал: «Пойду-ка я голубей настреляю, вечером хороший ужин будет». И ушел. Соседи, из уважения к Бабале, сделали вид, будто ничего не заметили, сами погрузили все корзины, отвезли виноград в марани и так увлеклись работой, что совсем позабыли про Тэдо...

Снег в том году выпал рано; в деревне еще не успели и айву собрать, как наступили холодные дни.

Тэдо повадился ходить в кузницу. Там можно было и погреться, и поговорить вдоволь, да заодно и узнать деревенские новости. Кузнецы приветливо встречали его, иногда шутили: «А ну-ка, подними ногу, подковы у тебя не стерлись?». Когда же наступал час обеда, кто-нибудь, а чаще сам Тэдо, заводил разговор о шашлыке из свиной вырезки. Подмастерье бежал за мясом, и Тэдо собственноручно принимался за стряпню.

В понедельник утром Тэдо не пришел. Кузнецы не сразу заметили его отсутствие. Но к обеду Тэдо появился. Он вошел в кузницу сам не свой, втянув голову в плечи и зябко кутаясь в старую шинель с высоко поднятым воротником. Увидев его, люди засмущались, но Тэдо молча подошел к горну и протянул посиневшие от холода руки к огню.

— Бабале умерла, — ни на кого не глядя, сказал он.

Все рассмеялись. «Хватит тебе шутить, — произнес один из кузнецов, — а то как в той сказке про обманщика: никто не поверит тебе, если она, не дай бог, и вправду умрет. От чего ей умирать? Может, опять скажешь, что орехами обелалась твоя Бабале?».

Тэдо молчал.

Кузнецы тоже умолкли.

— Дрова колола.. топор соскочил с топорича... и по голове... там же на месте и скончалась... Сегодня утром, когда шел сюда.. на полдороге догнали... иди, говорят, домой... Бабале умерла.. Я пошел было... но не смог... решил опять к вам... не могу смотреть на нее...

В кузнице стало совсем тихо.

Немного погодя кузнецы взяли Тэдо под руки и отвели домой.

* * *

Люди в деревне жалостливые.

Смерть Бабале огорчила в деревне всех. Трое суток только и было разговоров о том, какая, мол, хорошая женщина умерла и что теперь будет с беднягой Тэдо.

На похороны собралось много народу, пришли даже из соседних деревень. Тэдо любили во всей округе. Люди искренне жалели его и сочувствовали его горю. Но была и другая причина, по которой некоторым не терпелось побывать на кладбище и увидеть все своими глазами. Эта причина — любопытство. Люди были наслышаны про семейные дела Тэдо, и теперь им не терпелось посмотреть, как будут вести себя его дети: «Интересно, помирятся ли братья и сестры? Кто заговорит друг с другом первый? Сколько лет мы их вместе не видели! Ведь не может быть, чтобы они или сам Тэдо не выкинули бы какую-нибудь штуку!». Снедаемые любопытством, они с нетерпением ждали дня похорон, как зрители ждут поднятия занавеса перед началом комедии.

Но Тэдо молчал. О чем бы его ни спрашивали: «Скажи, что делать? Что купить для поминок, телянка или барана?» — так и не смогли добиться от него ни звука. Лишь изредка, словно продолжая начатый с кем-то разговор, он вдруг приходил в себя, поводил вокруг глазами и громко говорил:

— Вот так... как говорится...

Все шло своим чередом. И лавашки напекли, и барана зарезали, так что во всем обошлись без Тэдо. Во время панихиды три дочери, одетые во все черное, сидели у изголовья гроба. Грузо и Тухо, сняв шапки, стояли в дверях и встречали посетителей. Всем пожимали руки и отлучались только тогда, когда их вызывали во двор или марани.

Настал день похорон. У открытой могилы, понятно, никто не ожидал никаких событий. Правда, после соседи говорили, будто бы дочери Тэдо вели себя смиренно только потому, что боялись гнева тетушки своей, хмурой Джавахи, которая успела помирить их перед самой панихидой. Так или иначе, но до самого кладбища никаких происшествий не случилось.

Наконец собрались опускать гроб в могилу, и тут Нуца не выдержала и запричитала:

— Куда ты, мамочка? Где же справедливость на этом свете? Ты будешь в земле лежать, а Маргалита по этой земле ногами ходить?

Кричали еще только первые петухи, когда Тэдо вышел во двор. Соседи удивились, заметив, что в такой ранний час уже на ногах: Тэдо был любителем поспать. Но каждый занят своим делом, и о нем скоро забыли...

Деревня постепенно просыпалась. Во дворе у Тэдо жалобно мычала корова. Куры топтались в огороде. Свинья забралась в марани и с хрустом лакомилась початками кукурузы. Отовсюду повеяло запустением...

Тэдо вынес из марани две доски, установил их на верстаке и взял в руки рубанок. Вскоре под его ногами зашуршали сухие, душистые стружки. Работал он не покладая рук до самого вечера. Все строгал и заколачивал что-то. Вечером, возвращаясь из виноградников, соседи заглянули к Тэдо и увидели под навесом новенький, сверкающий белизною гроб. Они шепотом спрашивали друг у друга: «Кто умер?», но в деревне никто не слышал о новом покойнике, а обратиться к самому Тэдо, только что пережившему такое горе, они не решались. Так ничего и не поняв, они разошлись по домам.

Тэдо взвалил на плечи гроб, отнес его в марани и запер дверь на замок.

— Для себя приготовил, — сообщила на следующий день Джаваха.

— Господи, с нами крестная сила...

Через несколько дней кто-то из соседей подглядел, как Тэдо сыпал в гроб кукурузу, и люди немного успокоились: теперь, когда там хранилась кукуруза, это уже был не гроб, а обычный ларь!

«Оставим его в покое, — решили соседи, — пройдет время, успокоится и станет прежним весельчаком Тэдо, каким был всю жизнь!».

Под вечер Тэдо отправился в колхозную контору. По дороге встретил детей, которые, увидев его, радостно заулыбались. Из кузницы его тоже окликнули — заходи, мол, поболтаем, душу отведешь! — но Тэдо прошел мимо и только тихо пробормотал:

— Вам бы только балаболить...

Подойдя к конторе, он, прежде чем войти, нерешительно потоптался у дверей. Его спросили:

— Ты зачем пришел?

Тэдо стоял, перебирая пальцами концы ремешка.

— Чего тебе?

— Ночным сторожем переведите, — с трудом выдавил из себя Тэдо.

— А гробы кто будет делать?

Тэдо помолчал, потом упрямо повторил:

— Ночным сторожем хочу работать...

Ответа он не получил.

Повернулся и пошел домой.

На другой день снова появился в конторе и сказал:

— В ночные сторожа меня определите.

Но и на этот раз ему не повезло.

Маргалита, стоявшая напротив сестры у противоположного края могилы, не осталась в долгу и немедленно откликнулась:

— Ма-ма-а! Встань и заткни ей ротку, не то я ей все волосы выдеру!

Люди задвигались, переглянулись, легкий шелест пронесся по толпе, словно осенний ветер пошевелил увядшие листья кустарника. И снова стихло.

— Как она любила петь и танцевать! — вдруг высказался Тухо.

Все опять зашевелились, послышались шепот, смешки, потом стало тихо.

— Вот-вот... пришла беда — отворяй ворота... — пробормотал Тэдо, и после этих слов стало еще тише.

И вдруг, неожиданно для всех, Грузо спрыгнул в могилу.

Теперь уже толпа зашумела, во всю задвигалась, задние стали напирать на передних, чтобы пробиться к могиле и своими глазами увидеть, что там будет делать Грузо. Старухи в черных одеждах упирались сморщенными руками в земляной холмик и, низко наклонившись, кричали ему:

— Ты что, совсем потерял голову? Нельзя так убиваться, ты ведь мужчина! Вылезай немедленно, или мы тебя самого землей засыплем!

— Мама-а! Бедная мама-а! — вопила Маргалита.

— Грузо к тебе хочет, ма-ма-а! Он не может без тебя! — причитала Нуца.

— Не бери его с собой, мам, он тебе и там покоя не даст! — не удержался Тухо.

Снова стало тихо, и в этой тишине из могилы раздался голос Грузо:

— Подавайте!

Четверо мужчин легко подхватили гроб и стали опускать его в могилу. Грузо выбрался на поверхность, взял лопату, другие тоже взяли лопаты и мотыги, и вскоре могила была засыпана.

— Вот так-то... пришла беда — отворяй ворота... — снова проговорил Тэдо и, не дожидаясь ни родных, ни соседей, один побрел домой.

За поминальным столом он сидел с таким видом, будто все это его не касалось. Когда пили за упокой души Бабале, он опустил голову и выслушал тост молча. Раза два его пытались расшевелить:

— Эй, Тэдо, что с тобой? Приди в себя, скажи хоть одно слово! Сам знаешь, все там будем! Лучше выпей вина да расскажи нам что-нибудь повеселей, как ты умеешь! Слезами горю не поможешь.

Но Тэдо молчал, и вопросы оставались без ответа. И к еде не притронулся, и вина не выпил. Сидел тихо и рассматривал собравшихся с таким видом, будто увидел их впервые. Его оставили в покое, столы не стали затягивать, а быстро довели до конца и разошлись по домам.

На следующий день все закончилось. Уехали и дети Тэдо, так и не помирившись...

Целую неделю Тэдо ежедневно ходил в контору и про-

сил: — Переведите меня в ночные сторожа.

В конце концов решили, что он просто забавляется. Кухозный бухгалтер даже не сомневался в этом: «Сами знаете, какой он баламут! Ему бы только посмеяться да людей пошмешить!».

Дня через два Тэдо опять поднялся ни свет ни заря и отправился в Бодбисхеви. Там на базаре он купил себе старую кобылу и вечером приехал домой верхом.

В ту же ночь вдвоем с кобылой он направился куда-то в сторону Алазани.

* * *

С тех пор в деревне никто не видел Тэдо. Еще не рассветало, как он уезжал к Алазани и целый день проводил в прибрежных садах и виноградниках. Возвращался домой поздно вечером, иногда и вовсе оставался ночевать в полуразвалившейся хибарке, давно покинутой каким-то местным бобылем. Теперь он сторонился людей и, заметив случайного прохожего, прятался от него в кустах и выходил только тогда, когда поблизости уже никого не было.

Если у кого-нибудь появлялась нужда в Тэдо, он приходил на берег Алазани и кричал:

— Эй, сторож!

Но Тэдо не откликался. Слышал и молчал.

Его звали и второй раз, называя уже по имени, но попрежнему не дождавшись ответа, излагали свою просьбу в уверенности, что он слышит:

— Погляди-ка, Тэдо, там чья-то корова забрела в мой сад, выгони ее!

Тэдо и на этот раз не отвечал, но спустя некоторое время шел туда, где паслась корова, и прогонял ее из сада, а затем снова прятался в своем убежище...

* * *

Людская память короткая, и о Тэдо стали постепенно забывать в деревне, как забывают зрители любимого комика, ушедшего со сцены.

...Как-то весной, когда в Алазанской долине белыми цветами пенились деревья алычи, а розовым цветом — персики, в сумерках пол-летнему жаркого дня кто-то позвал Тэдо:

— Эй, сторож! — Ответа не было.

— Эй, сторож! — еще громче закричал мужчина.

— Эй, сторож! Сторож! Сторож!

А сторож неторопливо шагал по дороге и вел тихую беседу:

— Добрый вечер, жена!

— Здравствуй, Тэдо!

— Как ты?

— Напрасно ты так спешил, до ночи еще далеко!

— Чего ж там далеко... уже темнеет. Пойти мне с тобой?

— А чего ждать-то?

- Ладно, тогда идем.
- А виноградник перекопал? — спросила Бабаде.
- Рано еще, пусть дожди пройдут.
- Иди быстрее, не отставай!
- А куда мы идем?
- Пойдем в виноградник.

На следующее утро люди нашли мертвого Тэдо. Он лежал в винограднике, и глаза его были открыты. Неподалеку бродила лошадь.

Подойти к мертвому решились не сразу, сначала окликнули его — кто знает, может, деревенский шутник и здесь выкинет какую-нибудь шутку и перепугает до смерти?!

Но понемногу осмелев, подошли поближе. Сначала один, потом другой принялись звать Тэдо:

- Тэдо! Ты слышишь, Тэдо?
- Вставай, чего разлегся!
- Так и будешь дурака валять до самой старости?!
- Хватит шутки шутить!
- А ну, потряните его как следует!
- Гляди, и не улыбнется.
- Ну, перестань, пошутил и хватит!
- Вставай, Тэдо! Люди пришли послушать тебя!
- Ты что, оглох, что ли?
- Господи, с нами крестная сила... да он и не дышит!
- Тэдо!
- Тэдо!

Джаваха растолкала всех и мрачно сказала:
— Отойдите в сторону, я ему глаза закрою...

ЗИМА в этом году выдалась долгая. Целых два месяца не переставая шел снег. Лишь в редкие ночи небо очищалось, но тогда становилось еще холоднее.

Целых два месяца сельчане не видели солнца. Но они не роптали: зиме полагалось быть снежной.

Про солнечную погоду даже вспоминать казалось неудобным.

И лишь с наступлением февраля люди вдруг почувствовали, что, согласно всем законам, и человеческим и небесным, солнцу пора появиться на небосводе. Предчувствие превратилось в ожидание. И теперь все в один голос заговорили о бессовестно затянувшейся зиме и неистово ждали солнца, чтобы отогреть свои промерзшие за зиму кости.

Сегодня, наконец, появилось солнце. С утра оно было холодным и не очень ярким, но к полудню стало пригревать. Снег осел над зажурчавшими под ним ручейками. Началась капель.

Деревья стряхнули свои снежные уборы и облегченно распрямили ветки.

На небольшой, не больше крестьянского двора, центральной деревенской площади, в том месте, где снег растаял и земля успела просохнуть, собрались сельчане. Женщины расположились на низеньких треугольных табуретках, мужчины сидят тут же, на сваленных горой бревнах. На куске войлока, расстеленном прямо на земле, ползает младенец.

Рядом гуляет наседка с пушистыми желтыми цыплятами. Всем тепло, всем хорошо.

Одна из старух треплет шерсть, изможденная маленькая женщина рядом с ней сучит нить.

Полная, рыхлая женщина в черной одежде перебирает зерно для кутьи.

Сегодня в первый раз после долгой зимы светит солнце, на улице потеплело, и люди на радостях вышли из домов, чтобы посудачить с соседями, поделиться новостями и вкратце наговориться о деревенских событиях. Отупевшие от зимней скуки, пока еще заторможенные и вялые, словно медведи после спячки, они неторопливо перебрасываются словами, мешая правду с вымыслом, а быль украшая чудовищными небылицами.

— Ну что, тепло тебе, бабо?

— Откуда мне знать, сама только что пришла.

— С крыш, небось, сильно капает?

— Капает, милая, капает...

— Говорят, вашей соседке, Маро, совсем худо?

— А когда ей было хорошо?

— И то правда. Зажилась на свете старуха, дай бог ей здоровья...

— Идите в сторонку играть, ребятишки. Не ровен час, снежком ударите...

— А мать будто и не видит, хоть бы слово им сказала!

— Она сама хуже их!

— Как моя невестка...

— По-прежнему с тобой ссорится, бабушка Балю?

— Да разве она перестанет?!

— И как ты только терпишь? Помню, в тот день венком в тебя запустила.

— Послушай, бабо. А соседка ваша, Маро, говорят, красавицей была?

— Конечно, была, а то как бы второй раз замуж вышла?

Мужчины шуруют. У них свои интересы, у женщин — свои. Изредка нити разговора пересекаются, сливаются как реки в одно русло, потом снова расходятся, и каждый поток течет в своем направлении.

— Михо-о, а ты уже обрезал лозу?

— Куда спешить? И завтра день будет. А ты?

- Пска нет: у меня всю зиму поясница болела.
- А в лес за подпорками ходил?
- На той неделе собираюсь.
- Чего ж смотришь? Зима-то кончилась.
- Не скажи... Это солнце обманчивое...
- Васо кабана заколол.
- Небось здесь будет продавать?
- В город повез. Ты зайди к нему, шашлыком угостит.

Солнце клонится к закату. Место, где сидят женщины, накрывает тень. Они встают и пересаживаются на солнечную сторону.

— Умерла, и слава богу. Похоронила я ее, все как полагается сделала. А зачем мне теперь в трауре ходить? Можно подумать, что она хорошей свекровью была... Нет, если считают, что она недожила своего, пусть эти годы моим детям прибавятся!

— Послушай, женщина, убери отсюда свою наседку: того и гляди, она моего маленького в глаз клюнет!

— Ха! Ворон она, что ли?

— А ты другого места не нашла? Зачем сюда ее принесла?

— А куда еще? Здесь сухо.

— Пасха у нас на какой день приходится?

— Посчитай сама: воскресенье после масленицы.

— Ты пост соблюдаешь?

— Теперь уже нет.

— Не боишься? Тоже на том свете будешь...

— Чтoб у тебя язык отсох!

— Мужик-то твой как?

— Не говори. Может, дотянет до весны, а может, и нет...

— Как и бедная Маро.

— Сравнила! Когда мой родился, Маро уже в первый раз замуж вышла.

— Не горюй, он свое тоже на свете пожил.

— Жалко ведь...

— Это я так, к слову сказала... конечно, жалко. Живой ведь человек.

— Куда ты несешься, куда? Чтoб тебе пусто было! Уроки, уроки ты сделал?

— А как же!

— Погоди вот у меня, приду домой...

— Шакро, тебя жена кличет!

— Пусть.

— Да оглянись ты!

— Чего ей надо?

— Вот приду, говорит, узнает сам!

Солнце теперь словно торопится уйти. Тени быстро становятся длиннее. Женщины встают и в третий раз пересаживаются на солнечную сторону.

— Пока моя свекровь пластом лежала, я от нее ни на шаг не могла отойти. А теперь что? Я — вольная птица: то к одной подруге могу пойти, то к другой...

— Говорят, Шанаташвили дочку замуж выдали.

— Скажи-ка! За кого?

— За продавца нашего.
— Экое добро нашли.
— Убери ты ради бога цыплят своих, не видишь разве по голове ребенка ходят!
— Пусть ходят, ничего с ним не случится.
— Ты думаешь, мы его на дороге нашли, что ли?
— Гляди, кума, гляди... совсем совесть потеряли?!
— Кто, кто?
— Да вон эти... Видишь ту девчонку с парнем?
— Где? У родника-то?
— Ага. За водой ей, видите ли, понадобилось прийти!

Пить ей захотелось! У-у, бесстыжая!
— Значит, так, Нико, в это воскресенье — нет и в то воскресенье — нет, а вот через две недели моя хозяйка вернется...

— Ежели в нынешнем году, бог даст, град все не побьет, то парня в город учиться пошлю и крышу перекрою.

— Иди, сынок, домой, огонь разожги. Стемнеет скоро.
— Прошлогоднее вино-то у тебя осталось?
— Кому я сказала: разожги огонь! Чтоб тебе гореть в этом огне!

— Эй, Ладо! Иди сюда, поговори с нами!
— Счастливые вы люди: сидите и знай себе языками мелеете.

— А у тебя что: забот полон рот?
— А как же! У него сын уже пятый раз подряд экзамен сдает!

— Твой-то сдал?
— И не собирается... силой не заставишь.
— Женить его надо!
— Осенью женим.

— Говорит, годовщину справляй! Ишь, чего захотели! И без этого израсходовался. На поминки бычка зарезал? Зарезал! Барана зарезал? Зарезал! И на сороковой день пришлось барана покупать. Куда столько? Неужели и на том свете никак не насытится ее душа? Что ж, по-вашему, если я в годовщину не устрою пир на весь мир, то моя теща из могилы выскочит?

— А она часто с тобой ругалась?
— Будто вы сами не слыхали...
— А все-таки?
— Про мертвых плохое не полагается говорить.
— Злая была старуха, упокой, господи, ее душу...
— Эта тоже злющая.
— Кто?
— Бабка Маро... Давно уж она болеет.

К площади бежит девочка. Еще издали она машет рукой и кричит:

— Бабо Маро умерла!
— Кто, кто?
— Маро, говорит, умерла!
— Не может этого быть!
— Почему не может? Старше ее нет ни одного камня в нашей деревне.

— Недавно тоже такой слух пустили, а оказалось брехня!

— Чтоб им не дожить до ее лет, кто такие старым человеком строит, — ворчит одна из старух.

— А ты сходила бы к ней, бабо. Может, успеешь ей какое поручение на тот свет передать...

— Зачем ее беспокоить, я и сама скоро туда пойду.

— Смотри, и не боится такое говорить!

— Поживи с мое, и ты бояться перестанешь.

— Долгих лет тебе, бабо!

— Печку разжег, сынок?

— Тебе говорят, парень, не слышишь, что ли?

— Где ему слышать, у него ветер в голове свищет! Кому я сказала: иди домой и затопи печку!

— Наверное, пора уже огород копать...

— Потерпи маленько, земля пусть подсохнет.

Солнце скоро совсем скроется. Тень уже накрыла всю площадь. Дует легкий ветерок.

Женщинам пора расходиться. Мужчины ждут, пока они разойдутся, чтобы и самим уйти следом за ними.

— Я же говорила! — слышится на дороге женский голос.

— О чем ты?

— Не умирала она!

— Недавно тоже пустили слух: умерла, умерла...

— Она без памяти лежала, потом в себя пришла, только вот язык у нее отнялся...

— Не решилась, видно.

— Умирать кому хочется...

— Намучились, однако, с ней в доме...

— Да разве она им мешает?

— Не дай бог дожить мне до этого... чтобы без чужой помощи кусок хлеба не проглотить!

— Когда уходишь — уходи.

— С ее покойным мужем тоже так было: пять лет на одних лекарствах жил.

— погоди, вот зима уйдет и ее заберет с собой.

— Дай бог здоровья моим детям и внукам... Почему спрашивают, черное платье не надела? А зачем надевать? Можно подумать, что она мне хорошей свекровью была!

— Как эта Маро...

— Вот и солнышко скрылось.

— Пойду я... сынок уже, наверное, огонь развел... Он ведь у меня такой — не сунешь книгу в руки, уроки не приготовит...

— Ты будешь завтра дома, бабо?

— Где ж еще, в земле, что ли?

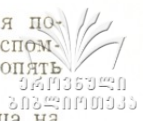
— Войлок не забудь, бабо!

— Подай мне, милая... коленки-то мои уж не гнутся...

— Спокойной ночи вам всем, люди добрые.

— Спокойной ночи и тебе!

Темнеет. Над трубами поднимаются дымки. Деревня постепенно засыпает. Старуха Маро все еще жива. О ней вспомнят снова через день или через год, когда кто-нибудь опять прибежит на площадь и крикнет: «Померла!».

А сейчас деревня погрузилась во тьму, и ни одна душа на свете не знает, что эта забытая богом старуха будет долго «коптить небо» и только спустя пять лет она спокойно перекрестится и, подобно актеру в финале спектакля, скажет роковые слова:

— Возьми меня к себе...

И в тот же миг все для нее покроется мраком, и лишь один тоненький, как паутина, луч высветит ее, словно слепленое из желтого воска, лицо, вытянутые руки, и глас, идущий из земных глубин, коснется слуха старухи:

— Сомни очи свои и иди за мной!

Но тогда уже не будет этой ранней весны. Не будет и этих тающих льдинок, с которых ручьем текут слезы... Горячее июльское солнце будет пылать над безлюдной деревней— все, от мала до велика, уйдут в поле на сенокос или жатву. На миг умолкнут сверчки. Испуганная кошка, крадучись, выйдет во двор и скроется под навесом. Дворняга, настороженно подняв уши, будет неотрывно смотреть на открытую дверь дома. И никто из людей не услышит последних слов умирающей. Зрители, уставшие от тяжелого дневного труда, придут только с наступлением темноты...

Прощание

ПЕРЕПОЛНЕН-
НЫЙ автобус
катит по доро-
ге. Один из пассажиров
— старик с мохнатыми
бровями, в ~~к~~ круг-
лой войлочной шапке
— пробирается к задне-

му сидению, на котором, зажатая со всех сторон корзинами, сидит маленькая старушка и зорко поглядывает по сторонам.

- Послушай... ты не Магдана ли?
- Магдана я, конечно, Магдана!
- Здравствуй, Магдана!
- А ты, часом, не Миха?
- Миха.

— Как живешь, Миха? Как ты, бичо?*
— Хи-хи, «бичо», — прыскает стоящий рядом веселый чатый мальчишка.
— Что ты зубы скалишь? — прикрикивает на него старушка.
— Для меня он — бичо! А то как же? Как поживаешь, бичо?

— Да как тебе сказать... вроде ничего...

— А ваши? Небось, внучек уже замуж выдал?

— Давно... Старшей повезло: в городе живет... сейчас от нее возвращаюсь. Средняя тоже замужем, в Ахмете поселилась. Хорошо устроилась. Только с младшей не все как следует получилось...

— С младшенькой? С малышкой?

— Парень ей попался... непутевый. Трезвый еще ничего, а как выпьет — просто бешеный становится, хоть веревкой вяжи!

— Зачем же отдали за такого?

— А кто нас спросил?! Как-то поехали в Алаверды, а вернулись — ее и след простыл: в Пшавети увез ее, к своей тетке.

— Надо было дома запереть.

— Запирали. Только через окно вылезла...

— Эх-хе-хе, вот они, теперешние...

— А ты как? Что у тебя нового?

— Да все так же.

— Откуда путь держишь?

— Из города. Цыплят на базар возила.

— Продала?

— Им задаром отдавай! Я говорю, попробовали бы вы сами их высидеть!! Думают, что легко...

— Им, городским, все легким кажется... Ну вот и наша деревня, — говорит старик и собирает свои корзины. — Ну, будь здорова! Прощай!

— Прощай и ты... Кто знает, увидимся ли?

— И впрямь, кто знает...

— Прощай, бичо...

Старик выходит. Старуха вдруг вскакивает, проталкивается к открытому окну и пронзительно кричит:

— Миха, ты меня слышишь, бичо?

— Слышу!

— Если я... если обо мне скажут... то вы приходите, не поленитесь...

— Не бойся!

— Непременно приходите... мы ведь не чужие... полагаются вам...

* Бичо (груз.) — парень.

Старик уже не отвечает. Старая женщина еще долго провожает его взглядом.

— Хи-хи, «бичо», — снова ухмыляется веснушчатый.

Старика уже почти не видно. У старухи, словно от боли, морщится лицо. Она беспомощно оглядывается по сторонам, затем останавливает свой взгляд на веснушчатом:

— И нечего тебе смеяться... Для меня он и сейчас еще мальчик... такой... как ты...

Перевод Лили ГРОМЕКО

Саповнела

Ты помнишь, простор Имерети пылал,
Когда в октябре пламенела
Краса луговая, мельчайший коралл,
Осенний цветок — саповнела?

Кто ищет судьбу, кто—колечко свое,
И все доверяются смело
Цветку луговому и просят его:
«Найди, отыщи, саповнела».

Я тоже цветок приколола на грудь,
И вот — не успела и шагу шагнуть, —
Как ты отыскался! Отныне — в душе
Цвети, луговая отрада:
Любимого мы отыскали уже,
А прочих сокровищ — не надо.

Женщина из рода Церетели

Она угасала. Все ближе дыхание смерти.
Разлука с отчизной со смертью ее примирила.
— О, дайте увидеть небесную синь Имерети!
Водою меня окропи, ледяная Квирила!
И что за болезнь? И откуда мученья такие?!
О чем доктора над постелью моей говорили?
Одно только слово сказали они: «ностальгия».
Сказали, что лечится только водою Квирилы.
Эгей, умираю! Все ближе дыхание смерти...
Далеко взлетела, а где свои крылья сложила?
О, только б увидеть небесную синь Имерети!
О, только б водою меня окропила Квирила!

Я и она

В черном городе — Чиатуре —
Я оставила девочку ту.
Сновидений метели дули,
И черешни цвели в саду...

Как близка до нее дорога!
Будто рядом родной порог.
Выйдет девочка, глянет строго,
А в глазах у нее упрек:

— Растеряла ты ненароком,
Разбросала мои мечты!
— Не гляди на меня с упреком
И не плачь понапрасну ты.

Так и надо — мечтать о многом,
Как черешня, стоять в цвету,
Чтоб потом по земным дорогам
Пронести хоть одну мечту.

Если мы не пойдем друг друга,
Я обиды не затаю.
Юность, подлинности порука, —
Принимаю мечту твою!

Благодарна судьбе за то, что
Нам разлуки не суждены:
Нашей юностью, это — точно! —
Все щедроты души даны.

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

КАЛЕЙДОСКОП

● Миниатюры

Калейдоскоп - I

КАЛЕЙДОСКОП — это некий волшебный бинокль. Разноцветные кусочки стекла образуют удивительные узоры на треугольном дне колодца. Кружится калейдоскоп, и меняется цветной узор, его контуры, пощелкивая, смеяются друг друга и, все время повторяясь, создают иллюзию бесконечности.

Калейдоскоп...

Белый цвет осеняет каждый угол, каждый круг, каждую волну. Живет здесь бесхитростная, величественная пестрота: осенние леса Кахетии; мутная Алазани, блеск Мунисчалы с примесью синевы; ток; круглое и желтое солнце; пунцовый цвет кирпича; палевый и серый; прозрачность горного родника и сменявшая синеву, мелкой дробью изрешеченная чернота, луна цвета стали.

Синевато-голубой лунный цвет осеняет каждый угол, каждый круг, каждую волну.

Он живой — калейдоскоп.

Я РОДИЛСЯ в 1946 году в Тбилиси. Детство провел в Кахетии, в Телави, где и окончил среднюю школу. В том же году поступил на филологический факультет ТГУ.

Пишу стихи с 1957 года. Мой первый поэтический сборник «Телавский платан» вышел в 1977 году.

Рассказы начал писать в период учебы в университете. Печатаюсь с 1972 года.

Баадур БАЛАРДЖИШВИЛИ

С глухим ритмом бьется он в кровавом отблеске, его хрупкие ткани то и дело нетерпеливо вздрагивают — это прожилки листьев липы, упругий стебель травы, непорочность молодой еловой шишки... Сеть трещин асфальта, ржавая паутина электропроводов, шум покрышек, стены, окна, деревья... Промелькнувшие незнакомые лица, смуглые щеки, носы, глаза, сигаретный дым... Подъем, мощный тесаным гранитом, гудроном выштукатуренное поле, небо..

Он живой — этот калейдоскоп.

Автобус

АВТОБУС едет из Ахметы. Шофер прихватил в Телави крестьянок. Старый автобус непрерывно трясется и шумит.

— Останови, сынок!.. Останови!

— А ну вас совсем! У каждого куста останавливай, еще чего!

По обе стороны дороги — по левую к Гомбори и правую к Кавкасионии — видны белые храмы: Алаверды, Икалто, святого Георгия, наверху — Шуамта, внизу — Греми и Мтаварангелози.

— Ишь ты, может, у базара тоже не остановишь?

— Сброшу всех посреди дороги, понятно?! Не довезу до базара.

Рунспирская хинкальная в начале моста, Хергильская столовая в конце его. Серебряные тополя тянутся вдоль до-

ропи и сыплют желтые листья на свинцовый асфальт. Снова прибрежная роца, телавская прибрежная роца и базар: сельмаг, магазин железоскобяных изделий, прилавки «Грузторга» — на прилавках пестрые «предметы роскоши» — записатные на рентгенопленку «песни любви», мелкий товар, вино, водка, соль, куры, индейки... азербайджанцы, армяне, русские, лезгины, тушины, пшавы, хевсур, кистины...

— Ну и черный же ты, сынок, водой, которой умоешься, хоть чулки крась.

— Ты, мамаша, брось трепаться, деньги лучше приготовь, не то забудешь.

Продают, покупают, божатся, лгут, крадут, блудят, пьют. Вокруг гвалт, честная скупость, беззлобная брань, серьезность, вызывающая улыбку.

Потом устанут, напьются...

Подступят сумерки; довольный базарным днем зеленщик зажмет под мышкой пустые мешки, последний пьяный, шатаясь, отправится домой. Повернет обратно и автобус.

— Ты не слишком уж гони, сынок, мы ведь стоим, не сидим, так и бросает из стороны в сторону.

— Тоже мне, как бы почечки не порастеряли.

Убеждают, ругаются, просят, требуют, дают, отнимают, обманывают, сами остаются в дураках, стоят у прилавков, ломаясь под тяжестью горок редиски, зелени, помидоров, баклажан, черемши, прибов... Заходят в парикмахерскую мастера по кличке «Берелиса», духан некоего «Пахи»... Говорят: «шилдисские помидоры хороши», «кондольская черешня червивая», над шалаурцами подшучивают частушками вроде:

Я скажу о красоте,
шалаурцев гордых,
тыкву носят на руках,
на плечах колоду.

ИЛИ

Любят шалаурцы мясо ишачье,
пусть оно хоть свежее,
хоть позавчерашнее.

Базарный инспектор — «Центнер Миша», родом из Шалаури, несколько неприязненно смотрит на остряков...

В начале лестницы, спускающейся к базару, низкая будка «Рыжего» — сапожника с бурой бородой. Стены внутри сплошь оклеены фотографиями: Арсен Меконишвили, Радж Капур, Лейла Абашидзе, высунувшая голову в окно автомашины, голая Бриджит Бардо и прочее, и прочее...

— Мать, хочешь, вместо денег за автобусный билет луком расплатись?

— Ишь какой умный!

— Тогда продай пять килограммов.

— Нет, сынок, связками продаю.

— Ваа, ты мне продай пять кило, а там хоть связками, хоть букетами.

Женщины обходят магазины, потом собираются и едут домой на один рейс раньше мужчин. Мужчины допоздна за-
сигниваются в столовой на площади, у «риби», то бишь «РБ»

— Сдачу покрепче завяжи, мать, как бы из твоего солли-
вого платка не высьпалась.

— Ты, вижу, такой бережливый, сынок, дай-ка сосватаю
за тебя девицу Каркатаани, хорошей семьей обзаведешься. Это
ничего, что у нее шестеро ребят, от двоих муженьков осталось...

По старому Телави — времени Квирикского замка, кре-
пости Вахвахани, Столпа Ираклия, Пикрис-гора —
горы Раздумий и Мамикианского подъема — шагают силуэ-
ты серого железобетона: строящийся по премированному про-
екту новый театр, новая гостиница, новое общежитие, новое
здание педагогического института, новый студенческий го-
родок.

Тарзана, правда, Джен любила...
Но под ним канат разрубила..

Тигран Ахпателов сбывает в конце базара «песни люб-
ви» — исполняют Дампало и Красавец Готия. Даешь музыку!

Фрагмент

ПЛАТАН окутан туманом.

На Надиквари в бильярдной маркер Лухута играет
«на интерес» с Коротышкой Гивия.

— Вы, я скажу, такие клиенты, надо мелом черту прове-
сти, чтобы через нее переступать не смели, не то, знаешь, по-
сади синью за стол, она и ноги...

— Давай, давай...

— Пятнадцатый, в угол, стопроцентка...

— Целься получше...

— Не беспокойся...

На Надиквари стояла липа, большая, старая липа. Не-
сколько дней подряд дул сильный ветер и обломал ветви де-
рева. Там же был, и остался, небольшой водоем. Опустели ко-
ричневые поблекшие беседки на краю обрыва, в беседках сто-
ят голубые с потрескавшейся краской лавки с ржавыми чу-
гунными ножками. Надикварская столовая — «Павильон», ели,
летний театр с шаткими деревянными стенами и деревянным
орнаментом, танцплощадка... Ноябрь. На Надиквари холодно.
Люди редко выходят на улицу. Платан окутан туманом.

В доме живут два брата. Потомки древнего, но, как гово-
рят, сомнительно древнего рода. Один водитель, и второй то-
же. Один — толстый и низенький, как сноп, второй такой же, да
и лысый впридачу (дай бог им здоровья!). Есть у них жены и
дети. Среди них выделяется младший сын толстого, круглый,
розовый, упрямый и непослушный на редкость. Он гонится за

своим (по возрасту куда более старшим) двоюродным братом и старается попасть в него горячей спичкой. Двоюродный брат, ругаясь, отбивается палкой.

— Аухджан Бадриджан! Аухджан Бадриджан! — каким голосом выкрикивает маленькая девочка: круглый и розовый неожиданно стянул с себя штаны и присел тут же.

— Не делай там, говорю! — раскатисто кричит с балкона дородная мать. Круглый и розовый поднял штаны и отвесил тумака маленькой девочке.

— Атаанда-а! — кричат дети: корова со сломанным рогом вприпрыжку бежит по склону и мотает головой из стороны в сторону — ее преследует дворняжка. Ноябрь. У детей от холода горят лица..

В нынешнем году разрушили здание милиции. На его месте выстроили новое — широкое и светлое.

На Пикрис-гора высятся серый параллелепипед строящейся многоэтажной гостиницы. Ржавый ажур подъемного крана плывет по серому небу. На верхушке его развевается красный флаг.

В Телави установлен памятник Ираклию II, скульптора Мерабишвили. Постамент, сложенный из крупного галечника, гармонично сочетается с мшистой фактурой фундамента. Ираклий сидит на коне с саблей в руках, сабля острием указывает на север в сторону единой России. Памятник превосходно смотрится на фоне кирпично-каменной кладки крепости и зеленых деревьев. Разбросанные неподалеку на подъеме старотелавские дома усиливают впечатление.

Инцидент

СКОЛЬКО и куда бы ни ходил, если вышел поохотиться на дроздов, все равно под конец окажешься у этой скалы. Надо съехать с нее, иначе все равно упадешь, спускаясь. Из скалы выбивается холодный родник, настолько холодный, что зубы ломит в самый разгар лета.

Сегодня что-то произойдет...

Гогия вышел поохотиться на дроздов.

А Дурмишхан вместе с той городской девушкой, которую зовут Мзия и которая сообщила всему свету, что учится в театральном институте, сидит у родника и слушает развесив уши:

— Бадриджан (груз.) — баклажан.

— Омарка Дзвелидзе — потрясный Гамлет. Ну, прямо колоссально понял роль... Конечно, Зизи помогла подготовить, и это имеет большое значение... Ну, Зизи просто гениальна... И спектакль не состоялся! Представляешь?! Режиссерские интриги...

— Да, да, — кивает головой Дурмишхан, абсолютно уверенный, что она в самом деле знает все о режиссерских интригах.

— А что он с той ролью сделал?

— То есть как что сделал? — засмеялась Мзия... — Подготовил.

— Ну... так она и останется подготовленной? — Дурмишхан теряется и краснеет. Мзия все прекрасно чувствует и понимает и совершенно не собирается нарушать неловкого молчания.

Сегодня что-то произойдет...

У Гогия с Дурмишханом старые счеты...

Кто-то топает по скале и сквернословит. Дурмишхан вскакивает на ноги и хмурится, как небо перед грозой.

Мзия легко вскрикнула, отметив тем самым, насколько неожиданным было появление Гогия, и с любопытством уставилась на парней.

— Чего ругаешься или не видишь никого?

— Кого все же? — странно улыбается Гогия.

— Кого, кого... чего задираешься?! — Дурмишхан перешел в наступление.

— А если и задираюсь, что с того?

— Дурмишхан! Пойдем со мной! — вмешалась Мзия, взяла парня под руку и отвела в сторону. Дурмишхан в выигрыше: не побоялся человека с ружьем. Да и Гогия не теряет, смеется громко и разряжает двустволку в воздух.

— Омарке Дзвелидзе привет!

— Ух, твою...

Вот так-то.

Гость

КОНЕЧНАЯ остановка поезда — Телави. На перроне три кипариса, зеленый газетный киоск, маленький бассейн и столовая. Несколько человек радостно встречают женщину, приехавшую в одном вагоне с седым, приятной наружности мужчиной.

Он молча выходит на привокзальную площадь. Все такси уже заняты. Он поднимается в полный автобус. «Поехали!» — кричит водитель, дверь закрывается.

Мешки, корзины, коренастый парень, усатый крестьянин, старушка в черном и уставившаяся в одну точку краснощекая

девушка... Автобус пополз в гору. Коренастый часто поглядывает на краснощековую.

— Ника!

— А! — Шофер слегка поворачивает голову.
— Когда завтра умоешься, воду не выливай.

— Почему?.. (Водитель, конечно, настроился на шутку).

— Бабушка белую рубашу мне сшила, хочу ее в черный цвет перекрасить.

Коренастый парень явно старается понравиться краснощековой девушке. Автобус смеется и гогочет. Парень искоса наблюдает за девушкой.

Усатый крестьянин: — Ну и язык у него...

Старушка в черном: — Гром его порази.

Но парня уже никто и ничего не в силах остановить.

— Слышишь?

— Чего? Чего? — откликается шофер, предвкушая очередную остроу.

— Недавно, оказывается, отец мой на базаре был. А там одна женщина лук продает. Почем килограмм — отец спрашивает, а она отвечает — я, говорит, не килограммами продаю — связками, слышишь? А мой отец — ты мне кило продай, хочешь связками, хочешь букетами, говорит...

Все смеются, кроме краснощекой. Нижняя губа у нее прикушена, вот-вот откусит начисто. Парень прибегает к последнему приему — повернувшись к девушке заразительно смеется.

Усатый крестьянин: — Артисты вы, отец и сын, чисто артисты.

Старушка в черном всем своим видом подает пример краснощекой — будь, мол, как я, гордой и неприступной.

Он сошел на площади. В новом саду на скамьях сидят пенсионеры. Рядом дети играют с каким-то бородачом в шляпе. Пенсионеры сдержанно улыбаются. Он идет неторопливым шагом. Заходит в столовую. Она почти пуста (только за одним столиком несколько молодых людей пьют пиво и едят копченую рыбу). У буфетчика весьма меланхоличный вид.

— «Приму» и кружку пива.

Буфетчик лениво наливает пиво, возвращает сдачу и как бы между прочим говорит:

— Нету «Примы»...

— Простите, не знаете ли случайно, где живут Мазанашвили?

— Мазанашвили? Сандро! Это, видать, гость Ироди...

Из-за стола встал парень, подошел к нему.

— Приехали на свадьбу?

— Да.

— Пойдемте к нам, а потом я провожу вас.

— Да нет, спасибо, я сам, только вы скажите адрес.

— Знаете, где находится базар?

— Прежде я бывал там...

— Короче, пройдете вон там, а за мостом — базар, за ним дорога, пойдете по ней и... сами увидите, там уже такое творится!..

- Спасибо.
- А теперь выпейте кружку... за наше знакомство.
- Он согласился. Подошел к столу. Познакомился с остальными. Парни смотрели на него с любопытством.
- Вы родственник Ироди?
- Да, наши отцы — двоюродные братья.
- Ого!..
- Как же вы будете пить вечером? — улыбнулся гость.
- Хе-хе... Выпьем, не беспокойтесь. А может быть, вам водочки?..
- Нет, и не просите меня, если можно, — испугался гость.
- Ну что вы, как можно?
- Они улыбаются. Сандро тоже улыбается ему, прощаясь. Он пошел по улице, разделенной газонами, дошел до указанного места. Перед входом на базар был разложен разный скарб: керосиновые лампы, жвачка из сваренной в молоке сосновой смолы, иглы, шибак...*
- Мне нужно шибак побольше, понял?
- Ух, надоела, для себя, что ли, покупаешь?
- А чтоб ты провалился, — женщина в ярости уходит. Он засмеялся.
- Эй, приезжий? Чего смеешься? Все, кого вокруг видишь, на моих шибак выращивены,

Вязанка хвороста

ПОМНЮ, мы тогда жили в доме Чичикаани, что за мостом. По вечерам одноухий крестьянин проходил мимо нашего двора с вязанкой хвороста.

Ни «здравствуй», ни «до свиданья», только оглядывался, точно говорил: «Знаю, ты здесь», и продолжал свой путь по спуску, волоча по земле сухую вязанку хвороста.

Вроде того крестьянина, глядят порой на меня твои дни, а в большинстве смотрю я на тебя, словно хочу догадаться — на что ты мне указываешь, где мне собрать свою вязанку хвороста.

Лес огромен, а троп множество — иные утопаны до твердости камня, иные скрыты под высокой густой травой.

В шелесте листвы спрятались твои отметины, и я всецело доверился лесу — как хочется знать мне, откуда тот крестьянин нес хворост.

«Я при луне, на краю ущелья собираю ладонями светлячков твоего неба... словно сон, ускользают они между пальцев... приятным всплеском выводят из оцепенения. Многие лета! И пусть водит меня звон твой в прохладной твоей ночи...».

Я уже знаю, что такое взгляд мгновенный; я уже знаю благодатную силу того как бы случайного взгляда, которым великодушно одаривал меня одноухий крестьянин.

* Шибак — трубка для стока мочи в грузинской люльке.

В ТОТ ДЕНЬ шел дождь, асфальт блестел. С ревом промчалась в сторону больницы «скорая», Телавцы, укрывшиеся от дождя под балконом театра, проводили машину любопытными взглядами.

Старший друг Николоз толковал о злободневных семейных делах с младшим другом Дурмишханом.

— Вообще-то женщина не запрещать должна, а дать понять, — говорил Николоз.

— А то как же... я и не вытерпел, показал ей, где раки зимуют. А тут моя мать выскочила: с женой, говорит, разве можно так разговаривать, ну-ка, говорит, представь, если другие с ней так разговаривать станут...

— Дальше?

— Кто это, другие, спрашиваю?! Ты что-то, говорю, не то говоришь? О каких это других ты говоришь? Станут, так я им покажу кузькину мать, говорю...

На противоположном конце площади Свободы, у киноашифи, остановился раздолбанный Анзор «виллис». Анзор спрыгнул на землю, втянув голову в плечи, перебежал площадку и влетел в гастроном. Когда он показался снова, Дурмишхан громко и пронзительно свистнул. Анзор, стоя одной ногой на подножке, повернул голову и вопросительно уставился на людей под балконом. В руке он держал сверток. «Ты куда?» — помахивая рукой, спросил Дурмишхан. Анзор жестом же подозвал его. Дурмишхан поспешно попрощался с вошедшим во вкус нравоучений старшим другом Николозом и побежал к машине.

В «виллисе» сидели четверо. Сам Анзор, маленький сосед Анзора, Дурмишхан и Коротышка Гивия. Выехали они в полночь. Машина миновала поворот и пошла по жнивью. Они прихватили с собой ружья, хотя собирались охотиться с помощью прожектора (ружья взяли на всякий случай. Мало ли что подстерегает ночью в дороге).

«Виллис» медленно шел по жнивью. Впереди сидели трое: Анзор, Дурмишхан и Коротышка Гивия. Гивия держал в руке прожектор, подключенный к аккумулятору автомашины.

Анзор был охотник опытный, Дурмишхан и Гивия надеялись на него.

— Только вслухну — мигом ослепляй, не теряйся, — говорит Анзор Гивия.

Первый перепел выпорхнул чуть ли не из-под самых колес машины. Гивия направил на птицу поток яркого света и заставил ее приземлиться метрах в семи. Анзор быстро развернул машину, чтобы свет ее фар не попал на место приземления птицы.

— Так и держи... Точку не сдвинь... перепел — сволочь такая, ускользнет, — прошептал Анзор и сунул Дурмишхану прикрепленную к катанке сеть. Дурмишхан подкрался, взмах-

нул сетью... перепел взлетел и растворился в темноте. Пока Гивия охотился на второго перепела, в напряженной тишине слышались только рокот мотора и шелест жнивья.

— Вах, так... вот... так...

Анзор сам вылез из машины, затаив дыхание, словно охотничья собака, сделавшая стойку, остановился рядом с птицей, так, чтобы самому не подпасть под поток света. Потом резко взмахнул сетью, поднялся и приблизился усмехаясь.

— Вот так... Ловкачу все по плечу... а как же...

До рассвета они добыли шестнадцать живых и трех мертвых перепелов, привязали их лапками друг к другу, точно рабов римских.

На обратном пути Анзор предупредил ребят:

— А теперь будьте наготове... Звери теперь все на опушку высыпали.

Он поднял ветровое стекло машины, расстелил телогрейку и положил сверху ружья.

— А тебе-то для чего? Руль кто держать будет? — спросил Дурмишхан.

— Ловкачу все по плечу. — Гивия явно перешел на сторону Анзора.

— Точно... — Анзор принял похвалу как должное.

Дурмишхан снова напрягся. В это время в свете фар кто-то пробежал. Дурмишхан встрепенулся.

— Стой, эй! Скорей... — Анзор как обезумевший гнал машину. Впереди бежала лиса. Потом он выпустил руль, выстрелил дуплетом и резко затормозил:

— Убежала, так ее...

Маленький сосед Анзора забубнил недовольно:

— Уставились, как разины, а чего думали, она ждать вас будет?

Повернули. Раскинувшийся по холмам Телави просыпался в предрассветной дымке.

У Мамикианского подъема вышедшие к утреннему поезду кахетинцы с деревянными чемоданами поджидали такси.

Мать

ДЕНЬ начался: она пройдет улицу Джорджиашвили, свернет у Надиквари к милиции и вдоль низкой ограды с осыпавшейся цементной штукатуркой заднего двора театра выйдет на площадь и пересечет ее. «Ювелирная Ленто», «Сахелгами»*, хлебный магазин, «Гастроном Берияшвилевского парня», стоянка такси, аптека у древней стены, подступы к мосту... Поднимется по красным ступенькам, перевернет табель, поздоровается с сотрудниками, наденет белый халат, переложит сумку на край стола, присядет к столу, раскроет регистрационный журнал... Раздумья владеют ею.

* Магазин «Госиздата».

По осени и по весне ручей разливался. Наконец выстроили ему длинное бетонное русло. Раньше, вниз по ручью, напротив базара стояли закопченные деревянные кузнечные мастерские: виднелось сине-красное пламя и черные кузнецы, размахивающие молотом.

Теперь санитарных книжек стало сравнительно меньше (свекор работал в «Грузторге» и часто просил каким-либо образом избавить знакомых торговцев от английской соли), и вообще в городе значительно уменьшились случаи дезинтерии.

Двадцать пять лет она работает в «Сан. бак. лаборатории»... Седые волосы... спокойное лицо с печатью доброты... четверть века в этом городе.

«Гастроном Бериашвилевского парня», стоянка такси, начало моста, красные ступеньки, реакция Вассермана, коховские палочки, ослепительная линза микроскопа, мазок на дифтерит... четверть века прошло!

«Муж», «сын», «дочь», «отец», «дом», «куры», «двор», «посуда», «обед», «стирка»...

Как бы мальчик не сбился с пути... как бы что не произошло с девочкой... Долгих лет жизни, здоровья мужу...

Идет жизнь — со спокойным лицом, с печатью доброты, теплой сединой.

Ужасную историю рассказывает сотрудница Зизи: лаликурцы напились на свадьбе, зять ранен... Почему они столько пьют!.. Это проклятое вино всему причиной... Оно начало всех бед... Интересно, как он в Тбилиси, мой сын! Неужели пьет?!

Идет жизнь — со спокойным лицом, печатью доброты, теплой сединой.

Вспотевшее окно

ВСЕ ВИДИТСЯ как бы сквозь каплю, повисшую на ресницах по выходе из моря: весь зримый берег качается в нескольких плоскостях, беспрестанно меняет цвет, и контуры смазываются, как жирные пятна... Властвует один бескрайний простор, и попасть в этот простор — испытать острую боль зрения, чувства, слуха, — если о том, что слышишь, о том, что видишь, о том, что чувствуешь, знаешь лишь поверхностно. Знаешь: это явно условные признаки. Подлинная суть вне твоего зрения, слуха, чувства, она недосыгаема для них, и из всей общей судьбы — лишь то, что тебе положено, отмерено... Вокруг один только простор, и твое предчувствие упрямо склоняется перед твоей же осторожностью. Тем самым ты оберегаешь надежду, которая указывает тебе на близость кого-то или чего-то и, загнипнотизированный, не отводишь взора от окна, запотевшего от дыхания... За ним что-то происходит...

Уже редко вспоминается прошлое: корабль отправлялся куда-то... таинственность была окутана цель... Множество серпантинных лент связывали тебя с кораблем... Корабль отплыл. Постепенно и медленно разорвались ленты, и ты растерял многое... Остался один с последней лентой серпан-

тина в руке... Оборвалась и она, и ты почувствовал, как становишься сильным. Корабль медленно скрылся за сиреневым горизонтом. Ты остался на пустой пристани. И сейчас эту думать о прошлом кто-то хранит вне тебя, кто-то, который сам — прошлое.

А далее, сколько миражей, не перечесать...
Отдай зрение. Отдай слух. Отдай чувства.

Пантомима-юмореска

ЭТО ОН, который не отстаёт от тебя ни на шаг, который твоя вторая тень, который повсюду тебя подстерегает, который и ночью не сводит с тебя глаз, который и во сне не покидает тебя... Почему ты не хочешь убежать от него? Почему подчиняешься ты ему, как привороженный? Когда ты прав — он шепчет за спиной ложь. Когда покоришься лжи, он возникает перед тобой и бесцеремонно швыряет в лицо правду. Почему он подрезает тебе крылья? Чего он хочет?

Когда ты, избежав ливня, укрывшись под кровом, будешь наслаждаться теплом, он придет и скажет «Выходи во двор!..». Ты наденешь пестрое кепи, выкрасишь лицо в два цвета, весело улыбнешься и грустно состришь: «Что мне делать на улице в дождь?.. Я ведь не зонтик?..». И выйдешь.

Лес

ВЫ ХОДИЛИ осенью по гомборской дороге?
Видели зеленоватый с серебром бурый лес?
А схлынувшую по склону от оползня сырую кахетинскую землю?

Серое поле неожиданно качнется вправо или влево. Высоких гор уже и не видно, ты сам стоишь наверху, на высоких горах. Ширь, сливающаяся со свинцовым небом... И где-то одинокое дерево... И кажется оно таким же холодным, как ветровое стекло...

Припустишь вниз и вдруг (хотя и ждал ты этого) очутишься в лесу. Земля между деревьями кажется апельсинового и коричневого цвета. Черные, сухие ветви сплелись в кустарнике... Кустарник сплошь зеленый, темный, но где-то внутри его осталась прежняя яркость... За развалинами серой крепости на скале — море булыжников. Скала стоит стойко, в трещинах проступает мох... Виразом асфальтового аркана охвачен ландшафт... Растут деревья. Лес деревьев. Величественный, прекрасный, благодетельный... На обочину дороги прокрался родник, затерялся... Выстроили водоем, но это не помешало великому ощущению свободы. Здесь она царствует. Здесь и дорог

множество — вьются тропами. Непроходимым лес этот не назовешь. Люди здесь осваивают его... Ходят.

— Эге-гей! — Эхо замолкает в листьях: желтых, красных, коричневых, зеленых, серебряных... Всех цветов...

— Эге-гей, гомборская дорога!.. — И тишина как свой человек входит в дебри ветвей. Спокойно уходит в глубину кустарников. Стелется по земле, мокрой, теплой, морщинистой, как руки старой женщины, земле.

Сказка первая

БУРЕНКА отелилась двойней. Уходили минутами часы, часами дни, днями месяцы, месяцами годы, и никто не думал и не замечал — откормленная ладная корова, оказывается, вознаградила хозяина — принесла двух телят. А потом? Пропели ей потом: «Останься у хозяина, семьей благословенна будь...?»

Так вот, корова любила хозяина, любила и позаботилась о нем, только по-своему, по-коровьему.

А тот благословенный хозяин одного теленка продал по ту сторону Алазани, другого — по эту. Сам же пошел вверх по берегу реки. Был он благородный и честный человек — ни разу за всю свою жизнь не постарался снискать чье-либо расположение.

Проходили месяцами годы, днями месяцы, часами дни...

«Прогодал», — сказал... И расплакалась жена, расплакалась дочь, расплакался отец — седой Шакро. Умер не человек как таковой, не корова, как таковая, но телята: два теленка-близнеца... (ничего не могу поделать, в Кахетии на теленка смотрят всего лишь, как на хашламу¹, черт побери).

Провозглашались тосты и осушались стаканы «за причину пиршества» и за «всех святых»... Так вот, в дороге человека настигла ночь...

Не тьма сгустилась, не проливным дождем небеса пролились — одной лунной ночью разлилось русло Алазани, и человек возмечтал: хотя бы был я сейчас в конце Гулгулы², у плавней Цицматаани... А надо сказать, что пока он едва достиг Мунисцкали...

Уже выплыло солнце цвета мяса лани, когда он достиг дома. И вот, диво-дивное! Жена не сумела примириться с потерей телят и сбежала с завклубом деревни Хорхели в деревню Когото. Соседи из жалости приютили детей. Отец, седой Шакро, удалился в семью крестника, покинул опороченный очаг. Дом разобрал и унес с собой: две доски лишь оставили человеку, две доски и корову...

¹ Вареное мясо.

² Название небольшой реки в Кахетии.

Сказка вторая

СКАЗКА была странной и жестокой. Пастух и принцесса, полюбив друг друга, укрылись в лесу и стали там наслаждаться жизнью. Все шло прекрасно, пока пастух в схватке с медведем не лишился глаза. Он вернулся к своей принцессе кривой и изодранный до крови и говорит ей:

— Если ты меня любишь, и себе глаз выколи.

Побледневшая принцесса выполнила просьбу пастуха и подумала: «Любовь тоже нуждается в доказательствах»...

Вскоре пастух лишился руки. Он одной рукой прижимал принцессу к груди и шептал ей о любви... Потом пастух постарел и умер. Принцесса была так добра и отзывчива, что ни разу у нее в голове не промелькнуло мысли: каким же ненасытным был этот пастух. Она хотела уйти, но куда было уходить: кто бы полюбил ее, одноглазую, какой принц?! На этом и сказке конец...

Тэмо зажмурился, приложился к бутылке, сделал несколько глотков и улыбнулся.

— А потом? — заинтересовалась Меги.

— Что потом?! Конец сказке, говорю....

— Бедняжка, правда?

— Почему же? Кто ее заставлял в лес бежать?

— Пастух.

— Когда пастух оставит отару и начнет околачиваться возле дворцов, авось принцесса заметит...

— Ох, ну ладно, Тэмо-о... я уже не понимаю, когда ты шутишь, а когда...

— Когда дурака валяю?

Меги засмеялась. Во дворе шел дождь. Меги нравился Тэмо. Тэмо нравилась Меги и Марина «Шантеклер». Сказка была странной и жестокой..

На отшибе деревни, у кладбища

НА ОТШИБЕ деревни, у кладбища, маленький мальчик, выраженный в козлиную шкуру, сверкая глазами, скрежетал зубами, кричал леденящим душу голосом и избражал перед своими сверстниками странного лесного владыку, и, когда кто-либо из мальчишек заходил в смехе и с трудом

переводил дух, он вдруг испуганно оглядывался на лес, слов-
но там и впрямь таилась некая злая сила.

Лес начинался сразу же за деревней, покрывал склоны гор, нависающие над ней, переходил через них и терялся где-то в синеве дальних гор, дальних и еще более высоких, за которыми виднелись белые сверкающие вершины. И мальчик, подражавший лесному царю, в самозабвенной пляске часто протягивал в ту сторону руку.

Старики уже редко когда вспоминали о страшном лесном человеке, не в пример своим дедам, и тем более прадедам, и тем более прапрадедам.

В лесу лесной человек жил всегда; порой в его лапы попадались охотники, а потом их следы терялись в лабиринтах напуганного воображения сельчан; порой лесное чудовище заставляло какую-нибудь женщину родить нечто сверхъестественное и будоражило обыкновенно медлительную и ленивую деревню; порой в какого-либо сельчанина оно вселялось в образе трепета, чтобы исход сказки на сон грядущий был более благополучным... Всего не перечить.

Не знаю, был он или не был, лесной человек, но в сказке — он таинственно-искушающе таился на отшибе деревни, возле кладбища.

Лотерея

ОН ИДЕТ, думает, отвечает, и неожиданно увивается за ним что-либо услышанное: «Что он мне сказал?», «Кто сказал?», «Почему сказал?», «Кто он был?». И в это время мысль, словно запруженный ручей, лоснится на солнце... Может, это главные слова главных встреч?

«Разведчик на свежеутоптанной точке опоры обзревает все, с чем войдет он в ожидающую его неизвестность... Вдали как будто раскинулись поля после дождя — белый, дымчатый туман окутывает голубоватые стога... словно летающая тарелка пролетит, маленькая солнечная лужайка, на которой, подмяв под себя ноги, в дрожащей неподвижности лежит любимый, беспомощный барашек...»

Он достал руки из карманов и потер лицо, обожженное миражем-зимы, пенлом осевшей на плечах: «Гм... тот лотерейный билет надо будет еще раз проверить».

«**С** ПЕРВА, думаешь, что не умрешь, потом закрадывается сомнение — может, умру... Потом кажется, что наверняка умрешь... Потом, а ну его к чертям собачьим, если умру... Потом думаешь, хоть бы я не умер... Потом наверняка знаешь, что умрешь, а потом и взаправду умрешь...».

Биллиардная

О НА ОДНА в большом доме. Лежит на диване и слушает пластинку. Стоит жаркое лето, но в доме прохладно. Перед домом — сад персиковых и яблоневых деревьев, с небольшой виноградной аллеей. Дыхание листьев проникает сквозь распахнутые двери, и хотя в комнате играет музыка, все равно оно слышно... Калитка сорвана с верхней петли и открывается, заваливаясь набок.

Она курит сигарету и находится в отличном расположении духа. Она радуется, что курит, что совершенно одна, что ей восемнадцать лет, что она любима...

С улицы дома почти не видно — его закрывают другие дома. Улица заканчивается у парка, провинциального парка провинциального городка, где каждый вечер качели, карусель, мороженое, леденцы в виде петушков на сосновой палочке, гуляющие обитатели всего города, знакомые и незнакомые, и те, которых никто не замечает... В парке каждый вечер работает столовая, биллиардная... Биллиардная полна табачного дыма, слышится брань, стук шаров и костяшек домино... Стоит жаркое лето!

Она больше не нуждается в лете, не нуждается в городе, не нуждается в парке, карусели, петушке-леденце...

У нее чарующий голос, обиженно надутые губки и волосы, рассыпанные по плечам. И она высокая. Она это знает. Ей восемнадцать лет.

— Чего ты хочешь больше всего на свете?

— Не знаю...

— Любишь?..

— Не знаю.

— А ты знаешь, что такое любовь?

— Не знаю, знаю или нет.

— До конца?.. Этого уж и я не знаю...

И в биллиардной, где день-деньской слышится стук шаров и костяшек домино, «в табачном дыму выцветают дни одного лета...».

КОТЯТА

МОШКАРА кружит вокруг зажженного торшера и старается проникнуть в сердце света... Чайник на кухне пищит, как выброшенный на улицу котенок.

Под молодой липой в зеленой траве пятеро новорожденных котят карабкались друг на друга, мяукали, старались почуять или понять, откуда они и где найти успокаивающее тепло, но не находили ничего. Словно незримая крыша из холодной земли покрывала их, незримая, прозрачная и непреодолимая... А где-то в подвале кошка оцепенела от тоски, тыкалась тщетно в темные углы.

К мошкаре присоединилась ночная бабочка. Окно открыто, и путь к зажженному в доме свету для бродяг всех мастей свободен... Они очень близко подходят к огню, слишком близко... но это кажется им недостаточным — необходимо проникнуть куда-то еще глубже. И надоедливый треск исходит от торшера. Во дворе — черное пятно ночи. Вчера луна была кровавого цвета, потом к ней возвратился ее цвет, холодный, беловато-желтый. Потом ее закрыли облака, и пошел дождь.

Сегодня ночь спокойна. Вот уже прошел целый час, только три машины за это время нарушили спокойствие улицы. Доносится тиканье часов и писк выброшенных на улицу котят.

Сентиментальная Меги

ПОШЕЛ слух: Меги курила, положив ногу на ногу. Кто мог подумать, что Меги закурит, да еще положив ногу на ногу, но что только не случается...

У старого здания телавского театра есть фонтан. Здесь собираются обитатели города... Перед фонтаном площадь. По ту и эту сторону площади — «старый» и «новый» сад. Тут же живет известный гинеколог.

Я решил навестить Меги: степенная семья, на круглом столе скатерть из желтого бархата, хрустальная ваза, ветка вербы, венские стулья, темно-зеленые в желтую клетку обои, теснота, из окна виден соседний двор и кряжистое ореховое дерево... Нет, поистине Меги не должна была курить, да еще положив ногу на ногу, сколько неприятностей за этим последует?... Хотя она и говорит, что несколько не стесняется местного общества и ни во что его мнение не ставит, я-то знаю — все наоборот.

Представил: седая мать, лысый отец и одряхлевший дед пьют чай... Кто-то постучал в дверь (?!). И смолк звук тороп-

дивых шагов (!!!). Удивленный лысый папа поднимает с пола записку просунутую под порог:

«Ваша дочь курила, положив ногу на ногу. Доброжелатель».

...В семье неопишутая трагедия — Меги и без того опоздала с замужеством... Вся в слезах, она выбежала в спальню...

— Так, дочь! Ты должна повысить коэффициент полезного действия и не позорить семью! — крикнул вслед лысый отец, учитель математики.

— Отвратительный... мещанин... а еще интеллигент называется... Обжора....

«Прекрасным утром моя элегантная амазонка на великолепном гнедом коне скакала по цветущим аллеям Булонского леса...».

Меги... Меги...

Пенсионеры

ДОСТОЧИМОМУ Ладо, убеленному сединой, уважаемому Петру Кирилловичу, камням крепости Ираклия II, зеленым кустам, голубой скамье, синему небу между ветвями акации, студентам, идущим по красной тропе...

— Иные нынче времена... Нынче так нельзя... Народ ученый пошел...

— Эх, уважаемый Ладо! Если бы от учения был толк, самый ученый был бы самым сильным...

— Ну, мой Петре, не так уж обстоят дела...

— Как же нет, уважаемый Ладо... Народ, главное, народ... Отечественную войну, помните?

— Помню...

— Революцию?

— Помню.

— Ух ты, мать честная...

— И это помню... и то помню, когда вы вошли. Ты в кожаной шапке и с маузером ходил... помню, как понравился Тавхелишвили Анете.

— Даааа... Этого я уж не помню! В самом деле понравился?

— А как же!

— Да-а... Был я тогда крепким парнем.

— А вот если бы учились, ведь лучше были бы?

— А время-то у меня было учиться, уважаемый Ладо?.. Не то что не хотел, не мог я учиться.

— Да, конечно, где уж! День и ночь на лошадях по лесам и горам врагов преследовали.

— Ээ...

— Зато сделали много хорошего.

— И вы много хорошего сделали, уважаемый Ладо.

По аллее идут студенты. Оживленно переговариваются, аппетитно едят. Весело смеются. Красная аллея. Голубая скамья... зеленые кусты... Крепость Ираклия II... Убеленный сединой старик Пепре... Уважаемый Ладо в соломенной панаме, в белых парусиновых туфлях...

Автобус-II

РАССКАЗАТЬ обо всем — все равно что объяснить, как подкралась гниль к старому платану. Кое-что видно все же; рядом с платаном стояли грушевые деревья. Между листьями висели фальшивые бриллианты — мягкие и холодные. Стоял и раскидистый орех... Сейчас вдали утонченной японской гравюрой высветятся белоплечий Кавказиони и наплывшее из дальней дали, отполированное холодной белизной синее небо. Между ними стелются, словно ковер, деревья мглистого цвета... И этот ковер оканчивается у нас: зелень и красные пятна черепичных крыш... Под черепицей на фоне белых и голубых стен сухие серые деревянные заборы... Дупла зацементированы. По весне из западни листьев выскальзывают стрижи.

— Гнезда стрижей, словно раны, рассыпаны по моему телу, — говорит старый платан с серыми цементными эполетамми... Восемьсот лет!.. Странно, что никому не приходит в голову — восемьсот лет!

Шелестит листвой платан. Старый платан. Платан живой. Дорога идет через Гомбори: Шуамта, Крепость на скале. У Белых Ключей бегают озорная детвора из семейств Циклаури, Чинчараули, Гогочури, Арабули, Кормаули... Кустарник, мокрые склоны цвета хаки... Ржавые леса, ландшафт, похожий на на брский.

У лочинского моста в полинялый автобус поднялся пьяный и принес с собой запах мокрого тулупа, трезвый уступил ему место.

— Хе-хе, ну и вежливый ты, Ила, — издевается над ним приятель.

— А пусть сядет, не то распустит язык, заработает оплеуху.

— Ну и везет же тебе, ай, ай, — продолжает усмехаться приятель.

— Ага... вчера я с ним в домино играл, везло же ему! — подал голос третий.

Автобус въехал в Тбилиси.

ЭРЭНГЭЛЭН
ЭНЭГЭНЭНЭН

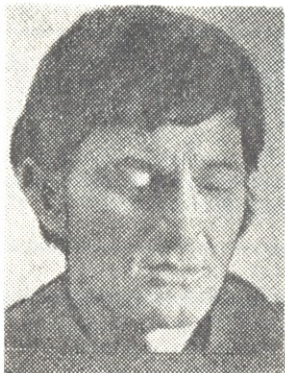
Калейдоскоп-II

КАЛЕЙДОСКОП — это некий волшебный бинокль.

Он бьется в кровавом отблеске, с приглушенным ритмом, его хрупкие ткани то и дело нетерпеливо вздрагивают — это прожилки листьев липы, упругий стебелек травы. чистота молодой еловой шишки, сеть трещин асфальта, ржавая паутина электропроводов, шуршанье шин, стены, деревья, окна, на мгновение мелькнувшие незнакомые лица — смуглые щеки, носы, глаза...

Он живой — этот калейдоскоп.

Перевод Динары КОНДАХСАЗОВОЙ

РОДИЛСЯ я в 1938 году в селе Тхинвали Махарадзевского района. Учился и работал в профтехучилище, в совхозе, на стройках и т. д., в

разных районах Грузии. Потом — востоковедческий факультет Тбилисского университета, который окончил в 1968 г.

Первые мои стихи были опубликованы в 1962-м, рассказы — в 1966 году.

Привлекает меня и перевод прозы. Перевел на грузинский язык несколько рассказов И. Бунина и А. Платонова, романы М. Шолохова «Они сражались за Родину» и Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», рассказы и повести В. Белова и др. Сейчас работаю над переводом романа Н. Лескова «Соборяне».

Георгий БАКАНИДЗЕ

Георгий
БАКАНИДЗЕ

СОРОК ДНЕЙ, СОРОК

«...прости руку твою и коснись кости его и плоти его, — благословит ли он себя? И сказал Господь сатане: Вот он в руке твоей, только душу его сбереги. И отошел сатана...».

Кн. Иова, гл. 2.

— **В**ЫЛАЗЬ! Вылазь, говорю! Все равно куда не скроешься!
Но Иов бесшумно, как тень, скользнул на другую сторону, повис на поручнях, носком ботинка дотянулся до липкого, склеенного мазутом щедня. Пригнувшись, сжавшись в кулак, крадся он в тени вагона, временами поворачивая втянутую в плечи голову и одним глазом косясь на тяжелый, желтоватый свет фонаря по ту сторону колес. Тень от ног ох-

ранника, путаясь между колесами и рельсами, дотягивалась до капитальных складов за насыпью и, колеблясь, ползала из конца в конец черных проемов дверей... Иов остановился, замер, слившись с густой тенью пульмана, — охранник прошел шаг за шагом, отдаляясь от Иова, глох хруст щебня; свет качающегося фонаря, ударяясь об отшлифованные полукружья колес и овалынные кромки рельсов, брызгами осыпался на кромешно-черные шпалы... Потом снова стало темно. Далеко впереди пыхтел и отдувался только что остановившийся паровоз. Раздалась трель свистка, и гнетущая тьма сразу пропиталась страхом и тревогой...

Иов забрался на тормозную площадку вагона, прижался спиной к обитой листовым железом стене, примерз к ней, ловя каждый шорох и напряженно вглядываясь в ночь. Длинный, занявший всю платформу состав передыхал после перегона, набирался сил, и такие мелкие поскрипывания и скрежеты копошились внутри его, словно отщелкивалась окалина с остывающей раскаленной болванки. Справа и слева, за порослым подступавших к полотну деревьев, на сырых заросших бурьяном полях лежала глухая полночь. В голове состава прохаживались железнодорожники с фонарями. Они постепенно приближались, останавливаясь у каждой оси... Два-три раза поднимали фонари, осматривая вагоны. Плоха была надежда на эту открытую площадку — Иов воровато сполз на ступеньки,

спрыгнул и на цыпочках побежал к хвосту. Он облюбовал платформу, груженную лесом, ухватился за борт, перевалил через него, насили протиснулся в угол, устроился, сунул руки в карманы и, затаив дыхание, ловил сонный говор приближающихся железнодорожников, хруст шагов, глухое постукивание молоточков.

● Рассказ

НОЧЕЙ

Вот и они, подошли — над бортом взметнулся свет фонаря, шарахнулся в поле, лизнув вершину ольхи и затес черного телеграфного столба. Иов пригнулся задержал дыхание, пересилил подступившую к ключицам дрожь, напрягшись, отжал ее к паху и прикончил между стиснутыми бедрами. «Застукали!» — мелькнуло в голове, и спокойное отчаяние облегчило душу. У левого уха прожужжал комар. Иов, не вытаскивая рук, дернул плечом, почесал об него ухо, отпугивая насекомое... Только борт отделял Иова от железнодорожников. Лязгнуло так, словно хватили кочергой по чугунной печке. Еще мгновение — и перешли к пульману, возвышавшемуся над головой Иова. Осмотрели его. Постепенно глохли шаги. Иов облегченно выдохнул, расслабился, поудобней устроил ноги в узком прогале между бревнами и бортом, вольготней почувствовал себя. Он слышал прерывистый, завитый в спираль писк комара. Иов облизал затвердевшим языком полный пыли рот

и вдруг ощутил запах прелой древесины, отлежавшего трута, теплых еще рельсов, прогорклую вонь собственной спецовки, заскорузлой от пота и въевшейся в нее строительной грязи.

И тут же сорвались влет видения прошлого: три грузовика, набитые мальчишками в черной форме, скрипя тормозами и дребезжа выхлопными трубами, спускаются к городу. Скрюченная поворотами, размягченная зноем дорога тянется за ними. Из-за густых кустов айвы, которой обсажены дворы, выглядывают и — при приближении машины — улепетывают к домам босоногие девчонки в красных платьицах. На горчичном небе пылает оранжевое солнце. В вышине переплетаются тросы, по которым, как жуки, взад и вперед ползут вагонетки, встречаются, расходятся, скрываются в скале и выползают из нее... Со склонов, свистя, срывается колючий ветер, сыплет махровыми снежинками, белыми оспинами и отметинами сея их по бурым откосам. Снегопад шатается над городом, кипит снег в гигантском сером котле, стелется по угрюмым улицам, ложится на свинцовую реку, сдувается с перил мостов...

Дремота подкралась к Иову, вязкой, призрачной пеленой окутал его сон, лишил тело тяжести, и всплыло оно над землей. Испуганно обернулся Иов, глянул вниз и увидел — на сумрачном берегу реки среди валунных глыб валяется ржавый остов автомобиля, рядом с ним стоит мужик, одной рукой он вцепился в остов раскулаченной машины, другой вытирает кровь со лба и мычит, не отводя глаз от стайки ребят на мосту: «Моя машина, моя!». Иов пролезает между мальчишками, припадает к прогалу в баясилах, всматривается в окровавленного...

Вдруг откуда-то из близкой дали, из бездонной, бесцветной глубины всплывает мысль: «Нет, это не сейчас, это давно было. Это мне снится». Какой-то единственно бодрствующий и бдящий уголок затуманенного разума ухватился за эту мысль, острым лучом прорезавшую туман, притянул, и — когда уже не мальчишки, а какой-то невидимый хор зауюлюкал: «Сева, Сева, Сева, Сева!» — отрезвление начало расти и наплывать на него, как просвет в темном туннеле, видимый с мчавшегося поезда. Еще раз мелькнул валунный берег и спасающийся от града камней мужик...

Иов открыл глаза, провел рукой по лицу, приподнялся, огляделся — на безлюдном полустанке царила мертвая тишина; застыла ночь, примерзли к рельсам тяжелые вагоны, сгустилась прохлада. Дрожь пробрала Иова. Трясаясь, сел он на старое место, натянул фуражку на уши, засунул руки в карманы, прижал локти к бокам. Снова прилетел комар, жужжал то справа, то слева, кружился поблизости, готовясь к новой атаке. Едва оцутимая волна его боевого пения покалывала лицо Иова, и ожидание укола заставляло подергивать продрогшими мускулами. Вот он прожужжал справа, сел на скулу, расправил лапки, клюнул жалом, и Иов, не вынимая рук, тотчас же дернул плечом, проведя по нему щекой, и раздавил комара. Укололо. Он с силой почесал укушенное место о плечо, стер слизь и колючие лапки — боль не проходила. Пришлось вытащить руку, отросшим ногтем указательного пальца нажать на прыщик и болью прогнать боль.

А тут загудел паровоз, пронзительный рев смел низкий небосвод, и распахнулось такое бескрайнее пространство, что у Иова сжалось сердце от пронзительного ощущения одиночества и бесприютности. В затридевятыземельной дали поднялся миг и сгинул лиловый солнечный холм, мелькнула мимоза, и бессловесно воззвало сердце Иова: «Мама, мама, мамочка!...». Паровоз напрягся, прокатился и заглох лязг буферов, а цветущая мимоза растаяла в просторе. Снова качнулся далекий каменистый берег, улепетывающий человек оглянулся на бегу, мелькнули торчащие вперед, как у сурка, зубы, угрожающе взлетел черный кулак, затрясся в сумерках...

Железнодорожники, как челноки, снова вдоль состава, перекликались, махали фонарями, свистели. Прохрустел охранник с карабином. Иов вытянул шею и взглядом проводил его — тот шел без фонаря и, чтобы не споткнуться в темноте, на ощупь, как конькобежец, выносил ногу вперед. Паровоз дернул вторично, рванулся от головы лязг и скрежет буферов, волной прошел по составу, приглушенным эхом отразился от последнего вагона и покатился вспять.

Еще раз дернул паровоз, и новая волна грохота столкнулась где-то в середине поезда с нарастающим эхом, мчавшимся от хвоста, и все смешалось, превратившись в сплошной лязг и скрежет. Наконец, слабая, едва ощутимая тяга осадил неистовство железа, усмирила его, и потихоньку, бесшумно покатались многотонные вагоны. Отныне только случайные толчки, скрежет разболтанного тормоза или лязгающая стыковка буферов изредка нарушали это равномерное скольжение. Единным ритмом постукивал состав. Зашуршали кусты, вытянувшиеся у самых шпал; упругий однотонный перестук колес на стыках то раздавался совсем близко, прямо под ногами Иова, то глох, как журчание далекого родника, и усталое тело и мозг Иова растворялись в равномерной смене звуков.

Иов нахлобучил мятую фуражку на правое ухо, вслепую нашарил рукой ворот спецовки, поднял его, гдтянул к макушке, затолкал под околыш, поплотнее натянул фуражку, согрелся в этом мизерном уюте, замурлыкал невнятное и отдался сну. Не прошло и минуты, как он уже шагал по проселочной, озаренной неземным светом дороге, по обеим сторонам которой с булыжных оград свисали цветущие ветви гранатов, а на выступах камней и у подножья оград валялись прозрачные лепестки цветов и алая зубчатая кожа. Иов ухватился за верх ограды, лег на нее животом, раздвинул ветки и увидел девочку в красном платье. Он чувствовал, что она прячется здесь, и в самом деле обнаружил ее. Теперь он молча разглядывал ее острые, словно голыши, неокрепшие колени, подол платья, измазанную тугой грудью, тонкую шею, измазанные соком незрелого ореха, темные шафрановые губы.

Девочка заметила Иова, встрепенулась, вприпрыжку пересекла залитый солнцем двор, спряталась за дом и выглянула оттуда. Странный, исподволь крепнущий страх охватил Иова...

«Застукали, — вздрогнул он, — теперь мастер до смерти излупит». Он не оглянулся, и без того зная, что за его спиной стоит грузовик с черными пацанами... Иов повернулся и поп-

лелся к машине, не глядя на ребят, не смея поднять глаза на мастера. «Убьет...» — думал он. Но мастер перегнулся через борт, протянул рыжую веснушчатую руку, схватил Иова под мышку и оторвал от земли... Нет, не было ни мастера, ни машины — неподалеку виднелась мокрая, не раз штукатуренная стена, около которой на кладке кирпичей восседал мастер и крутил мастерком перед носом ребят, устроившихся полукругом вокруг него.

— Чтоб я не слышал от вас — «мамочка», «папочка», «дядюшка». Вас поручили мне, я — ваш отец и мать. Будете слушаться, поладим, а нет... Вот это видите?! Кулак у меня — язва! Разве хорошо поступил Хриказде? Спросите-ка у него, удрал, а через три дня милиция доставила. Кто вам дал народное добро? Мы дали. Аванс по три десятки на рыло, и постель, и крышу, и одежду... Вы думаете, за красивые глазки? Все на вас записано. Мы, голубчики, в Ленинграде выпускаем окольцованных рыбок, а в Потю по одной всех вылавливаем. Так что, зарубите на носу...

— Иов сбежал! Иов! — разом загалдели ребята.

— Иов!..

Но Иов знает, что он не сбежал и тихо говорит:

— Я не сбежал, я здесь...

Поздно. Мастер шагнул к нему. Огненные глаза нацелились на Иова, ощерился рот, поблескивая стальными зубами... Вот и кулак-язва... Но в этот миг кто-то грозно рывкнул за спиной:

— Будешь снимать? Я тебя спрашиваю, будешь?

Иов оборачивается. Вдоль стены выстроились остриженные ребята. Там же и парикмахер. Пряди волос устилают пол.

— Сядешь? — снова рывкают за спиной. — Оглох? Или мозги тебе вправить?!

«Разве я отказываюсь?» — силится произнести Иов, но не может выдать ни слова. Его сажают, приставляют к виску машинку, с силой прижимают тупые зубья... Задыхается Иов, вот-вот висок не выдержит, но вдруг из бездонных, беспросветных глубин всплывает спасение: «Это сон, сон... Это не машинка... У меня голова легла на сучок»... Откуда-то хлынул свет, с шумом озарил сознание. Встрепенулось и снова улетлось пространство. Мальчик поднял голову, спросонья протер глаза, почесал висок кулаком, стряхнул остатки сна, приподнялся и глянул вперед. Поезд из темной лощины вырывался в поле. Впереди, на крутом повороте, выглянувшая между холмами луна старательно отсчитывала вагоны, бескровный свет по очереди стрывал от темноты просмоленные цистерны, огромные пульманы, платформы с угластыми, забранными брезентом машинами... Засеребрились цистерны, замерцали сургучные потеки нефти на крутых боках. Состав вытянулся, лунный свет озарил пригнувшегося в тени Иова — тонкий подбородок, сведенные плечи, фуражку, заляпанную цементом и известью, кое-как зашнурованные красными тесемками ботинки... Вздрогнул Иов, сжался, но тут же опомнился — если даже заметили, все равно никто не доберется до него сейчас, на этой бешеной скорости, — успокоился, и постепенно выветрился томивший со

сна страх. Подкрадывался сон — мост гроыхал под колесами и тут же унимался, отброшенный назад, лишь отрывистым железным лаем огрызался на выскакивающие из пролета вагоны.

Иногда с воем сдвигались стены бесконечных скал, потом налетевшая теснина распахивала объятия, бесконечное пространство разносило гул, он укатывался в немые дали, к черным пещерам и голым отрогам гор и, вновь объединившись с поездом, влетал в коридор между каменными кручами, существуя уже не отторгнуто, не сам по себе, а клубясь и вихрь в огромном, как эта ночь, издерганном теле Иова. В полях этот вой спадал, только прошуршат сухие тростники на болоте у самой насыпи или прозвенит вдруг одинокая ольха, словно внезапный порыв ветра пригоршней дроби изрешетил ее листву. Отрешенно сидел Иов, отдавшись ритмичному покачиванию поезда и собственного тела. Потом почему-то вспомнилось, как бабушка повезла его к отцу... Была осень. За окном вагона, в прогалах между деревьями, сохранивших редкие листья на нижних ветвях, голубела полоска моря. Треща, набегало дерево; поравнявшись с окном, оживали желтые листья, засуетятся в тревоге, золотой стайкой сорвутся с веток и пропадут за окном. Набегало второе дерево, сызнова взлетит стайка и пропадет... Так и летели от дерева к дереву, от дерева к дереву...

Затем все оказались в маленьком дворе, обсаженном пальмами. Бабушка, сложив на коленях увядшие руки, сидела на низкой скамеечке и шепталась с какой-то толстухой в фланелевом халате; там же прыгал и дергал ногой привязанный к стволу инжира петушок, еще не опомнившийся от дорожных передряг, разглядывал незнакомый двор, а несколько опомнившись, попытался кукарекнуть, напыжился, но не осмелился и сконфуженно сник. Отец сидел тут же. Они с соседом играли в нарды, обстоятельно и смачно. Сосед, пыхтя, нависал над доской — под тельняшкой колыхались породная грудь и брюхо, — равнодушно выкрикивал цифры, плавно кидая кости. Иов не спускал с отца любящих и почтительных глаз, радуясь каждому его взгляду, ловя каждое слово. Вот отец сказал: «Убыю сейчас твой камень!». — бросил кости и долго подсчитывал выгодный ход, негромко напевая что-то...

Наконец петушок набрался бойкости и кукарекнул. Отец, уткнувшись в нарды, даже не поглядел на него, и будто нехотя, не дотянувшись до шашки, которую намеревался передвинуть, но с задорной требовательностью крикнул: «Эй, Наталья, не зарезать ли нам этого певуна?». Ответа не дождался, но не уступил: «Оглохли от его хрипа». Сосед, щурясь, прицелился к петушку масляным взглядом, погладил брюхо и задумчиво вздохнул: «Хороша хорошая жизнь». У Иова защемило сердце, он отошел к бабушке, поглядел на петушка и увидел мать — согнувшись над огромной корзиной, полной чайными листьями, она силилась поднять ее за лямки, помогая себе коленями, и закричала: «Помоги мне, куда ты смотришь?!

Иову стало тоскливо, и он шепнул: «Баб, поедем домой». Бабушка не расслышала — какая-то старуха спускалась по лестнице, ведя за руку праздничную девочку, — заковыляла к

ним, поцеловала ребенка, погладила, поворотила к Иову, подтолкнула: «Ступай, внученька, он тебе не чужой, брат твой, ступай». Девочка, прикусив палец и не сходя с места, смотрела то на Иова, то на петушка. Так стояли с минутой, а потом старшие перестали наблюдать за ними, девочка осмелела, подошла к Иову и вынула палец изо рта.

— А я в садик хожу! — гордо доложила она. — Хочешь, игрушки покажу?

— Хочу, — ответил Иов.

Девочка потащила Иова в дом, усадила на диван среди разбросанных игрушек и по очереди познакомила с каждой куклой, рыбкой, белкой, собачкой... Потом научила его играть: наставляла пальчик, выкрикивала «бах», и Иов должен был тут же падать будто убитый. Девочка забиралась на диван и целовала Иова — раз, два, три... На пятом поцелуе ему полагалось открыть глаза, присесть и удивиться: «Кто меня ожи-вал?». Девочка, безмолвно ликуя, ждала этих слов и тут же кричала: «Я!». Потом они менялись. Теперь девочка притворялась убитой и «оживала» на пятом поцелуе. Они бы долго играли, когда бы Иов не спросил:

— В детском садике научилась?

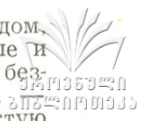
— Нет, меня папочка научил, правда, хорошая игра?

— Хорошая, — грустно согласился Иов, задумался, а когда она снова «выстрелила» в него, он не упал, не закрыл глаза, а тихо сказал: — Больше не хочу...

И все же они настолько сдружились, что перед сном девочка закатила истерику: «Буду спать с Иовом!». Отец не возражал, но старуха и слушать никого не желала, схватила ребенка за руку и силком утащила куда-то в дальнюю комнату. Утром девочка показала ее Иову. Там в углу и под кроватью были навалены груды золотых мандаринов. Оба залезли под кровать, подползли к мандаринам и молча сосали сладкие дольки... Таким дурманом дышали эти золотые россыпи, таким душным благовонием воска и сливочного масла пропитались волосы девочки, что Иов не выдержал и, замирая, прошептал: «А я стихи знаю!». Девочка ничуть не удивилась, «И я знаю, — Она растопырила все десять пальцев. — Вот сколько я знаю!»...

А поезд катился по равнине. Далеко на сумрачном небе недобро нахохлился хребет. Лунный свет скопился в предгорьях, и горьковато-сладкая печаль сосала душу Иова. Над бортом одна за другой проносились темные макушки деревьев. Незаметно вращалась лежащая в низине белесая местами от лунного тумана тьма. Все дремало под мягкое ритмичное вздрагивание колес, налетавших на стыки. Сон одолевал Иова... Осоловевший, со слипающимися глазами, он уже бессознательно участвовал в этом кружении задымленного неба и земли, снова ощущая, как лишается плоти, как каждая частичка ее растворяется в беспредельном покачивающемся пространстве...

Его тело, развеянное и превращенное в сон, уже вобрали и растворили в себе этот тряский состав, этот перестук, эта безбрежная равнина, эта немая, страшная ночь... Вот незримые видения — придвинутся они, скакнут в круг, вспыхнут на миг и пропадут, растворившись во мраке по ту сторону круга... Вот незапоминающиеся сновидения — копошатся они, пряча лик,

не переступая магической черты видения, но они здесь, рядом, около, их ощущаешь по тому страху, который все больше и больше сгребает Иова. И где-то внутри, в сердцевине безбрежности глухо пульсирует единственная опорная точка комариный укус на скуле... Смутно осязает ее тело, впустую тщится сплотиться, собраться вокруг этой точки и утвердиться в самом себе (внизу, в центре сумрачной равнины, на чуткой травинке дрожит, как в ознобе, шарик росы, замороженно, словно заключенный, вглядывается в колдовской глаз луны, а земля со страшной силой пропасти вцепилась в устремленный горé крошечный атом... Вот оно, зернышко света — ниже и ниже стекает по стебельку)... Здесь Иов, он засмотрелся на громахающую в пыльном вихре бетономешалку, оперся подмышкой на черенок лопаты, отдыхает... Грянула песня... Иов обернулся, выронил лопату, замер от страха; он понимает, что песни не слышно, но она существует где-то здесь, рядом, он чувствует, что поют... Растет страх, ломит Иова... И вдруг:

— Иов, поди-ка сюда, полюбуйся!

Иов идет, конечно, идет, старается идти, это ноги сами топчутся на месте; он знает наперед — сейчас отнимут деньги...

— Не дрефь, наш мастер нализался. Теперь до шести продрыхнет, знаю я его золотой характер.

— Вот, брат, лопай хлеб и колбасу. Все даровое: залезли в склад, глядим — мешки, с ума сойти, что за мешки... На них петух намалеван и что-то по-иностранному. Народ безо всяких расхвтал. Беги, если хочешь, намотай на пузо штук десять и жми на базар. Обломится и тебе, хоть по рублю прося — отвалят, в очередь встанут, передерутся, знаешь же этих живоглотов...

— Кончай базарить...

— Родителями клянусь, в зятя его возьму, по душе он мне. Давай, кореш, не стесняйся.

Я не могу пить...

Тебе говорю, зятем моим будешь! Ей-богу не шучу!

--- Не пью я... не могу водку...

— Ах ты, мамочки, он водку не может, а у нас, как назло, вино кончилось. Человек к вину привык. Что-нибудь осталось в кевври?

— Пара бутылок наскребется...

— Дело! А то чуть не опозорился перед гостем. Пустим его, уважим, пусть сам начерпает?

— Двигай, брат, на склад. В углу, направо... Отодвинешь ящик, кевври под ним. Ну, живо! Не говори мне, что и вино не принимаешь!

— Не пью... я не пью...

— Брось трепаться, солнышко, лень лишний шаг сделать!

— Не полезу я... Вот две десятки... Оставьте одну, у меня больше нет...

— Отлично, миляга! Это дело... Не жмись, давай обе, мы тоже люди... Вот тебе трешка, спрячь, не потеряй... Ничего не скажешь, уважительный парень. Говорю же, зятя бы мне такого. Лишнего не сболтнет. Другой бы на его месте разво-

нил бы и директору, и коменданту, и всему свету. Что с таким делать? Встать ночью и придушить гада полотенцем. Я бы к твоим копейкам не притронулся, да всех куда-то угнали. Каменщиков и плотников — в Квирети, остальных — куда? Этак ноги протянешь, а то разве бы взял... Выдайте мне диплом, отпустите, отдайте паспорт — только бы меня и видели. Покуда расплатишься за их шмотки и дырявый аванс, стибанешься в этой дыре. Нет, не удержат меня...

Занимается тьмуший страх, трясет Иова. Нет, он не бонт-ся, что возьмут за глотку, — это иной страх, он вползает в тело, растекается по жилам, сводит кишки. Смутно улавливает Иов — поезд стоит, давно стоит. Вот проходящий мимо платформы охранник или железнодорожник услышал его стон, остановился, прислушивается. Единственный дбящий уголок замуаненного сознания будит его и не может побороть тяжелого забытья... Голое, морщинистое лицо уставилось на Иова... Красные веки обметал присохший гной, водянистые, цвета навозной жижи глаза, широкий рот с гнилыми зубами... Жует обслюнявленный подбородок, равнодушно текут холодные слова: «Расширяли площадь, и дом мой — тью-тью, свищи в кулак. Комнату отвалили в Кутаиси! А на кой черт мне их комната! Теперь я тут, все у меня есть. А там сестрица моя, Авишка. Сейчас, надо думать, в десятом учится. Краше ее не сыщешь. О ней и говорю, бери, пусть твоей будет, если у тебя есть угол... Мне честный человек нужен, не хочется выдавать за отпетого». Мурашки ползут по спине Иова, водочный перегар душит его, хочется вскочить, убежать на край света, куда там, схватили, трясут. Вот опять — пенятся слюны, кровь течет по лбу: «Моя, моя машина!». Сдернулось пространство, крики пронесли над темным берегом: «Сева, Сева, Сева!». Рванулся Иов, попытался вскочить. Он еще не скинул сон, но уже чувствовал — квакают лягушки, впереди пыхтит паровоз, а тяжелая рука, которая трясет его за ворот, принадлежит охраннику с карабином. С трудом разлил он веки и приподнял голову.

— А ну, вылазь! Живо, некогда мне рассусоливать! Быстрей ...твою мать!

Иов молча перевалил через борт, спрыгнул на освещенный участок платформы и пригнулся. Что должно было случиться, случилось — он успокоился, чувство безволия и бессилия опустошило его... Нет, его не бьют, один из железнодорожников, как клещами, вцепился в плечо, вот-вот вывихнет.

— Загонял нас этот молокосос!

Второй поднял фонарь, направил Иову в лицо.

— В Зестафони забрался. Голову на отсечение даю — из ФЗО убежал. Убежал?

Молчит Иов. Насупился.

— Немой, ублюдок, сукин сын! — ругнулся охранник. — В Самтредиа ссадим и ссадим в милицию. Будь спокоен, там потанцует, у них для таких есть лекарство... Тащи его к себе... Раждену не доверяй, ему и гуся нельзя доверить, потерянный черт... Только своей шлюхой бредит...

— А я на что? — кряжистый, как пень, железнодорожник схватил Иова за запястье и, дергая, потащил к паровозу.

— Что, справились? — глухо спросил стоящий у паровоза машинист с трубкой в зубах.

— В Самтредиа велено доставить.

— Хм... молоко на губах не обсохло...

Паровоз, как глыба тьмы, стоял на насыпи. Нижняя ступенька его приходилась вровень с грудью Иова. Скользили ноги, с хрящеватым треском осыпался щебень, испуганные лягушки прыгали в гнилую воду дренажного канала.

— Ну, лезь! — подгонял «пень». — Живей! А то тресну — почки из носа вылетят!

Иов ухватился за поручень и кое-как вскарабкался в кабину.

— Чего ты окрысился?.. Не видишь — ребенок! — вспылдил машинист, поднялся следом за Иовом и молча сел у двери.

Оставшийся внизу кряжистый железнодорожник копался в колесах, стучал молотком, ругаясь между делом по-русски.

— Удрал? — после долгого молчания спросил машинист, не глядя на Иова. Наклонясь вперед, он выбил трубку о носок сапога.

— Да, — тихо ответил Иов.

— А теперь?.. Куда путь держишь?..

У него был приглушенный тоскливый голос, точно он думал вслух.

— В Батуми собирался... — нерешительно открылся Иов.

— Там что — медом мазано?

— Отец там живет.

— А мать?

— Мамы у меня нет.

— Умерла?

— Да.

— Отец?.. Родной отец-то?

— Родной.

Машинист замолчал, потом разразился кашлем. Извлек из полотняного кисета табакерку, вынул шахматную пешку, указательным пальцем набил трубку, утрамбовал лохматые волокна головкой пешки, чиркнул спичкой, затянулся несколько раз:

— Никак не перебею запах угля, зараза!

И снова умолк.

Иов поглядел вперед. Перламутровый свет паровозного прожектора лежал на полотне. За поворотом, на высеченной насыпи шевелился кустарник, за которым виднелась изгибающаяся подковой дорога с белым пунктиром предохранительных столбиков вдоль обочины. Еще дальше, на откосе скалы, ребрами выделялись полосы известняка. Остальное терялось в туманном мраке.

— Ремеслу научился? — повернулся к Иову машинист.

— Да, я штукатур.

— Справляешься?

— С цементом — да. С алебастром труднее.

— В Батуми что собираешься делать, на работу пойдешь?

— А как же. А в сентябре в вечернюю школу поступлю.

— Тебе виднее, — машинист снова умолк, задумчиво глядя на мальчика. Иов потупился. Он сидел как на иголках,

чувствуя этот застывший, тяжелый взгляд, но старался не показывать виду. Тяжело становилось на душе под этим взглядом. Он съежился, как наказанный щенок, нерешительно покосился на мужчину и оторопел — тот вовсе не глядел на него, уставился куда-то в темное пространство поверх головы Иова. Из глаз его, из бездонной глубины их выглядывал болезненный расстроенный рассудок... Струсил Иов, холодная дрожь стянула кожу на висках, поползла выше и пропала в корнях волос. Напрягся Иов, приготовился. Вот медленно отвисла челюсть машиниста и застыла, забыл он о трубке, только, чуть покачивая, языком прижимал он мундштук к нижним зубам... Иов не шелохнулся, готовый в любой момент задать стрелкача, скосил глаза, взгляделся в темный проем окна, увидел за ним неясную вершину черного дерева, но внезапный шорох заставил его поднять настороженные глаза.

— Удрать настроился? — спросил машинист, не сердясь, даже сочувствуя как будто.

Иов потупился. Второй вопрос удивил его:

— Кто из них разошелся? Отец или мать?

— Отец, — насилиу выдавил Иов.

— А туда что, к жене переехал?

Теплая волна окатила сердце Иова.

— Знаете его? — обрадовался он.

— Нет, не довелось... Я так... — в его глазах снова мелькнул недужный, скорбный рассудок. — Не бойся, доведу тебя до Батуми, что мне стоит... У меня мог бы быть сын, такой, как ты, а вот никого нет, если хочешь начистоту. Была жена, да смотала удочки, не ужились мы... Тебя-то что дернуло удрать? Потерпел бы немного, а там бы сами отпустили. Жил бы в своем доме. У тебя есть дом?

— Есть.

— Кто там теперь хозяйничает?

— Дядя... с женой.

— А что тебя сюда занесло, мил человек?

Иов задумался, глянул на освещенные прожектором рельсы, взгляделся в даль — перед ним возник закопченный зев камин, лампа на столе, сковорода с исходящей жаром лепешкой.. Плачущий голос: «Ешь, родимый, ешь, бог тебя не оставит»...

— Не знаю, — нерешительно ответил он. — Легкие были слабые, два года в школу не ходил. Они пристали, чтобы я ремеслу учился, из района требование пришло. По плану двоих хотели, да никто не согласился... Пришлось мне..

— Долго там пробыл?

— Шесть месяцев. Учились и работали, а под конец совсем на объект перевели.

— Тяжело было?

— Работать — нет, народ плохой... Не знаю...

— Да-а, — протянул машинист, задумался, забыл про Иова. Потом очнулся и, глядя на мальчика, частыми заляжками старался раскурить притухшую трубку. С трудом раскурил, глубоко затаялся, плюнул за дверь и вдруг заговорил:

— И я был в твоей шкуре... только я в тюрьме сидел. Тысяче гадостей и подлостей обучили меня там. Не думай, что

я старик, мне всего тридцать пять, да здоровье подкачалось. Может дома сидеть, но знаю, в одиночестве совсем рехнусь. Хотя, наверное, и отсюда меня скоро выпрут, тут надо по сотне глаз и ушей иметь...

Он встал, вытащил откуда-то чемоданчик, открыл ключом, пошарил внутри — пахло пудрой, духами и еще чем-то резким — рассмеялся:

— Моя единственная тоже где-то в том краю загорает, она море любила — страсть... Может быть, попадетя тебе где-нибудь на пляже... Узнать ее не трудно — баба, как сказочный великан... Хотя, разве она одна? Обязательно кто-нибудь рядом вьется... Ты сразу догадаешься... — Голос его дрогнул. — Пойду, умоляю бригадира, не сдадим тебя в Самтредиа. Однако, если хочешь, беги. Спрячешься в зарослях. Тронемся, долго ли спрыгнуть на ходу, плевое дело. Рядом не крутись, схоронись подалеже. Я, может быть, крик подыму, но ты не трусь. Ну, давай, беги!

— Большое спасибо! — поблагодарил Иов. Сейчас он боялся только одного — оставаться наедине с этим странным типом. Да неужто во всем составе не найдется надежного местечка?! Иов спустился на первую ступеньку, огляделся — того «пенька», помощника машиниста, нигде не видно, зато неподалеку стоят трое. Один из них гудел басом и злился, хотя никто не перечил ему.

— Все не так, — неожиданно донеслось из-под вагона. — Шофер убил, если хочешь знать.

— Тоже мне, учитель нашелся, — заколебался бас, — никто не знает, кто убил...

Иов, решив вернуться, поглядел на машиниста — тот выматывал из чемодана что-то оранжевое, льющееся из рук, и украдкой записывал в карман, — отвел глаза, предпочитая сейчас спуститься вниз. Пахнуло недавним ароматом... Иов глянул на железнодорожников, сердце екнуло. Щелкнул замок.

— Ну, чего дожидаетесь, рви. Больше часу стоим тут, пассажирский должны пропустить. Не трусь, они моргнуть не успеют...

Иов бесшумно сполз по ступенькам, повис на поручнях, с трудом нащупал ногой щебеночный склон насыпи. Из-под ноги со слабым шорохом сорвался камешек и канул в воду канала, следом за ним шлепнулась лягушка. Качнулся тростник. Иов пригнулся, нырнул в посадку и растворился в темноте. Не успел он пробежать и пятнадцати шагов, как сзади раздался крик. Иов припустил со всех ног, вслепую вытянул руки, но споткнулся, упал в трясину, присел, вытер лицо... Крик не прекращался, слышалась беготня, сердце Иова готово было выпрыгнуть из груди, липкая жижа выворачивала душу, лицо было в грязи. Он притаился, ожидая, пока уляжется суматоха. Вот застучали где-то в середине состава, засвистели, переключаются. Улеглось беспорядочное кваканье лягушки, по очереди, на разные голоса верещат они, словно проверяя, все ли здесь, не пропал ли кто-нибудь из них. Иов успокоился. Переждал еще немного, в скупом свете луны заметил полянку, выполз из бурьяна и остановился у ольхи, заросшей повоем. Луна выплыла из-за облака и осветила все вокруг. Ясно стали видны

стоящие на насыпи, озаренные светом цистерны. Иов постоял немного, ощущивая взглядом вагоны и присматривая будущее убежище. Потом раздвинул низкие ветки, сделал шаг и сторопел — от немых зарослей отделилась длинная тень, вылезла на свету, огляделась, двинулась краем кустов, приблизилась, остановилась в десяти шагах... «Машинист...» — узнал Иов. Луна освещала его бледное лицо, холодно горящие глаза — темный болезненный разум застыл в них. Иов заиндевел от ужаса. «Никто не знает, кто убил», — послышалось в близком шелесте ольхи.

— Элико, — глухим дрожащим голосом внезапно взмолился машинист, — свернем сюда, Элико... — Голос его осекся. Он порывисто обернулся, выдернул из кармана что-то белое, шагнул и пропал в тени. Забилось сердце Иова, горячая волна окатила его от плеч до колен; он развернулся, побежал на четвереньках в заросли, продрался сквозь них, оглянулся, прислушался — ни шороха. Какое-то темное и неведомое стремление тянуло его вернуться назад... И это же стремление, смешанное с непонятным страхом, гнало его дальше, в глубь зарослей. Иов не мог оставаться на месте. Шаря руками, проваливаясь в вонючие колдобины, продираясь он сквозь рогозу и дикий горох, между стволами саженцев, стараясь держаться вдоль железной дороги... Скрылась луна, темнота застлала землю. Иов нащупал пядь сухой тверди, полой рубахи вытер лицо и руки и долго ждал, пока успокоится сердце, уляжется страх, а потом поглядел на чернеющие в ночи вагоны. Пассажирский покажется спереди. Он заранее услышит гудок и далекий перестук, подкрадется к вагону, заберется на ступеньки и к утру будет дома. Пассажирский наверняка остановится на товарной станции, оттуда — два шага. ...Вот и забор, выкрашенный в ржавый цвет, над ним разлапистый нижир и лакированная верхушка пальмы. Железные ворота с облупившейся краской. Вот Иов у ворот. На нем черная сатиновая рубашка, на груди — фотокарточка в траурной тряпичной рамочке... Стучится Иов. Дребезжит ржавое железо... Тишина... К изгороди подходит сосед, тот самый, что в нарды играл. «Чего тебе?» — кричит он. «Сюда», — показывает Иов на ворота. «Нет их. Месяц назад в Кисловодск укатали. А может, и не в Кисловодск, одним словом, в те края. Ничего не скажешь — хороша хорошая жизнь. А мы тут задыхаемся в этом пекле. Забили дом и отправились. Вот так, любезный. А тебе... чего надо? По делу?».

«Да»... — только и смог выдать Иов, ком обиды застрял в горле. Волоча ноги, ползлеса он вдоль забора. Отчаянье кипело в груди — он не выдержал, влетел в какой-то недостроенный дом, прислонился спиной к кирпичной стене, завыв в голос — немного отпустило...

«Сейчас они дома, июнь только начался... Успею. Всех застапу». Далекий свет протянулся к нему — сияет детское личико с блестящими, как зорька, глазами:

— Кто оживил меня?

— Я, — отозвалось сердце Иова.

Нежной, светлой радостью преисполнился Иов. Улеглась соленая горечь. Луна выплыла из облаков — на цистернах за-

густел свет. «Кто оживил меня?» — снова спросил из дали звонкий голосок, но Иов увидел склоненную мимозу на пригорке, и сердце его смолчало. «Я, я, я!» — отозвалось где-то в прошлом, но это не было голосом Иова... Вздрогнул Иов, все вокруг напряглось в страхе... Замелькали неразборчивые сновидения — на лунную проталинку выползла тень, вперив в него беспросветные очи, холодно мерцая, приближались они — мрак глядел на Иова. Встрепенились листья, обмерла земля, воню дохнула трясина. Тревожно заверещала жаба и тут же поперхнулась. Непонятная тревога придавила все вокруг — «шикто не знает, кто убил». Мясная муха ударилась о стекло, вылетела наружу, огорченное жужжание уносило все дальше, дальше и дальше. «Святой Георгий, защити меня!» — вслух взмолился Иов и напрягся, задрожал, испугавшись собственного голоса. Где-то рядом снова заверещала встревоженная жаба, кто-то протяжно охнул в зарослях. Зловеще забулькало в болоте. Глухой, далекий стон растаял в ночи. Фосфорические глаза трухлявого пня глянули из страха. Сжался Иов, ощущая на себе чей-то пристальный, недобрый взгляд... Из глубокого, лохматого тайника вылезло что-то бесовское и беззвучно встало за спиной... Плесенный, болотный холод волглой рукой пополз по спине Иова, ощущывая каждый пупырышек... Иов вскочил на ноги и, боясь оглянуться, кинулся к насыпи. Польшнуло на миг огнем разорванное криком небо.

(«Сюда, Иов, сюда!... Я здесь... Вот я, Иов, вот моя рука!.. Ко мне!.. Скорей, скорей!.. Скорее, Иов!»)

Охранник с карабином перешагнул тень вагона, подошел к границе темноты, всмотрелся в кустарник, застывший в мглистом лунном свете, вытянул свисток... Тотчас же, топя сапогами, примчался второй и, напрягая зрение, закричал:

— Эй-ей-ей!

Иов остановился, оглянулся на охваченную ужасом темноту, отвел взгляд и поглядел на этих двоих... Смешались облегчение и напряжение, страх поправил страх. Он стоял на некоем рубеже — руки железнодорожников не могли дотянуться до него, и дыхание ночи уже не страшило. Он расслабился. Обмякли напряженные мышцы, пот облегчения покрыл лицо. Он прислушался к сердцу, колотящемуся под грудью, к ноющему виску — слабое бульканье обошло кишки и пропало.

— Эй-ей-ей! — крикнули еще раз, и брошенный камень сбил несколько листьев с ольхи.

— Сопляк этот, кому еще быть...

Оба пошли назад и растаяли в тени вагона. Иов зорким взглядом проводил их — увидел те диковинные, зачехленные машины на платформах, около которых топтался караул, потом заметил черный канал, тянущийся вдоль полотна, заросший по откосам растениями на голову выше папоротников, и темно-серую стену за ними. Иов наметил путь, пошел параллельно составу, с трудом продираясь сквозь кустарник. Прошел стоящие в отдалении предательские открытые платформы, мимо нескольких бронированных пулеманов, и перед ним открылась кукурузная делянка. Кукуруза едва доставала до пояса, он обогнул ее краем, держась поближе к кустам и,

не отрывая глаз от вагонов, облюбовал один с тормозной площадкой и присел на обгорелый пень среди высокой бузины. Воздух тут был скисший от запаха бузины, папоротника и гречишника, гниль еще не тронула пень, ветерок угадный дух теплого паровоза и рельсов. Прозрачный туман заволок равнину, и она лежала перед взором, будто залитая оловом. Над вагонами в одиноком прогале между облаками холодно сияли звезды — на них смотрел Иов... Вот сорвалась одна, скользнула вниз и растаяла над цистерной. Вздрогнул Иов, наткнувшись взглядом на цистерну, и очнулся... Голод сосал под ложечкой, в животе бурчало... Издали, с самого края земли прилетел куцый свисток электроваза, мощная машина приближалась к равнине, неукротимо летя сквозь темноту, сотрясая небо и землю, раздирая безмолвие. Здесь было тихо, но земля уже уловила за девятью горами несущийся грохот — наострились травинки, подобрались листья, сплотились, напрягая черенки, деревья незаметно подалась в одну сторону. Все приготовилось встречать первую волну грома. Зачастило сердце Иова, теплая дрожь изнутри заполнила тело до самой кожи. Иов поднялся, сорвал листочек с повисшей ольховой ветки, смял в кулаке, снова сел, прислушался, вытер ладошью лицо и глубоко вдохнул горьковатый запах ольхи. Мертвая тишина лежала кругом — душу выворачивало это зоркое настороженное молчание, это охваченное ожиданием безмолвие. Еще одна звездочка сорвалась и пропала. Долго не сводил глаз Иов с той точки, где погасла она, глядел и глядел, забыв обо всем на свете... Капля за каплей — волна, переполнившая сердце Иова, перехлестнула через край, покатила вспять, все дальше и дальше, оставляя за собой бескрайнюю и беспощадно растущую пустоту... Здесь Иов, сидит в пустой комнате... Полуденное солнце подобралось к незавешенному окну, яркий квадрат лег на доски пола; огромная синяя муха летает по комнате, жужжит, мечется, мелькает над золотистым квадратом, вспыхивая искрой... Незнакомая старуха суетится у стола, стучит стопкой тарелок. Под окном командуют чужие люди, несут столы, стулья... Мир нашел досуг и для Иова — его ласкают, удивляются, как он вырос и похорошел. Теперь все разошлись. Иов не переживает, не плачет: ничегошеньки не случилось, все по-старому... Сидит Иов, следит за мухой, когда прострельнет она поток света, когда вспыхнет... Вот с разлету стукнулась о стену, ее оглушило, она свалилась на пол, взлетела и заметалась, биясь об оконное стекло... Вот нашла выход, вырвалась наружу, огорченное жужжание таяло в пространстве все дальше, дальше и дальше. Иов вскочил, распахнул дверь в другую комнату — никого, пустой диван. Выскочил на крыльцо — черная толпа поднимается по склону, на небе жгучее солнце, рухнул мир, не осталось на свете ни единой родной, тароватой на ласку души... Побежал Иов, заходясь в крике... («Горе, сын мой, брат мой, плоть и кровь моя — сюда, Иов, сюда!»).

Но... Иов сидит у стола, покрытого красной скатертью, неудобно сидит, на краешке высокого стула. Уставился на графин с водой, избегая смотреть на мужчину. А мужчина

не чужой какой-нибудь — близкий сосед. Иногда Иов помогал ему собирать чай, сортировать шелковичные коконы, но здесь, в этом пропахшем краской кабинете, он никак не смеялся заговорить басом, положить руки на стол, посмотреть прямо...

— Ну вот, парень, — говорит мужчина, поминутно поглаживая лысину, — что такое полгода? Чепуха! Поедешь, глядишь — и найдешь свою дорогу. Фабрично-заводская школа — там учиться не трудно. А тут кто о тебе позаботится, бабка твоя уже не человек, что она может?.. Потрафишь начальству — далеко пойдешь. Может, и инженером станешь. Не удивляйся, и такое бывает. Поедешь, вернешься, а мы все будем копать в этом чае.

В открытую дверь заскакнул толстый мужчина на костылях. Скрипя и задыхаясь, подпрыгал к столу и плюхнулся на стул рядом с Иовом.

— Все еще пишешь стихи? — спросил он.

— Да, — застеснялся Иов.

— Не бери греха на душу, Ладуша, — сказал одноногий, — со всего света соберут беспризорных... Испортится парень.

— Довольно, не буравь ты меня... Не те у него задатки. А что прикажете делать мне?! Думал мальчишку к Кириле послать — и в школу не ходит, и тяпку в руки не берет — Кириле ни в какую не согласился...

— Этот в школу пойдет, первое сентября на носу...

— Не один черт?! Там тоже учеба. Не бойся, без дела не останется. Пожалейте меня — утром опять из райкома звонили. Будь я ребенком, я бы подтянул штаны и отправился, да что делать — вырос. Тебе-то чего, он же не отказывается?..

Иов благодарно взглянул на одноногого, потом посмотрел лысому в глаза:

— Хорошо, дядя Ладо, я поеду. Оформляйте документы... поеду...

(«Снова я здесь и смотрю на тебя, брат мой... Выходи, пора, идет тот поезд... Вот свет его лег на склон, закачался над рельсами... Как отмель, засеребрилась платформа, засветились камни, травинки, листья... Твой товарный скоро тронется... Скорей, скорей, скорее, Иов!»).

Оправился Иов, замирая, вылез из зарослей, нацелился взглядом на заветную ступеньку облюбованного вагона, приготовился... Вот за колесами забелел, как ракушки, гравий — пронесся электровоз под грохот и завывание сирен, таща за собой лабину вагонов. Обрушилось небо, взвихрилось, подняло Иова и потащило за собой... Промчался последний вагон, опрокинул Иова, как пустую бутылку, вбил его в то же место, где только что стоял он... Долго лязгал несущийся вагон, долго разматывался моток шума в теле Иова, долго не проходило головокружение... Потом впереди запыхтел паровоз, лязг буферов прокатился по составу, дрогнула та вожделенная ступенька и медленно, чуть заметно поплыла. Пригнувшись и расставив ноги, как рыбак, поджидал ее Иов. Вот она — Иов выскочил из темноты...

ним, поцеловала ребенка, погладила, поворотила к Иову, подтолкнула: «Ступай, внученька, он тебе не чужой, брат твой, ступай». Девочка, прикусив палец и не сходя с места, смотрела то на Иова, то на петушка. Так стояли с минуту, и тогда старшие перестали наблюдать за ними, девочка осмелела, пошла к Иову и вынула палец изо рта.

— А я в садик хожу! — гордо доложила она. — Хочешь, игрушки покажу?

— Хочу, — ответил Иов.

Девочка потащила Иова в дом, усадила на диван среди разбросанных игрушек и по очереди познакомила с каждой куклой, рыбкой, белкой, собачкой... Потом научила его играть: наставляла пальчик, выкрикивала «бах», и Иов должен был тут же падать будто убитый. Девочка забиралась на диван и целовала Иова — раз, два, три... На пятом поцелуе ему полагалось открыть глаза, присесть и удивиться: «Кто меня оживил?». Девочка, безмолвно ликуя, ждала этих слов и тут же кричала: «Я!». Потом они менялись. Теперь девочка притворялась убитой и «оживала» на пятом поцелуе. Они бы долго играли, когда бы Иов не спросил:

— В детском садике научилась?

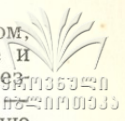
— Нет, меня папочка научил, правда, хорошая игра?

— Хорошая, — грустно согласился Иов, задумался, а когда она снова «выстрелила» в него, он не упал, не закрыл глаза, а тихо сказал: — Больше не хочу...

И все же они настолько сдружились, что перед сном девочка закатила истерику: «Буду спать с Иовом!». Отец не возражал, но старуха и слушать никого не желала, схватила ребенка за руку и силком утащила куда-то в дальнюю комнату. Утром девочка показала ее Иову. Там в углу и под кроватью были навалены груды золотых мандаринов. Оба залезли под кровать, подползли к мандаринам и молча сосали сладкие дольки... Таким дурманом дышали эти золотые россыпи, таким душным благовонием воска и сливочного масла пропитались волосы девочки, что Иов не выдержал и, замирая, прошептал: «А я стихи знаю!». Девочка ничуть не удивилась. «И я знаю, — Она растопырила все десять пальцев. — Вот сколько я знаю!»...

А поезд катился по равнине. Далеко на сумрачном небе недобро нахохлился хребет. Лунный свет скопился в предгорьях, и горьковато-сладкая печаль сосала душу Иова. Над бортом одна за другой проносились темные макушки деревьев. Незаметно вращалась лежащая в низине белесая местами от лунного тумана тьма. Все дремало под мягкое ритмичное вздрагивание колес, налетающих на стыки. Сон одолевал Иова... Осоловевший, со слипающимися глазами, он уже бессознательно участвовал в этом кружении задымленного неба и земли, снова ощущая, как лишается плоти, как каждая частичка ее растворяется в беспредельном покачивающемся пространстве...

Его тело, развешанное и превращенное в сон, уже вобрали и растворили в себе этот тряский состав, этот перестук, эта безбрежная равнина, эта немая, страшная ночь... Вот незримые видения — придвинутся они, скакнут в круг, вспыхнут на миг и пропадут, растворившись во мраке по ту сторону круга... Вот незапоминающиеся сновидения — копошатся они, пряча лик,

не переступая магической черты видения, но они здесь, рядом, около, их ощущаешь по тому страху, который все больше и больше сгребает Иова. И где-то внутри, в сердцевине безбрежности глухо пульсирует единственная опорная точка комариный укус на скуле... Смутно осязает ее тело, впустую тщится сплотиться, собраться вокруг этой точки и утвердиться в самом себе (внизу, в центре сумрачной равнины, на чуткой травинке дрожит, как в ознобе, шарик росы, замороженно, словно заключенный, вглядывается в колдовской глаз луны, а земля со страшной силой пропасти вцепилась в устремленный горё крошечный атом... Вот оно, зернышко света — ниже и ниже стекает по стебельку)... Здесь Иов, он засмотрелся на громящую в пыльном вихре бетономешалку, оперся подмышкой на черенок лопаты, отдыхает... Грянула песня... Иов обернулся, выронил лопату, замер от страха; он понимает, что песни не слышно, но она существует где-то здесь, рядом, он чувствует, что поют... Растет страх, ломит Иова... И вдруг:

— Иов, поди-ка сюда, полюбуйся!

Иов идет, конечно, идет, старается идти, это ноги сами топчутся на месте; он знает наперед — сейчас отнимут деньги...

— Не дрефь, наш мастер нализался. Теперь до шести продрыхнет, знаю я его золотой характер.

— Вот, брат, лопай хлеб и колбасу. Все даровое: залезли в склад, глядим — мешки, с ума сойти, что за мешки... На них петух намалеван и что-то по-иностранному. Народ безо всяких расхвтал. Беги, если хочешь, намотай на пузо штук десять и жми на базар. Обломится и тебе, хоть по рублю проси — отвалят, в очередь встанут, передерутся, знаешь же этих живоглотов...

— Кончай базарить...

— Родителями клянусь, в зятя его возьму, по душе он мне. Давай, кореш, не стесняйся.

Я не могу пить...

Тебе говорю, зятем моим будешь! Ей-богу не шучу!

... Не пью я... не могу водку...

— Ах ты, мамочки, он водку не может, а у нас, как назло, вино кончилось. Человек к вину привык. Что-нибудь осталось в кевври?

— Пара бутылок наскребется...

— Дело! А то чуть не опозорился перед гостем. Пустим его, уважим, пусть сам начерпает?

— Двигай, брат, на склад. В углу, направо... Отодвинешь ящик, кевври под ним. Ну, живо! Не говори мне, что и вино не принимаешь!

— Не пью... я не пью...

— Брось трепаться, солнышко, лень лишний шаг сделать!

— Не полезу я... Вот две десятки... Оставьте одну, у меня больше нет...

— Отлично, миляга! Это дело... Не жмись, давай обе, мы тоже люди... Вот тебе трешка, спрячь, не потеряй... Ничего не скажешь, уважительный парень. Говорю же, зятя бы мне такого. Лишнего не сболтнет. Другой бы на его месте раззво-

нил бы и директору, и коменданту, и всему свету. Что с таким делать? Встать ночью и придушить гада полотенцем. Я бы к твоим копейкам не притронулся, да всех куда-то угнали: ва-менщиков и плотников — в Квирети, остальных — черт знает куда; этак ноги протянешь, а то разве бы взял... Выдайте мне диплом, отпустите, отдайте паспорт — только бы меня и видели. Покуда расплатишься за их шмотки и дырявый аванс, стибанешься в этой дыре. Нет, не удержат меня...

Занимается тьмуший страх, трясет Иова. Нет, он не боится, что возьмут за глотку, — это иной страх, он вползает в тело, растекается по жилам, сводит кишки. Смутно улавливает Иов — поезд стоит, давно стоит. Вот проходящий мимо платформы охранник или железнодорожник услышал его стон, остановился, прислушивается. Единственный бдящий уголок затуманенного сознания будит его и не может побороть тяжелого забытья... Голое, морщинистое лицо уставилось на Иова... Красные веки обметал присохший гной, водянистые, цвета навозной жижи глаза, широкий рот с гнилыми зубами... Жует обслонявленный подбородок, равнодушно текут холодные слова: «Расширяли площадь, и дом мой — тю-тю, свичи в кулак. Комнату отвалили в Кутаиси! А на кой черт мне их комната! Теперь я тут, все у меня есть. А там сестрица моя, Аничка. Сейчас, надо думать, в десятом учится. Краше ее не сыщешь. О ней и говорю, бери, пусть твоей будет, если у тебя есть угол... Мне честный человек нужен, не хочется выдавать за отпетого». Мурашки ползут по спине Иова, водочный перегар душит его, хочется вскочить, убежать на край света, куда там, схватили, трясут. Вот опять — пенятся слюны, кровь течет по лбу: «Моя, моя машина!». Сдернулось пространство, крики пронеслись над темным берегом: «Сева, Сева, Сева!». Рванулся Иов, попытался вскочить. Он еще не скинул сон, но уже чувствовал — квакают лягушки, впереди пыхтит паровоз, а тяжелая рука, которая трясет его за ворот, принадлежит охраннику с карабином. С трудом разлепил он веки и приподнял голову.

— А ну, вылазь! Живо, некогда мне рассусоливать! Быстрей... твою мать!

Иов молча перевалил через борт, спрыгнул на освещенный участок платформы и пригнулся. Что должно было случиться, случилось — он успокоился, чувство безволия и бессилия опустошило его... Нет, его не бьют, один из железнодорожников, как клещами, вцепился в плечо, вот-вот вывихнет.

— Загонял нас этот молокосос!

Второй поднял фонарь, направил Иову в лицо.

— В Зестафони забрался. Голову на отсечение даю — из ФЗО убежал. Убежал?

Молчит Иов. Насупился.

— Немой, ублюдок, сукин сын! — ругнулся охранник. — В Самтредиа ссадим и ссадим в милицию. Будь спокоен, там потанцует, у них для таких есть лекарство... Тащи его к себе... Раждену не доверяй, ему и гуся нельзя доверить, потерянный черт... Только своей шлюхой бредит...

— А я на что? — кряжистый, как пень, железнодорожник схватил Иова за запястье и, дергая, потащил к паровозу.

— Что, справились? — глухо спросил стоящий у паровоза машинист с трубкой в зубах.

— В Самтредиа велено доставить.

— Хм... молоко на губах не обсохло...

Паровоз, как глыба тьмы, стоял на насыпи. Нижняя ступенька его приходилась вровень с грудью Иова. Скользили ноги, с хрящеватым треском осыпался щебень, испуганные лягушки прыгали в гнилую воду дренажного канала.

— Ну, лезь! — подгонял «пень». — Живей! А то тресну — почки из носа вылетят!

Иов ухватился за поручень и кое-как вскарабкался в кабину.

— Чего ты окрысился?.. Не видишь — ребенок! — вспылдил машинист, поднялся следом за Иовом и молча сел у двери.

Оставшийся внизу кряжистый железнодорожник копался в колесах, стучал молотком, ругаясь между делом по-русски.

— Удрал? — после долгого молчания спросил машинист, не глядя на Иова. Наклонясь вперед, он выбил трубку о носок сапога.

— Да, — тихо ответил Иов.

— А теперь?.. Куда путь держишь?..

У него был приглушенный тоскливый голос, точно он думал вслух.

— В Батуми собирался... — нерешительно открылся Иов.

— Там что — медом мазано?

— Отец там живет.

— А мать?

— Мама у меня нет.

— Умерла?

— Да.

— Отец?.. Родной отец-то?

— Родной.

Машинист замолчал, потом разразился кашлем. Извлек из полотняного кисета табакерку, вынул шахматную пешку, указательным пальцем набил трубку, утрамбовал лохматые волокна головкой пешки, чиркнул спичкой, затянулся несколько раз:

— Никак не перебью запах угля, зараза!

И снова умолк.

Иов поглядел вперед. Перламутровый свет паровозного прожектора лежал на полотне. За поворотом, на высеченной насыпи шевелился кустарник, за которым виднелась изгибающаяся подковой дорога с белым пунктиром предохранительных столбиков вдоль обочины. Еще дальше, на откосе скалы, ребрами выделялись полосы известняка. Остальное терялось в туманном мраке.

— Ремеслу научился? — повернулся к Иову машинист.

— Да, я штукатур.

— Справляешься?

— С цементом — да. С алебастром труднее.

— В Батуми что собираешься делать, на работу пойдешь?

— А как же. А в сентябре в вечернюю школу поступлю.

— Тебе виднее, — машинист снова умолк, задумчиво глядя на мальчика. Иов потупился. Он сидел как на иголках,

СЭВЕРНЫЙ
СОВЕТСКИЙ

чувствуя этот застывший, тяжелый взгляд, но старался не показывать виду. Тяжело становилось на душе под этим взглядом. Он съежился, как наказанный щенок, нерешительно покосился на мужчину и оторопел — тот вовсе не глядел на него, уставился куда-то в темное пространство поверх головы Иова. Из глаз его, из бездонной глубины их выглядывал болезненный расстроенный рассудок... Струсил Иов, холодная дрожь стянула кожу на висках, поползла выше и пропала в корнях волос. Напрягся Иов, приготовился. Вот медленно отвисла челюсть машиниста и застыла, забыл он о трубке, только, чуть покачивая, языком прижимал он мундштук к нижним зубам... Иов не шелохнулся, готовый в любой момент задать стрекача, скосил глаза, взгляделся в темный проем окна, увидел за ним неясную вершину черного дерева, но внезапный шорох заставил его поднять настороженные глаза.

— Удрать настроился? — спросил машинист, не сердясь, даже сочувствуя как будто.

Иов потупился. Второй вопрос удивил его:

— Кто из них разошелся? Отец или мать?

— Отец, — насилу выдавил Иов.

— А туда что, к жене переехал?

Теплая волна окатила сердце Иова.

— Знаете его? — обрадовался он.

— Нет, не довелось... Я так... — в его глазах снова мелькнул недужный, скорбный рассудок. — Не бойся, доведу тебя до Батуми, что мне стоит... У меня мог бы быть сын, такой, как ты, а вот никого нет, если хочешь начистоту. Была жена, да смотала удочки, не ужилась мы... Тебя-то что дернуло удрать? Потерпел бы немного, а там бы сами отпустили. Жил бы в своем доме. У тебя есть дом?

— Есть.

— Кто там теперь хозяйничает?

— Дядя... с женой.

— А что тебя сюда занесло, мил человек?

Иов задумался, глянул на освещенные прожектором рельсы, взгляделся в даль — перед ним возник закопченный зев камина, лампа на столе, сковорода с исходящей жаром лепешкой. Плачущий голос: «Ешь, родимый, ешь, бог тебя не оставит»...

— Не знаю, — нерешительно ответил он. — Легкие были слабые, два года в школу не ходил. Они пристали, чтобы я ремеслу учился, из района требование пришло. По плану двоих хотели, да никто не согласился... Пришлось мне...

— Долго там пробыл?

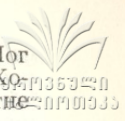
— Шесть месяцев. Учились и работали, а под конец совсем на объект перевели.

— Тяжело было?

— Работать — нет, народ плохой... Не знаю...

— Да-а, — протянул машинист, задумался, забыл про Иова. Потом очнулся и, глядя на мальчика, частыми затяжками старался раскурить притухшую трубку. С трудом раскурил, глубоко затянулся, плюнул за дверь и вдруг заговорил:

— И я был в твоей шкуре... только я в тюрьме сидел. Тысяче гадостей и подлостей обучили меня там. Не думай, что

я старик, мне всего тридцать пять, да здоровье подкачало. Мог бы дома сидеть, но знаю, в одиночестве совсем рехнусь. Хотя, наверное, и отсюда меня скоро выпрут, тут надо по соображениям глаз и ушей иметь...

Он встал, вытащил откуда-то чемоданчик, открыл ключом, пошарил внутри — пахло пудрой, духами и еще чем-то резким — рассмеялся:

— Моя единовверная тоже где-то в том краю загорает, она море любила — страсть... Может быть, попадется тебе где-нибудь на пляже... Узнать ее не трудно — баба, как сказочный великан... Хотя, разве она одна? Обязательно кто-нибудь рядом вьетесь... Ты сразу догадаешься... — Голос его дрогнул. — Пойду, уломаю бригадира, не сдадим тебя в Самтредиа. Однако, если хочешь, беги. Спрячешься в зарослях. Тронемся, долго ли спрыгнуть на ходу, плевое дело. Рядом не крутись, схоронись подальше. Я, может быть, крик подыму, но ты не трись. Ну, давай, беги!

— Большое спасибо! — поблагодарил Иов. Сейчас он боялся только одного — оставаться наедине с этим странным типом. Да неужто во всем составе не найдется надежного местечка?! Иов спустился на первую ступеньку, огляделся — того «пенька», помощника машиниста, нигде не видно, зато неподалеку стоят трое. Один из них гудел басом и злился, хотя никто не перечил ему.

— Все не так, — неожиданно донеслось из-под вагона. — Шофер убил, если хочешь знать.

— Тоже мне, учитель нашелся, — заколебался бас, — никто не знает, кто убил...

Иов, решив вернуться, поглядел на машиниста — тот выматывал из чемодана что-то оранжевое, льющееся из рук, и украдкой закидывал в карман, — отвел глаза, предпочитая сейчас спуститься вниз. Пахло недавним ароматом... Иов глянул на железнодорожников, сердце екнуло. Щелкнул замочек.

— Ну, чего дожидаться, рви. Больше часу простоям тут, пассажирский должны пропустить. Не трись, они моргнуть не успеют...

Иов бесшумно сполз по ступенькам, повис на поручнях, с трудом нащупал ногой щебеночный склон насыпи. Из-под ноги со слабым шорохом сорвался камешек и канул в воду канала, следом за ним шлепнулась лягушка. Качнулся тростник. Иов пригнулся, нырнул в посадку и растворился в темноте. Не успел он пробежать и пятнадцати шагов, как сзади раздался крик. Иов припустил со всех ног, вслепую вытянул руки, но споткнулся, упал в трясину, присел, вытер лицо... Крик не прекращался, слышалась беготня, сердце Иова готово было выпрыгнуть из груди, липкая жижка выворачивала душу, лицо было в грязи. Он притаился, ожидая, пока уляжется суматоха. Вот застучали где-то в середине состава, засвистели, переключаются. Улеглось беспорядочное кваканье лягушек, по очереди, на разные голоса верещат они, словно проверяя, все ли здесь, не пропал ли кто-нибудь из них. Иов успокоился. Переждал еще немного, в скупом свете луны заметил полянку, вылез из бурьяна и остановился у ольхи, заросшей повоем. Луна выплыла из-за облака и осветила все вокруг. Ясно стали видны

стоящие на насыпи, озаренные светом цистерны. Иов постоял немного, ощущая взглядом вагоны и присматривая будущее убежище. Потом раздвинул низкие ветки, сделал шаг и сторопел — от немых зарослей отделилась длинная тень, вытолкнувшись на свету, огляделась, двинулась краем кустов, приблизилась, остановилась в десяти шагах... «Машинист...» — узнал Иов. Луна освещала его бледное лицо, холодно горящие глаза — темный болезненный разум застыл в них. Иов заиндевел от ужаса. «Никто не знает, кто убил», — послышалось в близком шелесте ольхи.

— Элико, — глухим дрожащим голосом внезапно взмолился машинист, — свернем сюда, Элико... — Голос его осекся. Он порывисто обернулся, выдернул из кармана что-то белое, шагнул и пропал в тени. Забилось сердце Иова, горячая волна окатила его от плеч до колен; он развернулся, побежал на четвереньках в заросли, продрался сквозь них, оглянулся, прислушался — ни шороха. Какое-то темное и неведомое стремление тянуло его вернуться назад... И это же стремление, смешанное с непонятным страхом, гнало его дальше, в глубь зарослей. Иов не мог оставаться на месте. Шаря руками, проваливаясь в воноchie колдобины, продирался он сквозь рогозу и дикий горох, между стволами саженцев, стараясь держаться вдоль железной дороги... Скрылась луна, темнота застлала землю. Иов нащупал пядь сухой тверди, полой рубахи вытер лицо и руки и долго ждал, пока успокоится сердце, уляжется страх, а потом поглядел на чернеющие в ночи вагоны. Пассажирский покажется спереди. Он заранее услышит гудок и далекий перестук, подкрадется к вагону, заберется на ступеньки и к утру будет дома. Пассажирский наверняка остановится на товарной станции, отсюда — два шага. ...Вот и забор, выкрашенный в ржавый цвет, над ним разлапистый низкий и лакированная верхушка пальмы. Железные ворота с облупившейся краской. Вот Иов у ворот. На нем черная сатиновая рубашка, на груди — фотокарточка в траурной тряпичной рамочке... Стучится Иов. Дребезжит ржавое железо... Тишина... К изгороди подходит сосед, тот самый, что в нарды играл. «Чего тебе?» — кричит он. «Сюда», — показывает Иов на ворота. «Нет их. Месяц назад в Кисловодск укатили. А может, и не в Кисловодск, одним словом, в те края. Ничего не скажешь — хороша хорошая жизнь. А мы тут задыхаемся в этом пекле. Забили дом и отправились. Вот так, любезный. А тебе... чего надо? По делу?».

«Да»... — только и смог выдать Иов, ком обиды застрял в горле. Волоча ноги, ползая он вдоль забора. Отчаянье кипело в груди — он не выдержал, влетел в какой-то недостроенный дом, прислонился спиной к кирпичной стене, завыв в голос — немного отпустило...

«Сейчас они дома, июнь только начался... Успею. Всех застану». Далекий свет протянулся к нему — сияет детское личико с блестящими, как зорька, глазами:

— Кто оживил меня?

— Я, — отозвалось сердце Иова.

Нежной, светлой радостью преисполнился Иов. Улеглась соленая горечь. Луна выплыла из облаков — на цистернах за-

густел свет. «Кто оживил меня?» — снова спросил из дали звонкий голосок, но Иов увидел склоненную мимозу на пригорке, и сердце его смолчало. «Я, я, я!» — отозвалось, где-то в прошлом, но это не было голосом Иова... Вздрыгнул Иов, все вокруг напряглось в страхе... Замелькали неразборчивые сновидения — на лунную проталинку выползла тень, вперив в него беспросветные очи, холодно мерцающая, приближались они — мрак глядел на Иова. Встрепенулись листья, обмерла земля, воюю дохнула трясина. Тревожно заверещала жаба и тут же поперхнулась. Непонятная тревога придавила все вокруг — «никто не знает, кто убил». Мясная муха ударилась о стекло, вылетела наружу, огорченное жужжание уносило все дальше, дальше и дальше. «Святой Георгий, защити меня!» — вслух взмолился Иов и напрягся, задрожал, испугавшись собственного голоса. Где-то рядом снова заверещала встревоженная жаба, кто-то протяжно охнул в зарослях. Зловеще забулькало в болоте. Глухой, далекий стон растаял в ночи. Фосфорические глаза трухлявого пня глянули из страха. Сжался Иов, ощущая на себе чей-то пристальный, недобрый взгляд... Из глубокого, лохматого тайника вылезло что-то бесовское и беззвучно встало за спиной... Плесенный, болотный холод волглой рукой пополз по спине Иова, оцупывая каждый пупырышек... Иов вскочил на ноги и, боясь оглянуться, кинулся к насыпи. Полыхнуло на миг огнем разорванное криком небо.

(«Сюда, Иов, сюда!... Я здесь... Вот я, Иов, вот моя рука!.. Ко мне!.. Скорей, скорей!.. Скорее, Иов!»)

Охранник с карабином перешагнул тень вагона, подошел к границе темноты, всмотрелся в кустарник, застывший в мглистом лунном свете, вытянул свисток... Тотчас же, топая сапогами, примчался второй и, напрягая зрение, закричал:

— Эй-ей-ей!

Иов остановился, оглянулся на охваченную ужасом темноту, отвел взгляд и поглядел на этих двоих... Смешались облегчение и напряжение, страх поправил страх. Он стоял на некоем рубеже — руки железнодорожников не могли дотянуться до него, и дыхание ночи уже не страшило. Он расслабился. Обмякли напряженные мышцы, пот облегчения покрыл лицо. Он прислушался к сердцу, колотящемуся под грудью, к поющему виску — слабое бульканье обошло кишки и пропало.

— Эй-ей-ей! — крикнули еще раз, и брошенный камень сбил несколько листьев с ольхи.

— Сопляк этот, кому еще быть...

Оба пошли назад и растаяли в тени вагона. Иов зорким взглядом проводил их — увидел те дикинские, зачехленные машины на платформах, около которых топтался караул, потом заметил черный канал, тянущийся вдоль полотна, заросший по откосам растениями на голову выше папоротников, и темно-серую стену за ними. Иов наметил путь, пошел параллельно составу, с трудом продираясь сквозь кустарник. Прошел стоящие в отдалении предательские открытые платформы, мимо нескольких бронированных пульманов, и перед ним открылась кукурузная делянка. Кукуруза едва доставала до пояса, он обогнул ее краем, держась поближе к кустам и,

не отрывая глаз от вагонов, облюбовал один с тормозной площадкой и присел на обгорелый пенёк среди высокой бузины. Воздух тут был скисший от запаха бузины, папоротника и гречишника, гниль еще не тронула пенёк, ветерок доносил угарный дух теплого паровоза и рельсов. Прозрачные туманы туман заволок равнину, и она лежала перед взором, будто залитая оловом. Над вагонами в одиноком прогале между облаками холодно сияли звезды — на них смотрел Иов... Вот сорвалась одна, скользнула вниз и растаяла над цистерной. Вздрогнул Иов, наткнувшись взглядом на цистерну, и очнулся... Голод сосал под ложечкой, в животе бурчало... Издали, с самого края земли прилетел кудый свисток электровоза, мощная машина приближалась к равнине, неукротимо летя сквозь темноту, сотрясая небо и землю, раздирая безмолвие. Здесь было тихо, но земля уже уловила за девятью горами несущийся грохот — наострились травинки, подобрались листья, сплотились, напрягая черенки, деревья незаметно подались в одну сторону. Все приготовилось встречать первую волну грома. Зачастило сердце Иова, теплая дрожь изнутри заполнила тело до самой кожи. Иов поднялся, сорвал листочек с повисшей ольховой ветки, смял в кулаке, снова сел, прислушался, вытер ладонью лицо и глубоко вдохнул горьковатый запах ольхи. Мертвая тишина лежала кругом — душу выворачивало это зоркое настороженное молчание, это охваченное ожиданием безмолвие. Еще одна звездочка сорвалась и пропала. Долго не сводил глаз Иов с той точки, где погасла она, глядел и глядел, забыв обо всем на свете... Капля за каплей — волна, переполнившая сердце Иова, перехлестнула через край, покатила вспять, все дальше и дальше, оставляя за собой бескрайнюю и беспощадно растущую пустоту... Здесь Иов, сидит в пустой комнате... Полуденное солнце подобралось к незавешенному окну, яркий квадрат лег на доски пола; огромная синяя муха летает по комнате, жужжит, мечется, мелькает над золотистым квадратом, вспыхивая искрой... Незнакомая старуха суетится у стола, стучит стопкой тарелок. Под окном командуют чужие люди, несут столы, стулья... Мир нашел досуг и для Иова — его ласкают, удивляются, как он вырос и похорошел. Теперь все разошлись. Иов не переживает, не плачет: ничегошеньки не случилось, все по-старому... Сидит Иов, следит за мухой, когда прострельнет она поток света, когда вспыхнет... Вот с разлету стукнулась о стену, ее оглушило, она свалилась на пол, взлетела и заметалась, биясь об оконное стекло... Вот нашла выход, вырвалась наружу, огорченное жужжание таяло в пространстве все дальше, дальше и дальше. Иов вскочил, распахнул дверь в другую комнату — никого, пустой диван. Выскочил на крыльцо — черная толпа поднимается по склону, на небе жгучее солнце, рухнул мир, не осталось на свете ни единой родной, тароватой на ласку души... Побежал Иов, заходясь в крике...

(«Горе, сын мой, брат мой, плоть и кровь моя — сюда, Иов, сюда!»).

Но... Иов сидит у стола, покрытого красной скатертью, неудобно сидит, на краешке высокого стула. Уставился на графин с водой, избегая смотреть на мужчину. А мужчина

не чужой какой-нибудь — близкий сосед. Иногда Иов помогал ему собирать чай, сортировать шелковичные коконы, но здесь, в этом пропахшем краской кабинете, он никак не решается заговорить басом, положить руки на стол, посмотреть прямо...

— Ну вот, парень, — говорит мужчина, поминутно поглаживая лысину, — что такое полгода? Чепуха! Поедешь, глядишь — и найдешь свою дорогу. Фабрично-заводская школа — там учиться не трудно. А тут кто о тебе позаботится, бабка твоя уже не человек, что она может?.. Потрафишь начальству — далеко пойдешь. Может, и инженером станешь. Не удивляйся, и такое бывает. Поедешь, вернешься, а мы все будем копаться в этом чае.

В открытую дверь заскакнул толстый мужчина на костылях. Скрипя и задыхаясь, подпрыгал к столу и плюхнулся на стул рядом с Иовом.

— Все еще пишешь стихи? — спросил он.

— Да, — застеснялся Иов.

— Не бери греха на душу, Ладуша, — сказал одноногий, — со всего света соберут беспризорных... Испортится парень.

— Довольно, не буравь ты меня... Не те у него задатки. А что прикажете делать мне?! Думал мальчишку к Кириле послать — и в школу не ходит, и тяпку в руки не берет — Кириле ни в какую не согласился...

— Этот в школу пойдет, первое сентября на носу...

— Не один черт?! Там тоже учеба. Не бойся, без дела не останется. Пожалейте меня — утром опять из райкома звонили. Будь я ребенком, я бы подтянул штаны и отправился, да что делать — вырос. Тебе-то чего, он же не отказывается?..

Иов благодарно взглянул на одноногого, потом посмотрел лысому в глаза:

— Хорошо, дядя Ладо, я поеду. Оформляйте документы... поеду...

(«Снова я здесь и смотрю на тебя, брат мой... Выходи, пора, идет тот поезд... Вот свет его лег на склон, закачался над рельсами... Как отмель, засеребрилась платформа, засветились камни, травинки, листья... Твой товарный скоро тронется.. Скорей, скорей, скорее, Иов!»).

Справился Иов, замирая, вылез из зарослей, нацелился взглядом на заветную ступеньку облюбованного вагона, приготовился... Вот за колесами забелел, как ракушки, гравий — пронесся электровоз под грохот и завывание сирен, таща за собой лагину вагонов. Обрушилось небо, взвихрилось, подняло Иова и потащило за собой... Промчался последний вагон, опрокинул Иова, как пустую бутылку, вбил его в то же место, где только что стоял он... Долго лязгал несущийся вагон, долго разматывался моток шума в теле Иова, долго не проходило головокружение... Потом впереди запыхтел паровоз, лязг буферов прокатился по составу, дрогнула та вождеденная ступенька и медленно, чуть заметно поплыла. Пригнувшись и расставив ноги, как рыбак, поджидал ее Иов. Вот она — Иов выскочил из темноты...

(«Ох, брат мой, заметил тебя охранник, бежит огнеглазый! Кричит, недобрым словом поминает родителей, догоняет... Небо и земля сдвинулись с точки, травят тебя, твоими когтями вцепились в горло! Сбросят тебя, оставят на безлюдном голустанке!»).

Стремглав влетел Иов на площадку, охранник — за ним. Иов кинулся к другому краю, прыгнул, скатился со щебеночной насыпи. Встал, пропустил вагон, второй, третий... Приготовился, но эта была платформа — не за что уцепиться. Вот наскоро пересчитали стык колеса дегтярных цистерн. Вот протатакала открытая платформа с диковинной машиной — крик охранника сорвался с нее... Вот еще одна цистерна, но без тормозной площадки... Горючие слезы бессилия и обреченности закипают в душе Иова. Стоит Иов, не различая ничего, смазанные, слитые воедино танцующие тени проносятся перед глазами, глухо отзванивают ритмичные вспышки просветов между вагонами. И вдруг полный свет хлынул в глаза — последний вагон взрогнул и исчез. Нет его — только поручни, черные поручни... Иов прыгнул... Гром сорвался в подмышки, желтые зигзаги врезались в лоб, рассыпалось серое пространство...

— Дяденька, дяденька, ради бога!

— Слазь, говорю! Как врежу сапогом!.. Живо!..

— Сбрось его ..твою мать! Замучил!

— Ради бога, дяденька!

Вот он, верзила в черной шинели — на ноздре бородавка, широкие, как стамески, зубы... Вот железная рука — хватает Иова за локоть, рвет, сляясь отодрать руку от поручня — отодрал, швырнул вниз, как вязанку хвороста. Иов падает на мазутный щебень, вскакивает, бежит — сердце готово выпрыгнуть — бежит за двумя коралловыми огнями, бежит, бежит... Прут стрелки ударил по щиколотке, Иов перевернулся, врезался во вздыбившиеся разом шпалы — искры брызнули в разные стороны... Чудо свершилось — Иов схватил пригоршню щебня и камней, встал на трясущихся ногах, швыряет камнями в красные моргающие глаза, грязные слова срываются с губ Иова, матерится Иов! Вот один красный глаз скрылся на повороте, за ним — второй... Пусто... Вдали срослись железнодорожные колеи, гудят теплые рельсы, смутно поблескивают под луной россыпи самоцветов. Всхлипывает Иов, грязным кулаком вытирает слезы, хромя, перешагивает через рельсы, спускается с насыпи, входит в распахнутые ворота склада, садится на кучу окаменевшего азота.

Рассветный гомон морозом осел в воздухе, шершавый азот холоден, как лед, но тело Иова горит. Черные мысли одолевают его, ад жжет в душе... Вот заря осветила холмик, качнулась желтая, печальная веточка мимозы, но Иов не поддался и тотчас же избавился от нее; вот ясноглазая девочка звонко крикнула издали: «Кто оживил меня?» — и ее отринул Иов; вот всплыл пасмурный берег, улетывает гнилозубый дурак, задрав окровавленный лоб, а хор улюлюкает: «Сева, Сева, Сева!». Мрачная жажда сотрясает Иова... Он напрягает ум, ходит, ищет... Вот кто-то нашел и преподнес ему — «Никто не знает, кто убил!». Верно — эту фразу искал

рзум Иова, не самое фразу, а нечто скрытое за словами, темное и зловещее, как эта ночь... Все встало на круги своя — догнал бегущего по берегу, занес кулак, ударил — «Кривой» — вспомнился далекий страх — сбил с ног — не на берегу — мазутные россыпи самоцветов — схватил булыжник, нагнул — Нет, это не Сева, не тот юродивый, это верзила в черной шинели, он, он, он! Вот бородавка на ноздре, зубы — стамески. Булыжником бьет его Иов, бьет без пощады, ликует сердце Иова. «Рука моя — язва! Рука моя — язва!» Корчится жертва, умоляет простить, хрипит, цепенеет в конвульсиях, застывает...

(«Велико дело мое — и все же давит меня тяжесть твоя, Иов! Истолок меня твой камень, плоть и кость мои истолок он. Свалился я, умираю, сынок...»)

Вот подходит поезд, гудит... Не уезжай, сначала оживи меня, а потом ступай с богом...»)

Да, в самом деле гудит поезд. В предрассветных сумерках летит пассажирский. Медленно поднимается Иов; встает в воротах склада. Там, на востоке, рассвет уже подрезал край небосвода. На горизонте в прореху облаков пробился первый, жидкий луч солнца. Начинается утро. Вдали, на единственном освещенном участке платформы лицом к востоку стоят несколько гассакиров.

Скоро и Иов перейдет пути, обождет на другой стороне... Остановится пассажирский. Иов подкрадется, заберется на подножку, скрючится. Тронется поезд, и Иов увезет с собой этот темный полустанок, это небо, эту землю, эту ночь...

НЕ УСПЕЛИ подъехать, как девушка заметила парней и догадалась, что они пьяны — перестали хохотать и устали на нее.

К конечной остановке троллейбус подошел почти пустой. Он обогнул площадь и повернул обратно. Не поднялся ни один человек.

Х Л Е Б

«Примите и вкусите, сие есть плоть моя».

От Матфея, гл. 26

под мышку, прихватил локтем, поднес к глазам запястье и, как близорукий, уткнулся в часы.

— Девушка!

Мужчина одернул руку и обернулся — парни сгрудились неподалеку, привалившись к поручням перед освещенной

витриной. Один из них что-то проговорил, щелчком выбросил скурок, толчком оторвался от перил и направился к троллейбусу. За спиной его взорвался хохот:

— Иди, не трусь!

— Мы тут!

— Смотри, чтоб зайцы не загрызли!

Парень остановился, повернулся, отмахнулся, передернув плечами — будет, мол, чего разыгрались!

Девушка нерешительно сошла на тротуар и остановилась подле мужчины.

— Мда-а! — протянул он, окинул девушку взглядом и снова поглядел на парня.

Засунув руки в карманы, тот вразвалку шел к ним, не сводя с девушки глаз. Из расстегнутой рубашки выпирала мощная грудь. Пошатнулся, остановился, расставил ноги и удержался. Мужчина почувствовал, как с робкой надеждой коснулось его плечо девушки. Он опустил руку в карман, многозначительно нащупал что-то, но едва парень сбился с шагу и набычился, как быстро вытащил ее обратно вместе с пачкой папирос, отвернулся от девушки, искоса следя за двумя четкими тенями на стене — одна, поверху, была тенью парня, вторая пониже, его и девушки слившись — ссутулась, словно в мороз или защищаясь от ветра, чиркнул спичкой и прикурил, не переставая следить за тенями... Тень парня, смахивавшая на большого хищного паука, вдруг дрогнула и поползла... Мужчина опрометью поднес запястье к глазам, с фальшивой озабоченностью постучал пальцем по циферблату, развернулся и зашагал прочь деловым шагом.

— То-то! — парень вытащил руки и нагло ухмыльнулся.

Компания у витрины взвыла и заулюлюкала.

«Вернуться?» — подумала девушка, но тут же почувствовала, как у ее плеча поплыли широкие освещенные окна троллейбуса, и безнадежно распахнулось сквозное пространство площади. Щелкнули контакты, с мягким стуком захлопнулись пневматические двери. Девушка прижала к груди портфель и испуганно посмотрела на парня.

— Чего боишься? —дохнул тот водочным перегаром. — Я думал, он к тебе подбивается, куряга этот... С тобой был?

Вокруг, кроме них, не было ни души. В домах среди спящих окон там и тут виднелся свет. Четкие, неподвижные тени густых акаций лежали на асфальте. Пронеслась легковая машина, мазанув по стоящим у витрины парням ярким лучом фар, и, визжа тормозами, скрылась в переулке. Девушка поняла, что надеяться не на кого, и неожиданно успокоилась.

— Нет, — сказала она, — он сам по себе...

— Правда? Не с тобой?

— Даже не знаю, кто он...

— Слава богу, — парень закурил, — а то шьется..., старый хрыч... Глядеть тошно.

— Спасибо! — девушка выдавила улыбку, скованно отошла от него, ускорила шаги, но парень сразу нагнал ее и тронул за локоть:

— Одну не пущу... Ночь, всякие...

Девушка не ответила, только пошла быстрее. Проходя мимо парней, она отвела взгляд, но успела увидеть, как в стеклянной глубине витрины вспыхнули на мгновение две искорки — замок портфеля и сигарета парня, уставилась под ноги, и, не поднимая головы, продолжала путь. Сжав губы, она подавляла учащенное дыхание. Сердце колотилось. Левая половина тела, с трудом сдерживая рвущуюся дрожь, напряженно ожидала нового прикосновения... Она слышала, как парни оторвались от перил и двинулись следом. Некоторое время молчали, как заговорщики, медленно нагоняя ее... Потом осмелели — донеслись сбывки шепота и сдавленные смешки. Эти перешептывания и подозрительное хихиканье оскорбляли ее, будто потные руки забирались под платье. Она решительно остановилась, пропустив преследователей вперед, отступила, заслонилась правым плечом от повернувшегося к ней парня и легко проскользнула мимо.

— Мои друзья, — метнулся за ней парень, — студенты, не думайте... Тут живут... Если хотите, мимо исчезнут...
 — Пусть идут, мне-то что? — девушка остановилась, стараясь не выдавать страха и изо всех сил прикидываясь беззаботной. — Спасибо, мне уже рядом, я и одна дойду... Спасибо!
 — Как можно! Я провожу вас, большое дело... — на нее снова пахнуло водочным перегаром.

Она шла, спустив голову. Перед собой на асфальте она видела тени парней, строем идущих сзади, и старалась не наступать на них ногой... Не глядя вперед, она чувствовала, сколько еще осталось до перекрестка, откуда начиналась ее улица, поднимающаяся в гору, в глубину пригорода. Девушка понимала, что если не избавится от них на перекрестке, то на этой глухой улочке они могут выкинуть с ней все что угодно, — улица была изрыта траншеями, завалена кучами земли, давно взялись проводить канализацию или газопровод, и конца этому не видно. Девушка чувствовала, что не с добром шли за ней этот детина и его присные. Дрожь прошла по телу, она вскинула голову и посмотрела вперед.

Из какого-то двора вышла женщина, тлкнула на них и перебежала на другую сторону улицы. Подавшись вперед, она торопливо постукивала каблучками и махала сумочкой.

Парни засвистели вслед:
 — Постой, киса!
 — Походочкой выхваляешься?!
 — Ауйй!
 — Вы что, с луны свалились? — с деланной строгостью обернулся на них парень. — Людей не видели? А послушать вас, так воспитаннее нет...
 — Извиняемся вам!
 — Шутим мы, разве...
 — Тебе-то что, у тебя все на мази, а нам бедным... Заохотали.
 — Ладно, вы! — парень, видимо, обозлился. — Настоящая шоферня, сукины дети...
 Ребята разом смолкли, только один пробурчал:
 — Ты ведь наш хозяин... Извините, хозяин-джан!

И снова захохотали, завозились, удерживая друг друга — оставим, мол, их, чего в самом деле...

— Разве это люди? — парень взял девушку за плечико. Не обижайтесь... Пойдемте, нечего на них глядеть...

Но девушка отдернула руку. Парень фыркнул, терпение его лопнуло:

— Вот поглядишь, Чипа, если я тебе не утворю! Завтра припрешься в гараж!..

— Кончайте, ну! — один из компании хлопнул в ладоши. — Что вы в конце концов, хватили по стакану и себя забыли и друга!

Они остановились, заспорили втихомолку, выясняя, кто виноват...

Парень топтался на месте, яростно глядя на них, потом ткнулся за девушкой и грубо сказал:

— Бежишь, будто тебя гонят. Провожая, не ем же!

До перекрестка оставалось с десяток шагов. Девушка остановилась, прижав к груди портфель. Перед глазами мелькнул темный переулок, и она решила бежать. Парень шевельнул бровью, загородил дорогу и усмехнулся:

— Значит, не с тобой был?

— О ком вы? — не поняла девушка, готовая расплаться.

— Тот дядя... С которым на троллейбусе приехала...

— Не смейте так! — у девушки вспыхнули щеки. — Отстаньте, мне домой надо! Отойдите от меня!..

— Ладно... я не хотел тебя обидеть. Кому какое дело, с кем ты ходишь и почему, ты свое знаешь. — Он стрельнул взглядом по переулку и, осмелев, с улыбкой обнял ее. — Давай, сделаем так — пойдем ко мне, я один живу, рядом... Ты же не дура, сколько бы ни прыгала, все равно не отпущу, не на такого напала...

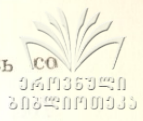
Но тут же отдернул руку — послышался шум машины, на перекрестке посветлело... Вот, дребезжка, вылетел «газик» с темным салоном, с ходу затормозил, присел на асфальте, развернулся и как угорелый помчался обратно. Вокруг сразу потемкло, словно в светильнике упало напряжение.

Девушка бессильно уронила вскинутую руку, толкнула стоящего перед ней парня, собираясь убежать, но тот больно схватил ее запястье и снова преправил путь.

— А это ты видела? — многозначительно повертел он тушым носком тяжелого ботинка. — Сорок пятый номер... Что, не по вкусу?! — он зло хмыкнул и вкрадчиво продолжал: — Ладно, не трясись, не бью же. Чем я хуже того дяди? Портфелем выпендриваешься, я, дескать, ученица... Такая же ты ученица, как и я... С другими гуляешь, а я что, обсевок? Хватит, не доводи меня... Уй... твою мать! — парень невольно отпрянул, схватился за укушенную руку, потрогал горячую от оплеухи щеку...

Девушка уже высочила на перекресток, оглянулась и скрылась в темноте.

— Видали, что позволяет, а? — ошарашенно поднял плечи парень, протягивая приятелям руку. — Разорву стерву!..

Он попытался погнаться за ней, но ребята, качаясь со смеху, схватили его за руки.

- Дурак ты, каждая тебе шлюхой кажется!
- Оставь ее, наверное, с нашего квартала!
- Какое там, с нашего?! Чего она по ночам шляется,

если...

Приостановившись на миг, девушка обернулась — парни заходились с хохоту, свистели, один вырвался, побежал, другие за ним...

Она без передышки пробежала еще метров с пятьдесят... Трепещущее сердце подкатило к гортани, девушка остановилась, заскреблась в чьи-то ворота, ощупью пробуя их. Тяжелые, железные створки не открывались. Она оглянулась в ужасе, припустила дальше, влетела в густую тень шелковицы и без сил припала к стволу. Долго старалась отдышаться, глядя вниз — тишина, погони не видно. Немного отлегло от сердца. Она достала из рукава платок, смахнула слезу, поглядела на запястье, ноющее еще от хватки грубых пальцев, ее перенервничало, она вышла из-под дерева и, пригнувшись, потрусила дальше, поминутно оборачиваясь и вглядываясь в темноту.

Скудный свет со дворов да от уцелевших лампочек на редких столбах едва освещал улицу. Дворы предместья, заборы, железные ворота, лампочки на верандах, скрытые мохнатым виноградом, пущенным по столбам, — все было близким и привычным. Девушка успокоилась, поверив, что никто не преследует ее, и перешла на быстрый шаг, стараясь держаться поближе к заборам. «Еще немного, и я дома, — думала она, — теперь пусть гонятся, пусть ломают себе шею в этих колдобинах».

Отсюда начинался самый развороченный участок. Идти было трудно. Тротуар часто отсекали канавы, прорытые от главного рва ко дворам, с отвалами земли по краям. Девушка шла по тротуару, перепрыгивала через траншеи, карабкалась на земляные валы, возвращалась и снова пробиралась вперед. Один раз остановилась, вгляделась в переулок, ведущий к параллельной улице. — как будто шаги... Прислушалась... Нет, ничего подозрительного не слышно. Пошла дальше, но минутного спокойствия как не бывало, она поняла, что погоня в любой момент может нагрянуть оттуда, с той улицы. Заглядев-шись, она споткнулась о кочку, портфель вылетел из рук, книги и тетради рассыпались по земле. Собирая их, она присела на корточки, напряженным телом пытаясь почуять посторонние шорохи. Вот снова смутно уловила вроде бы чьи-то шаги, но не могла разобрать, так это или нет. Наверное, показалось... Она собрала книги и тетради, застегнула портфель, придерживая его коленом, и побежала дальше. В одном месте, перепрыгнув через траншею, по щиколотку провалилась в рыхлую землю. Встала на одной ноге, сняла туфлю, встрясла... Раздался шелест — земля со щебнем обрушилась в траншею, и уложенные на дне трубы отозвались дробным, пустым звоном... У ней перехватило дыхание, в груди заледенело, она обернулась — там, в темноте, на четвереньках, пыхтя и отдуваясь, вылевал из рва какой-то мужчина... Вот он выпрямился, отряхнулся, замер...

«Догоняют... Мамочки, догоняют!»

Она поняла — бежать бесполезно, это сразу выдаст ее. Тогда за ней помчатся в открытую и легко поймают на этой проклятой дороге. Она не побежала, но суматошно прыгнула вперед, зацепилась за что-то ногой, уперлась портфелем в чужую землю и сумела удержаться.

Перед ней возвышался земляной вал, за ним рукав основной траншеи. Тут была доска, временный мостик — какой-то прохвост уже стащил ее.. Девушка заметалась, ища проход. Справа, у темных ворот закрутилась и распалась стая собак: поджав хвосты, они гуськом прошествовали мимо девушки по земляному валу и стремительно умчались вниз по улице. Она кинулась к воротам, толкнула калитку — открыта, юркнула во двор, захлопнула калитку и, припав к ней, уставилась в щель.

«Повернет... Подумает, что в свой двор зашла. Потом выйду...».

Она прислушалась, но слышала только стук собственного сердца да шум в висках. Вдруг она вспомнила, что забыла запереть калитку, нащупала щеколду, но задвинуть ее не смогла. Она обернулась — в глубине двора, на веранде сверкала лампочка, и яркие лучи, пробившись сквозь листву и грозди винограда, достигали забора.

«Если торкнется, взбегу на лестницу. Сосед... Отставник майор, у него ружье есть...».

Она видела отрезок улицы, расчерченный полосами света, просочившегося между штакетником. Вот-вот появится погоня. Наверное, крадется вдоль забора... Девушка оторвалась от калитки, шагнула было к веранде, но затопталась на месте — ей представилось угрюмое лицо старика-затворника, который даже детей не подпускал близко к своему двору и каждого прохожего провожал подозрительным взглядом... Прокуренные усы, вечная трубка во рту, защитный китель с нагрудными жарманами — все это придавало старику неприглядный облик, служивший темой для пересудов... Кто-то даже убил или отравил его лягавую... Некоторые поговаривали, что он вовсе не майор, что чин у него выше... Но в эту минуту девушка старалась забыть все и вызвать в себе раскаянье за те оставшиеся с детства страх и неприязнь, которые она, вместе со всей ребятней улицы, испытывала к старику.

«Он совсем не такой, — убеждала она себя, — греется на солнышке. Если и смотрит сурово, только потому, чтобы мы не озорничали...»

Но пойти к веранде она все-таки не решилась, повернула назад и снова прислонилась к калитке. И вдруг совсем рядом зашаркали шаги. Она глянула вбок...

В темноте, на краю траншеи стоял мужчина. Волосы торчали из-под кепки, а пятна света и тени на лице придавали ему жуткое, злодейское выражение.

«Ищете! — девушка затаила дыхание и, вцепившись рукой в щеколду, не отрывала от незнакомца испуганных глаз. — Сейчас никто не носит кепку».

Мужчина повернулся, оглядывая наваленную, как баррикада, насыпь, шагнул... Свет от забора скользнул по поясице, осветил обувь, ногу, руку...

«Хлеб!».

Незнакомец держал хлеб. Каравай, как луна, белел вешенным боком. Прохожий стоял на свету. У него была длинная, почти до колен рука и в ней — хлеб.

«У него хлеб», — ей почему-то стало смешно, и она тихонько прыснула... Тепло дрожащей волной разлилось по сведенным от столького напряжения членам. Легкомысленный, резвый смех разбирал ее, она смело распахнула калитку и вышла.

Мужчина отпрянул, резко обернулся, посмотрел на девушку и сконфуженно хмыкнул:

— Ну тебя, чуть не испугала такого дядю!

— И я не могла перейти, — смеялась девушка, — гляжу, доски нет.

— Спер кто-то, — вскипел мужчина, — как все всё по домам тащат, руки бы поотрывать!

Он потоптался на месте, взобрался на отвал, осмотрелся.

— Тут можно... Узко... — сказал он и перепрыгнул на тот край траншеи. Обождал, пока переберется девушка и, не оглядываясь, пошел вперед.

Преодолев последнее препятствие, девушка совсем зареячилась, засмеялась, захлопала в ладоши и, бросив на траншею торжествующий взгляд, догнала мужчину:

— Спасибо!

Потом встала на одну ногу, вытрясла землю из туфли, сняла вторую... Спокойно возилась она с туфлями, иногда поглядывая на уходящего вперед незнакомца.

До дому оставалось совсем ничего, она ускорила шаги, чтобы не очень отставать от попутчика.

А тот, помахивая хлебом, деловито шагал посреди улицы.

Перевод Бахтанга ФЕДОРОВА-ЦИКЛАУРИ

Если он,
как рубашку отца,
Зрелость
примерить хочет,
Нынче
счастлив он без конца,
И без конца
хохочет.
Смех рассыпается
над водой,
Золотом
рассыпается.
Ловит море
смех молодой,
Помолодеть
пытается.
Море само
смеется в ответ
Смехом
старым и юным.
Перебегает
по морю свет,
Перебирает
струны.
Солнце струит
золотистый ток.
К самой
высокой доле
Море мальчика,
как цветок,
Несет
на синей ладони.

Поблекла юность,
как звезда

При свете утра.
Свое, свое берут года,
И это — мудро.

Поскольку рядом дочь
цветет,

Поскольку — любит,
Пускай ее красы полет
Мою погубит.

Пусть даже сердце
поболит,

Пусть чуть поноет.
Оно потом мне повелит
Совсем иное.

И там, где тропки замело,
Где было мглисто,
Там станет ясно и светло,
Светло и чисто.

В дочерней ласковой
судьбе —

Мое горенье.
Природа, кланяюсь тебе
За повторенье!

Перевод с абхазского Светланы КУЗНЕЦОВОЙ

Вместо предисловия

ТРУД «Человек в древне-грузинской действительности и литературе» принадлежит выдающемуся грузинскому историку, академику **Иванэ Джавахишвили (1878—1940)**, фактически поднявшему картвелологию на совершенно новую ступень.

Крупный ученый, он оставил глубокий след почти во всех областях грузинской гуманитарной науки. Значительный вклад внесен им также и в изучение древней грузинской литературы.

Его труды в этой области отличаются широкий кругозор, огромная эрудиция, постановка проблем под совершенно новым углом.

К ряду таких работ относится и «Человек в древнегрузинской действительности и литературе», в котором по собранным автором же материалам сделан обзор по таким вопросам, как «учение о человеке», «социально-этические идеалы человека», «человек как деятель» и по древней грузинской литературе.

Следует отметить, что первый вариант труда был напи-

сан уже к 1918 году, и автор прочитал его в качестве вступительной лекции во время открытия Тбилисского университета. Окончательно же эта работа, как свидетельствуют использованные источники, был завершен в конце двадцатых годов, а издан — лишь в 1956 году.

И. Джавахишвили в основном делает обзор грузинской литературы исторического и духовного характера, относящейся к V — XII векам. Наряду с особенностями литературы этих столетий он при оценке человека, личности выказывает явно демократические и гуманистические тенденции, что, несомненно, характеризовало прогрессивных представителей литературы тех отдаленных эпох.

Как известно, в последнее время при изучении древней и средневековой литературы особое значение приобрело изучение проблем именно под этим углом. В новых и разнообразных аспектах аналогичные вопросы поставлены в замечательном труде академика **Д. С. Лихачева** «Человек в

литературе Древней Руси» (1958).

Редакция полагает, что этот ранний труд Иванэ Джавахишвили, который с некоторыми сокращениями впервые публикуется на русском языке, заинтересует всех тех, кто с типологических позиций исследует вопросы мировой культуры и литературы средневековья.

Перевод на русский язык труда И. Джавахишвили «Человек в древнегрузинской действительности и литературе», помещенный в этом номере «Литературной Грузии», выполнен Владимиром АХВЛЕДИАНИ и снабжен краткими комментариями Саргиса ЦАИШВИЛИ.

Сокровищница
грузинского народа

Иванэ ДЖАВАХИШВИЛИ

ЧЕЛОВЕК В ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЕ

I

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

...Человек считался «соединяющим миры чувственного и разумного». Это свойство уподобляло человека образу бога (Давид Строитель «Песни покаяния». Хроники, II, 104; М. Сабитин «Сад Грузии», 514), и поэтому неудивительно, что духовным качествам и умственным способностям уделялось особое внимание.

Печатается с сокращениями.

Иоанн Сабанисдзе в своем обращении просил слушателей: «С сердцем жаждущим обратите ко мне уши ваши видимые и, более того, уши сознания и сердца вашего, раскройте разум воли для восприятия и примите слова эти мои» («Мученичество Або», 6).

Из этих слов грузинского историка явствует, что, согласно его точке зрения, каждый человек обладает, конечно, «ушами видимыми», или органом слуха, но наряду с этим он имеет также и «уши сердца и разума», которые внешне не видны и, вероятно, поэтому считались невидимыми ушами.

Историк Джуаншера сообщает также, что Вахтанг Горгасал сказал царю синдов: «ты слеп оком разума и глух ухом разума» и поэтому «не видишь, не слышишь и не понимаешь ничего в жизни» («Житие Вахтанга Горгасала», 380 — 381, с. 172). Из слов этого историка видно, что выражение и понятие «ухо сердца» не являлось спецификой воззрений только Иоанна Сабанисдзе и что это выражение было всеобщим для Грузии VIII—XI и, несомненно, последующих веков. Помимо этого, из вышеприведенной цитаты произведения Джуаншера становится очевидным, что если, с одной стороны, бытовало выражение «видимые уши», а с другой — «уши разума», то каждый человек обладал также «оком разума» и в то же время, разумеется, — «видимыми глазами».

Если выражение «курни гулиса» (уши сердца), превратившееся в дальнейшем в «гулискури» (внимание), поясняемое С.-С. Орбелиани как «быстрое восприятие, усвоение учащимся, постижение, быстрое действие» («Словарь»), сохранено в настоящее время как общеупотребительное слово и специальный термин, то «гонебис курни» и «гонебис туални», видимо, уже не употреблялись позже в грузинской литературе: их не внес в свой словарь и прославленный грузинский лексикограф. А эти термины весьма примечательны для выражения важнейших свойств духовной деятельности человека.

Не вызывает сомнения, что возникновение обоих указанных терминов обусловлено теми наблюдениями, которые показывают способности человека не только воспринимать внешние предметы и звуки посредством глаза и уха, но и «представить мысленно» и без воздействия извне очертания предметов и звучания звука почти с такой же ясностью, как и в действительности.

Человек, разумеется, в состоянии вести и немой разговор, в условиях бездействия органов речи, когда разговор осуществляется внутренне, мысленно. У Иоанна Сабанисдзе отмечено, что, когда хотели переманить Або Тбилели и с ним вели в темнице разговор провокаторы, он молчал: «Он не слушал их, а молился и читал псалмы мысленно, беззвучно». Но когда Або надоел их разговор, то он заявил: «Не говорите мне ничего, ибо, как глухой, я ничего не слышал, был я как неслышащий и как немой, не раскрывающий рта, у которого нет слов во рту».

Не утруждайте, мол, себя, все равно не добьетесь ответа («Мученичество Або», 26). Следовательно, существовала речь громкая, гласная, и немая, безгласная, которая, вероятно, называлась языком разума.

Наряду с дефектом органов речи, косноязычием (энабргвнилобаи), при наличии которого человек не в состоянии произносить те или иные звуки, упоминается «косноязычие души» (энабргвнилобаи или сулисаи) (Георгий Хуцесмоназони «Житие Георгия Мтацминдели», 281). И тут имеется в виду дефект мысленного языка. Следовательно, согласно древнегрузинскому учению, человек обладает органами зрения, слуха и речи, а также оком, ухом и языком разума. Разум является лучшим даром и украшением человека, так как разум управляет всей деятельностью человека, «управляет скрытно и незримо» («Житие Иоанна Урхайского», изд. К. Кекелидзе, XV, II, 327). Сам дар речи «порожден разумом», и «слово поясняет только то, что содержится в мыслях» (там же). Когда человек молчит «и пока не родится слово его», до того «никто не ведает, что заложено в сердце ближнего своего» (там же). Если человек хочет высказать свои сокровенные мысли, он должен «привести в движение органы и потоки речи», которые способны выявить мысли разума, «нектар, текущий между устами и языком». Католикос Николоз говорит: «Приведем в движение органы и потоки речи и отныне со щедростью изливайте мысли, рожденные разумом, нектар, текущий между устами и языком» («Требник Светицховели», 118).

Плодотворность человеческого разума, способности и мудрая степенность обычно проявляются в средних годах и в пожилом возрасте, когда человека украшает та «чудесная старость ума», которой и определяется «разумность человека» (Георгий Мерчуле «Житие Григория Хандзтийского», с. 5. § 3).

Но уже у Георгия Мерчуле отмечено, что для разумности человека и его умственных способностей не является основным «множество лет и количество ученных дней», ибо эти свойства человека являются природными и заранее подготовленными (там же). Исходя из этого, «не только многолетние являются мудрецами», но и юноша мог быть одарен разумом настолько, что он превосходил пожилых людей духовной «старостью» и «чудесной старостью ума» (там же). Согласно этому учению были «старые и по возрасту, и по уму» («Памятник монастыря Вахана», Истор. док. Шиомгвимского монастыря, 39). Были и такие, которые лишь по возрасту или же уму считались старыми.

И в ту эпоху прекрасно понимали, что существует свое время для обучения и что человеку в годах трудно получить образование. Можно сказать еще больше, часто «невозможно было обучать людей взрослых и в зрелом возрасте». Поэтому тех, кому хотели дать образование, начинали обучать с детских лет, с возраста, когда, по словам Георгия Хуцесмоназони, «природа ребенка, мягкая и нежная», воспринимает все легко и «так поддается обучению, как воск — печати» («Житие Георгия Мтацминдели», 327).

Руис-Урбинский собор (1103 г.) разрешил использовать чтенцами в церквах восьмилетних детей. Этот факт дает нам возможность предполагать, что в Грузии той эпохи полученное образование давало возможность восьмилетнему ребенку

читать сознательно богослужебные книги. Поскольку для подобного образования требовалась предварительная подготовка, то следует думать, что обучение ребенка, которому хотели дать образование, начинали с 5—6 лет.

Помимо церковного существовало и светское образование, имевшее несколько ступеней. Тогда было принято отдавать детей для получения образования выдающимся наставникам и ученым. Для получения образования отправлялись и в другие страны. В древнегрузинской литературе содержатся весьма интересные данные о состоянии образования, но разговор о них завел бы нас слишком далеко.

К похвальным свойствам в древности относили «остроту ума». Поэтому человек, обладавший быстротой мысли и восприятия, считался «мудрым и умным и наблюдательным» (Георгий Мтацминдели «Житие Иоанна и Евфимия», 521—528). Конечно, для духовного развития человека только эти качества были недостаточны, и если ему недоставало «стремления» и «прилежности», то только остротой ума он вряд ли мог достигнуть чего-либо. Но когда в человеке соединялись эти два качества, тогда все было уверены, что он достигнет больших успехов. Например, Георгий Хуцесмоназони говорит, что Георгий Мтацминдели уже в детстве, будучи «двенадцати лет, соединил в себе всю прилежность и целеустремленность» так, что «благодаря остроте ума и прилежности опередил людей с многолетним опытом, а смысленностью своей превосходил прилежных и трудолюбивых» («Житие Георгия Мтацминдели», 291). Следовательно, «успех» зависит от «трудолюбия» ребенка. При этом условии своей прилежностью в учении он мог превзойти и опередить людей «с многолетним опытом», но среди одинаковых по прилежанию был лучшим тот, кто обладал «остротой ума». Поэтому в то время о возможном будущем ребенка судили именно по этим двум признакам. Тот же историк отмечает: Георгий Мтацминдели уже в детстве подавал надежды видевшим его людям, что «он благодаря остроте ума и прилежанию сразу же даст плоды, как только подрастет» (там же, 287).

Вместе с годами человек рос и умственно: у ребенка и «слово и ум были детскими». Взрослого должна была характеризовать, соответствующая его возрасту, умственная зрелость, как в разговоре, так и в действиях.

Но не все развивались одинаково: у некоторых умственное развитие отставало и даже прекращалось и умственное состояние некоторых полновозрастных людей уподоблялось детскому. Напр.: монах Евфимий Грдзелидзе говорил Состену: «Вот вижу я тебя в зрелом возрасте, но слово и ум твои похожи на детские» (Полемика, «Сад Грузии», 617). Человек мог быть глупым (угунири), и в зрелом возрасте проявить глупость (там же, 619).

«Разумность» также не была присуща всем одинаково: некоторые в достатке были одарены этим качеством и имели репутацию человека «умного», как, напр., это говорится относительно Иоанна Мтацминдели в его биографии: «умный разумом и прилежанием» («Житие Иоанна и Евфимия», 5).

Некоторые были наделены такой степенностью и глубиной мышления, что назывались «мудрецами» (там же и др.), некоторых украшали благородство и непритязательность мыслей, как, напр., Евфимия Мтацминдели, который был «в мыслях правдив и непритязателен» (Георгий Мтацминдели, 53). Некоторые обладали способностью остроты ума и речи, напр., Георгий Мтацминдели, о котором говорится, что «были удивлены патриарх (антиохийский) и епископы остротой ума его, ибо как река неисчерпаемая лилась речь... из уст его» («Житие Георгия Мтацминдели», 316). Некоторые же выставляли себя «высокомерием ума» своего (Католикос Николоз «Требник Светицховели», изд. В. Карбелашвили, 101). Были люди в высшей степени наделенные подобными качествами, они были «совершенные умом, превыше всех людей» («Жамтаагмцерели», 332, с. 677).

Некоторые, конечно, были далеки от совершенства. Как среди разумных и способных, так и в группе людей, более или менее лишенных этих качеств, существовали различные ступени. Об этом имеются сведения как в исторической, так и в художественной литературе. «Матиане Картлिसаи» («Летопись Грузии») и Сумбат Давитисдзе упоминают Баграта II, который более известен в истории по своему прозвищу. У этого последнего автора говорится, что куропалат Сумбат «оставил после себя двух сыновей — Баграта Эриставт-Эристава «неразумного» (регвени), которого грузины посадили на трон, и куропалата Адарнасе» (Три ист. хр-ки, 63 и 581, с. 350 — 351). Это прозвище сохранилось за ним и во время царствования, до смерти, так что Сумбат Давитисдзе в сообщении о его смерти не забывает этого поносительного прозвища и говорит: «Умер Баграт «неразумный» (регвени), царь грузин, сын благословенного куропалата Сумбата» (Три ист. хр-ки, 582, с. 351).

Согласно пояснению С.-С. Орбелиани, «регвени тот, кто лишен мудрости и творит незначительные глупости» («Словарь»).

Относительно последнего царя Кахетии Ахсартана историк Давида Строителя говорит, что у него не было «признаков царственности, ибо был он шептуном (цундруки), шеверным и бессмысленно несправедливым» («История царя Давида», 523, с. 290). По словам С.-С. Орбелиани, «цундруки» означает «шепотом и миганием глаз злословить о ближнем, не смея говорить и вредить ему прямо». С.-С. Орбелиани иллюстрирует правильность своего определения цитатой из псалтыря (40.8). «Обо мне шептали все мои враги, обо мне говорили недоброе». В греческом тексте соответствием этого стоит глагол «пситюридзо», что как раз означает «шептать».

«Словарь» С.-С. Орбелиани показывает, что в древней Грузии должна была существовать определенная классификация понятий, обозначающих слабоумие. Под термином «тижи» (умалишенный, безумный) С.-С. Орбелиани перечисляет одиннадцать видов (в соответствующих терминах) сумасшествия и умственных недостатков. Если отбросить понятия психических заболеваний и рассмотреть только термины умственных недостатков, то к вышеприведенным следует добавить следующую

щие: «глупец» (сулели) — «это человек, который полностью не лишен рассудка, но и полезного не делает ничего». «Желтый» (нагвелиани) — обозначает состояние человека, когда он «порой находится в трезвом уме, а порой теряет рассудок». «Неуравновешенный» (тетери) — обозначает человека, «в котором нет недостатка мудрости, но совершает какие-то безумства». «Безрассудный» (шлеги) — «не является безумным и ни умалишенным, но беспокоеен, постоянно подвергается опасности». И наконец, «идиот» (штери) — «человек с пораженными органами чувств, который не в состоянии делать дела стменно».

Думается, вышесказанное подтверждает, что в древней Грузии были общены весьма важные наблюдения над естественными способностями и умственной деятельностью человека.

Примечательно, что и творческой деятельности разума уделялось столько внимания. Следует отметить, что Георгий Хуцесмозазони умственную деятельность ученого и писателя сравнивает с процессом химико-металлургической работы. О литературной деятельности Георгия Мтацминдели у него сказано, что «он уподобился золотодобытчику искусному, подобно тому, как это писано о химиках, которые со множеством стараний достают из-под земли золото и посредством плавильной печи и огня выявляют блеск его». По мнению биографа, сходство заключалось в том, что у Георгия, увлеченного литературной деятельностью, «ум превратился в плавильную печь для словесного золота, раскаленную огнем духа святого, в плавильню, отделяющую золото от свинца и глины» («Житие Георгия Мтацминдели», 310). И эти качества выдающегося грузинского ученого особенно проявлялись в его переводческой деятельности, когда он старые, ошибочно «переведенные книги, которые были недостаточно хорошо переданы или же в продолжение многих лет покрывались ржавчиной по вине неопытных и несведущих людей, раскалил и перетошил в плавильной печи ума своего». Георгий Мтацминдели, сравнив чужие переводы с оригиналами, «освободил их от всех недостатков, бедности слова и вероломства, украсил их и осветил» (там же, 310).

Следовательно, грузинский историк в умственной работе ученого особое внимание уделял анализу, критическому рассмотрению сложных явлений и на основе этого выявлению истины путем синтеза.

II

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ЧЕЛОВЕКА

Жизненные условия в древности давали человеку гораздо меньше возможностей проявить особенности своей личности. Но, как и теперь, каждый человек и круг людей имели свои идеалы, к достижению которых они стремились. Поэтому мы должны знать как общие черты жизни, так и социально-этиче-

ские идеалы общества того времени. В древности личность человека была ограничена и связана многими обстоятельствами: в первую очередь родовые устои и традиции, далее сословия, «патронимоба» (зависимость между вассалом и сюзереном), религиозные заповеди и законы стесняли свободное проявление человеческой личности и ограничивали ее деятельность. Так было всюду, в прошлом всех народов, так было и в древней Грузии. Поскольку о таких проблемах, каковыми являются родовой и сословный строй, знатность и незнатность происхождения, сословность, зависимость вассала и сюзерена, достаточно много говорится в I и II книгах нашей «Истории грузинского права», то мы считаем излишним подробно говорить здесь о них.

Следует отметить, что наряду с сословной дифференциацией существовали два весьма важных обстоятельства, которые так или иначе ослабляли обособленность, вызванную сословным делением общества. Эти обстоятельства накладывали печать на изменения общественной жизни и даже на положения сословий. Благодаря этому сословность в Грузии не была один раз и навсегда установленной, неизменяемой замкнутой величиной. В связи с этим допускались как «возвеличение», так и «принижение». Сведения об этих явлениях уже имеются для древних периодов истории Грузии. (См. «Историю грузинского права», II).

Из вышеуказанных двух обстоятельств одно носило личный характер и было связано с личным трудом человека и службой. Служба прибавляла достоинства к сословной принадлежности и возвышала ее, делала человека «почетной» и «видной» личностью (там же, II).

Второе обстоятельство имело имущественную, экономическую основу. Тому, кто своей службой и экономическим положением не был в состоянии держаться определенного уровня, одного его сословного происхождения было недостаточно, и его положение на общественном поприще оказывалось соответственно пониженным.

В правовом кодексе Бека сказано: если у какого-либо азнаура (представитель военно-феодальной знати. — В. А.), «с течением времени уменьшалась вотчина и он оказывался без крепости и монастыря», тем более если сокращение вотчины не было кратковременным и распространялось уже на «третье поколение, которое испытывало ущерб» (§ 4), тогда его сословная ценность ничем не отличалась от хорошего и достойного крестьянина (§§ 4, 12). Так было уже при Бека. И в дальнейшем действие этого важнейшего обстоятельства общественной жизни, экономического фактора не ослабевало. Этот фактор беспощадно разрушал барьеры сословной замкнутости и в известном смысле способствовал изменениям и обновлению состава сословий. Это положение отмечено и у Вахтанга VI. Он говорит, что некоторые «сохранили свое высшее сословное положение, некоторые же оказались ущемленными, но некоторые возвысились» (Законы, § 23).

Подобным же образом и в XVI—XVIII вв. личная служба возвышала сословную принадлежность, прибавляла ей достоинство: к сословному достоинству «крови родовой» при-

бавлялось достоинство личной службы, «кровь должностного положения» (Законы Вахтанга VI, §34). Благодаря этому было возможно положение, при котором люди, принадлежавшие к одному и тому же сословию и даже бывшие по происхождению знатнее, могли стоять ниже других членов того же сословия, если эти последние находились на государственной или вассальной службе, а первые были только домашними хозяевами.

Словенную обособленность в Грузии, в определенной мере, ослабляли правила рыцарства и побратимства, поскольку для них решающее значение имели личные качества человека, доблесть, неограниченная любовь и безупречная верность (см. «Историю грузинского права, II и работу Н. Марра «Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Руставы», ТР XII, с. X—XX, его же: «Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Руставы и новая культурно-историческая проблема», Изв. Академии наук, 1917, с. 424—426).

Жители древней Грузии делились на две основные группировки. Основную часть общества составляли «мирские, светские» и меньшую часть — «духовенство» (моцесени). Эти два понятия прямо противоположны друг другу. В Уложении Рунс-Урбнисского собора 1103 г. говорится: «Уведомляем всех, больших и малых; богатых и неимущих... духовенство (моцеста) и «мирских» (Хроники, II, 68). «Моцесе» называли духовных лиц и монахов, поскольку они подчинялись церковным и монастырским правилам (цеси). Эти правила являлись определяющими для всей их жизни и деятельности.

«Светский» человек следовал правилам мирской жизни, как человек, «выросший в битвах» и любитель «воинского ремесла», стремящийся к довольству и богатству. Он всем своим существованием был связан с миром «соблазнов». В переводной литературе грузинский «эрискаци» (мирской, светский человек (соответствует греческим «ланкос» или же «космикос» и славянскому «мирской» (Иоанн Постник «Закон согрешения», 38, 12, 15—19). Мирской человек обычно должен был быть семейным. У него были «домочадцы» — жена и дети («История царя Давида», 510—511, с. 279). Трудно было представить большее несчастье, чем то, когда у мирского человека не было детей и он оставался без потомства. Во-первых, это означало, что никто бы не стал поминать его после смерти, а также никого бы не оставалось, кто мог бы молиться за его душу. Во-вторых, он бы мог оказаться в том плачевном состоянии, в каком очутился гостеприимец Джикур. «Нижого не нашлось, кто бы похоронил его, поскольку не было у него сына» («Жамтаагмцерели», 824, с. 669).

Естественно, что мирской человек стремился обеспечить материально свою семью богатством и обилием необходимого для жизни имущества, чтобы у него было «в избытке плотское богатство». Кто приобретал обширное движимое и недвижимое имущество и добивался имущественного достатка, тот мог заслужить и уважение народа. Но этого было недостаточно, и довольствоваться только этим было нельзя. Если стремление к экономическим благам и обогащению не соединялось

с моральной чистотой и богоугодной жизнью, то, по тогдашним воззрениям, подобная жизнь теряла притягательную силу.

Поэтому, с точки зрения того времени, было бы действительно, если бы светские были украшаемы «сочетанием обеих жизней» и чтобы «они наряду с богоугодной деятельностью обладали в изобилии и плотским богатством» (Георгий Худесмоназони «Житие Георгия Мтацминдели», 228, 30—35), «совершенством в богоугодных деяниях» («Жамтаагмцереги», 905, с. 746). И к тому же было бы лучше, если бы человек заботился не только о своем богатстве и благоденствии близких, но и о вспомоществовании нищим, немощным и больным.

Достойным и честным считался тот мирской человек, который содержал себя плодом труда собственных рук и к тому же помогал и немощим, как, например, родители Серапиона Зарзмели, которые, будучи выходцами из людей, «живущих просто», и «содержали себя трудом и земледелием», также «содержали в богатстве своим трудом нищих и, по мере своих возможностей, оказывали помощь обессиленным» (Бесарион Зарзмели «Житие Серапиона Зарзмели», 4).

В то время имущество, добытое личным трудом, пользовалось, сравнительно с другими источниками обогащения, большой моральной притягательной силой. Эта точка зрения в то время была настолько распространенной и незыблемой, что даже каждый обыкновенный мирской «грешник» старался предназначенное для благотворительности имущество добывать своим личным трудом и честным путем. Этот принцип был настолько укоренен, что и сами цари, например, Давид Строитель и царица Тамар, у которых не было ни времени, ни условий заниматься личным, физическим трудом, все же стремились, чтобы источником их благотворительности были бы не доходы от вотчины или же дары, преподнесенные должностными лицами, а средства, добытые трудом своих рук — охотой на дичь или же выручкой за предметы рукоделия (см.: И. Джавахишвили «История грузинского народа», т. II и «История грузинского права», II, часть 2).

Эта точка зрения возвышала, очищала и делала морально притягательным личный труд. И сама торговля, если она следовала справедливости и честности, не считалась унижительным делом. Историк царицы Тамар повествует, что сама великая царица Грузии продавала изготовленные ею предметы рукоделия и вырученные за них деньги тратила на помощь беднякам (там же). И такой высокопоставленный азнаур и богатый помещик, каким был визирь, казначей Каха, не считал для себя унижительным торговлю. Он об этом говорил сам: будучи в Багдаде, «ходил я и покупал дорогие камни, жемчуг и предметы с позолотой», которые там в то время ценились дешево, потом продал их, и благодаря этому «у меня осталось столько (денег)», что «купил Ховле» и для вспомоществования и поминания души моей пожертвовал монастырю Ркони. И село это куплено за деньги, добытые моим личным трудом, «и ничими деньгами не пользовался я при уплате за него, ни отцовскими, ни материнскими и ни деньгами других» (Рконская грамота 1259 г., Хроники. II, 134).

Для богоугодных дел предпочтение перед деньгами, полученными из вотчины или «собранными с сел», отдавали деньгам, «добытым мечом», если этот «меч» был использован в битвах против «неверных». Так, например, эристав Дагаган Абулетишдзе в своей книге пожертвований Шиомгвимского монастыря говорит: пожертвованное мною с. Ангриани «выкупил я золотом, добытым в Багдаде. Да ведает Бог, «что при покупке этой местности, кроме денег, добытых мной мечом, не платил я ничем иным, ни доходом из вотчины, ни собранным из селений» (Хроники, II, 146). И не тратил я ничего, «кроме крови добытого в Багдаде» (там же, II, 147-8).

Но тогдашние люди прекрасно понимали, что было невозможно в равной мере добывать и соединить «богатство богоугодных деяний» и «плотское богатство». И что одному из этих видов деятельности наносился ущерб. Подобное соединение качеств и деятельности «мирской» и «божественной», конечно, все же не составляло полного совершенства. Оно могло считаться совершенством лишь для обитателей этого «грешного» мира.

Идеальное совершенство человеческой личности было возможно лишь в том случае, если люди, жаждущие достичь его, поселялись в тех местностях, которые «полностью свободны от мирских соблазнов» (Георгий Мерчула «Житие Григория Хандзтийского», с. 24—25). Для человека, мечтавшего достичь личного совершенства и морально-религиозной чистоты, было необходимо, с одной стороны, «отшельничество» и отрешение от этого мира «соблазнов», а с другой — «полная нищета» и «убогость». Он должен был оставить и своих близких, и человеческое общество и избрать себе уделом «одиночество». Вместе с тем он должен был отказаться от своей собственности, поскольку частная собственность считалась причиной всех зол и стяжательства.

Следовательно, тот, кто стремился достичь полного совершенства, должен был иметь искреннее и глубокое «желание к уединению, бедности и удалению от своих друзей» (Георгий Уцесмсазони «Житие Георгия Мтацминдели», 291, 32—34). Он должен был оставить «родителей, братьев и имущество» (Георгий Мтацминдели «Житие Иоанна и Евфимия», 44, 6—7). Короче говоря, он должен был отказаться от всего своего движимого и недвижимого имущества, всего своего состояния и удалиться в пустыню или в монастырь.

Основное положение монастырской жизни заключалось в том, что у монахов не должно было быть частной собственности и ничего для себя лично — «они не должны были ни продавать, ни покупать, ни производить и не иметь никакого дохода». Все должно было быть общим для братии. Даже одежда не могла быть собственной. Евфимий Мтацминдели считал это положение монастырского устава настолько важным и обязательным, что у того, кто осмеливался нарушить его и постарался бы присвоить одежду или что-либо другое, он отбирал присвоенные предметы и со словами, полными порицания, сжигал их в огне (Георгий Мтацминдели, там же, 43): Спасителем нашим «сказано жертвовать души наши для братьев наших, а ты тленные вещи предпочитаешь брату своему» и не стыд-

но тебе это (см.: Георгий Мтацминдели «Житие Иоанна и Евфимия», 44, 18—21; «История грузинского права», II).

По тогдашним воззрениям, «множество грехов» и вообще грешность человека, помимо частной собственности и влещеоблазнов сего мира, была обусловлена также устремлениями и волей человека. Ошибочное действие, являющееся результатом сознательной преднамеренности, считалось грехом.

Конечно, было лучше, когда человек был «безгрешным не только в делах, но и в мыслях и словах» (Георгий Мерчуле, с. 4). Но лишь тогда, когда его «желание» и «стремление» становились оформленными и превращались в «решение», а «веление сердца» и «решение» оказывались настолько сильными, что осуществление их становилось безудержной потребностью и к «велению сердца» добавлялась «воля сердца», тогда действие человека становилось сознательным и продиктованным волей.

Если подобным действием наносился ущерб кому-либо или нарушалась религиозная заповедь, человек считал себя грешным и ответственным как перед религией, так и перед законом. Человек должен был ожидать возмездия за свои поступки и в этой жизни и на том свете. Тяжелое бремя грехов делало не только сомнительной надежду на благословение на том свете, но могло и полностью погубить его. А в то время идеалом каждого христианина являлось «спасение души». Поэтому его забота заключалась в спасении от вечной кары и ада.

Конечно, определенным средством для достижения этой цели считалось раскаяние в совершенных грехах, но, конечно, было гораздо лучше, если человек не грешил, освобождая себя тем самым от необходимости раскаяния.

Поскольку основное значение для действия человека имели сознательность и воля, то правильное руководство ими могло оградить его от греха; в то время все обычные люди считали себя грешниками. Можно даже сказать больше — ни один мирской человек не считал себя безгрешным. Поэтому, по тогдашним убеждениям, человек мог избавить себя от греховных поступков лишь под особым руководством. Только наставление и постоянное внимание пастыря могли поставить его на правильный и безгрешный путь.

Это убеждение было настолько сильным, что и монахи, будучи в монастыре, стремились сделать своим руководителем какого-либо выдающегося деятеля. По словам Георгия Хуцесмоназони, сам Георгий Мтацминдели по вступлении в монастырь «прежде всего начал искать руководителя и духовного пастыря, поскольку он знал, что без пастыря не может быть спасения души и успеха в монашестве, и нашел... святого монаха, уединенного в келье, чистою как горлица и невинного как голубь» («Житие Георгия Мтацминдели», 293).

Если такое лицо, каким был Георгий Мтацминдели, в начале своей деятельности не имел надежды на спасение души без пастыря, то тем более мирской человек не смел надеяться на это. Это чувство беспомощности и ожидаемой гибели из-за грехов, конечно, было гораздо сильнее среди пожилых людей.

Поскольку причиной греховности человека считалась собственная воля, то во избежание грехов единственным способом было «обуздание воли своей».

Тот, кто хотел оградить себя от своих же греховных поступков, должен был отрешиться от своей воли и свои поступки должен был полностью подчинить воле наставника и пастыря. Тогда ответственным за его поступки был не он сам, а наставник.

Хотя, согласно современной точке зрения, это положение производит странное впечатление, но в то время оно являлось неизбежной установкой. Она разделялась выдающимися политическими деятелями, и даже цари руководствовались в своей жизни ею. Думается, что для подтверждения вышесказанного достаточно будет привести несколько ярких примеров из исторических памятников.

У Георгия Мтацминдели отмечено, что известный в истории Грузии и Византии полководец Торнике Эристави, принявший монашеский сан в Афонском грузинском монастыре, говорил Иоанну Мтацминдели: «Отец, сам знаешь, что я грешник великий и смерть моя близка. Нет у меня необходимой святости вашей и поэтому отдаю себя и волю свою после Христа тебе, и как пожелаешь, спаси душу мою» («Житие Иоанна и Евфимия», 15, 6—10). Отыскать более характерное высказывание трудно: каждое слово его выражает то своеобразное чувство и убеждение, которыми были пропитаны даже такие, обладающие огромной волей, государственные деятели, каким был Торнике Эристави. Каждый из них верил, что «источником всех добродетелей является покорность духовным отцам и отрешение от воли своей» (там же, 14, 20—22).

Чувство покаяния в грехах и страх перед совершением новых доводили некоторых до крайности. Они теряли всякое желание самостоятельной деятельности в ожидании повелений пастыря. Как явствует из слов Георгия Мтацминдели, до подобной крайности дошел и Торнике Эристави: «И подобный известный и выдающийся человек полностью отрешился от воли своей и полностью вошел в подчинение его. Он проявил такое усердие, что, если было возможно, без его повеления он не пробовал ни воды и не произносил ни единого слова. Не было у него и гроша. И всем этим распоряжался отец Иоанн и все это давал он ему» («Житие Иоанна и Евфимия», 14 11—17).

Подобное направление мыслей было распространено не только среди тех, кто оставлял мирскую жизнь и государственную деятельность и поступал в монастырь, но и среди самих светских людей, среди известных политических деятелей. Георгий Худесмоназони, например, рассказывает что известные в истории Грузии и Византии «Перис (сын Джоджики) и супруга его решили... отыскать духовное лицо для наставления их душ к добру и удержания их от незакония и чтобы он пребывал постоянно с ними... с этой целью... они взяли к себе Георгия Мцерели и все дела свои духовные и плотские подчинили ему» («Житие Георгия Мтацминдели», 290, 23—29).

Подобное убеждение основывалось на том, что некоторые лица, обладающие особой святостью, могли указывать безоши-

бочный жизненный путь и другим и что не только они, но и обыкновенные смертные были в состоянии брать на себя чужие грехи и освобождать повинных и грешных от ответственности на том свете. Для подтверждения наличия этого убеждения достаточно вспомнить два характерных случая из истории Грузии.

Когда царица, мать малолетних царевичей Василия и Константина, оказалась в критическом положении в результате восстания Барды Склира против Византийского правительства, она попросила принявшего монашество Торнике Эристави отправиться в Грузию к Давиду Куропалату и попросить у него вспомогательные войска. Торнике из-за монашества считал грехом вновь вмешиваться в военные дела и отказывался принять на себя это поручение. Он даже не хотел отправляться с Афона для переговоров с царицей. Тогда с целью добиться его согласия «всю вину», вызванную нарушением монашеского обета, «взяли на себя отец Афанасий и отец Иоанн». И этой мерой они с трудом убедили Торнике отправиться во дворец к византийскому кесарю («Житие Иоанна и Евфимия», 10).

Когда Торнике Эристави, во время переговоров с царицей в Константинополе, начал говорить о трудностях выполнения данного ему поручения, царица заявила ему: ты только выполни это поручение, «а всю вину пусть взыщет бог с нас» (там же, II).

Царь Дмитрий II, именуемый Самопожертвователем, согласно монгольским правилам, привел себе трех жен и тем самым, по христианским обычаям, совершил великий грех. Из-за этого церковные круги и верующие были обижены на царя и считали его грешником. Но когда об участии Дмитрия в заговоре донесли монгольскому хакану и тот вызвал его в орду, Дмитрий не захотел укрыться в горах ради своего спасения, будучи уверенным, что это нанесет ущерб невинному грузинскому народу. В восторге от подобного самопожертвования царя духовенство заявило ему: «Если ты отдашь жизнь свою за народ, то мы, все епископы, примем на себя тяжесть грехов твоих» («Жамтаагмцерели», 897, с. 738).

Отрицательное отношение к мгновенному и «обольщающему» миру сему, желание покинуть его, удалиться и «отрешиться от воли своей» были настолько сильными в то время, что подобное желание возникало у таких деятельных политиков и обладателей непреклонной воли, какими были грузинские венценосцы Давид Строитель, Дмитрий I и Александр I. Эти двое последние успели осуществить свои намерения и конец жизни провели в монастыре: Дмитрий I «облачился в рясу и схиму» (см. «Историю грузинского народа», II, 549). Александр I также принял монашеский сан (там же, кн. IV). Давид Строитель хотя и не успел осуществить своего желания, но, как явствует из его же слов, подобное намерение у него было. В своем завещании царь говорит: «Богу и мне и паству моему с двухлетнего возраста известно», что хотел я оставить царство, посадить царем сына моего Дмитрия и отрешиться от мгновенного этого мира, но этого не смог я достичь, «не смог я оставить мгновенный мир сей, пока не оставил меня он сам» (Хроника, II, 51).

ЧЕЛОВЕК КАК ДЕЯТЕЛЬ

Деятельность каждого человека выражается делом и словом. Результаты его деятельности зависят, с одной стороны, от его действий, а с другой — от обстоятельств, в которых ему приходится действовать. Каждая из этих сторон обозначалась соответствующими терминами и выражениями. Знание этих терминов и выражений дает нам возможность предусмотреть бытующие в то время воззрения.

Поскольку человеку присуща способность словесного выражения мыслей и чаяний, постольку при оценке достоинств человека весьма важное значение придавалось свойствам его речи: был ли человек «речистым», удавался ли ему разговор, был ли он «находчивым в слове», мог ли он хорошо вести беседу, пользовался ли «утонченной речью», обладал ли «ораторским даром» (Католикос Николоз «Требник Светицховели», с. 101), производил ли благодаря приятной и чарующей беседе впечатление «искусного словом» человека. Но наряду с этим могло иметь место и обратное явление, человек мог быть в определенной мере лишен этого дара. Он мог затрудняться в разговоре, быть «тяжелым на слово», а также «косноязычным». От этих свойств во многом зависела влияние человека.

По словам Жамтаагмцереги, Давид, сын Русудан, был например, «искусным в слове и речистым» (811, с. 654). Известный в то время деятель Садун Манкабердели также был «человеком умным, с изысканной речью и находчивым в слове» (там же, 839, с. 684). Этот последний обладал особым даром. Он мог украсить чужие малоискусные речи при переводе на монгольский язык. Так, напр., когда Садуну пришлось переводить монгольскому хакану слово Давида, сына Лаша-Георгия, не обладавшего даром красноречия, он «украшал сказанное царем» и «говорил изысканно» (там же, 840, с. 685). А царь Давид, сын Лаша-Георгия, был немного «тяжел на слово» («Жамтаагмцереги», 840, с. 685).

Речь была различной и по содержанию: одни были степенными собеседниками, умели вести умный и содержательный разговор: «Язык их был свободен от дурного слова» (Георгий Мерчуле «Житие Григория Хандзтийского», с. 1), некоторых же, наоборот, характеризовало «дурное слово», «слово гнилое», «пустословие» («Памятник монастыря Вахана», Исторические документы Шиомгвимского монастыря, 40) и красноречие, чем и заслуживали название «языка-машины».

В памятнике XI века — «Полемика монаха Евфимия Грдзелидзе с Состеном, пастырем армянским» о Состене говорится, что он был человеком «языком-машиной», но весьма сведущим в писаниях и в вероучении» (М. Сабинин «Сад Грузин», 615).

Раньше знали цену словам, и поэтому соблюдение меры в беседе считалось большим достоинством и показателем вос-

питанности. Умный человек всегда хорошо помнил приведенное Г. Мерчуле положение Соломона из Святого писания: «Мудрые речи — серебро чистое, но молчание — золото драгоценное».

И поэтому у того же историка сказано: «Противоположным благоговением у мудрецов наука о мудрости». Но тем, у кого не доставало мудрости, подобало «молча слушать мудрецов» («Житие Григория Хандзтийского», с. 1, 2—7). По сообщению Георгия Мерчуле, Григорий Хандзтийский был сдержанным и умеренным в разговоре: «слово его было разбавлено солью благодати. Когда он говорил, раскрывал уста как мудрец и ограничивал правилами язык свой» (там же, с. 3, 49—50). Следовательно, по тогдашним правилам многословие не считалось достоинством умного человека. Наоборот, похвалу заслуживало мудрое «немногословие» («Жамтаатмцерели», 731, с. 549). Беспредметный, хотя бы даже красноречивый разговор считали «пустозвонством» («Памятник монастыря Вахана». Исторические документы Шиомгвимского монастыря, 40) и поэтам относили к дурным свойствам человека. Тем более никакой цены не имел человек — «язык-машина», который только и умел говорить. Одним словом, существовали определенные «правила» беседы, которые следовало соблюдать умному собеседнику. Каждый умный и воспитанный человек должен был доказать свою степень «искусством мудрости речи» (Католикос Николоз «Требник Светицховели», 101).

По сообщению Георгия Мтацминдели, Евфимий Мтацминдели был чрезвычайно сдержанным человеком и даже в возмутительных случаях не повышал голоса и даже с провинившимися монахами говорил «ласковыми и добрыми словами» («Житие Иоанна и Евфимия», 38).

Но это, конечно, не значит, что в древней Грузии умели только ласково и приятно говорить. Сдержанная в обычной и спокойной обстановке, Феврония при обличении Ашота Куропалата могла стать и «резкой» на слово (Георгий Мерчуле «Житие Григория Хандзтийского», с. 58).

Если подобный бурный разговор мог иметь место между царем и настоятельницей женского монастыря, то, конечно, неудивительно, что главнокомандующий грузинским войском резко осуждал начальника разведывательного отряда за нарушение воинских правил. По сообщению историка, главнокомандующий «сказал грозные слова» своему подчиненному военачальнику, поддавшемуся увлечению и вступившему в бой «без выяснения обстановки» («История и восхваление венценосцев...», 713, с. 519), хотя тот и вышел победителем из схватки.

Но и тогда прекрасно понимали, что было гораздо легче добиться согласия человека в чем-либо, польстить ему и «завоевать» его ласковыми словами, чем строгим разговором, когда говорящий пользовался «резкими словами». Это обстоятельство должны были иметь в виду особенно при разговоре или полемике с женщиной, поскольку «природа женщины тесна». Яков Хуцеси рассказывает, как старался посланец картлийского патиахша Варскена успокоить супругу Варскена после того, как ее муж принял зороастризм, с какими причитаниями и сочувствием начал он разговор с Шушаник. Историк отмечает, что подобное его поведение было обусловлено

«советом Варскена и говорил он вероломно все это и тем самым хотел «завоевать доверие ее, блаженной». Но когда посланец не добился от нее ничего, то он предупредил картлийского питиахша и посоветовал ему: «Не говори ей ничего другого, поскольку природа женщины тесна» («Мученичество Шушаник», изд. С. Горгадзе 4, 25—5).

Конечно, степень влияния говорящего во многом была обусловлена свойствами ума и воли слушающих. Следует иметь в виду, что некоторые люди были по-детски «невинные» и обладали «простой», несложной натурой. Они, по своей наивности, легко верили всему. Жамтаагмцерели говорит о сыне Лаца-Георгия—Давиде: «Царь Давид был наивен и по своей наивности верил всем» (824, с. 669), «был царь по природе простым и легко верившим» (846, с. 692), «поверил царь, поскольку был он невинным и легко верил словам и добрым и злым» (842, с. 687).

Разумеется, чистосердечность и невинность человека не всегда являются показателем неразумности, часто эти качества отражают лишь незлобивую и честную натуру человека. Не умом, а только «сердцем наивный» (Георгий Мерчуле, 12). Потому выражение «человек правдивый и невинный» употреблялось для характеристики уважаемого и степенного человека, таким, например, был дядя Георгия Мтацминдели, монах Хакхульского монастыря Саба (Георгий Хуцесмоназони, 288). Человек, который сам был честен и других считал честными и относился к ним чистосердечно.

Некоторые, наоборот, были скептиками и неверующими, уверить которых было не так просто. Подобные люди не верили ни во что, пока сами не проверяли достоверность сказанного. Таким был царь Баграт IV, который, по словам Г. Хуцесмоназони, прослышав про какое-то чудодействие, прямо заявил: «Пока не увижу своими глазами, не верю» («Житие Георгия Мтацминдели», 304). Такой человек обладал «умом недоверчивым» (Католикос Николоз «Требник Светицховели», 117).

Человек мог быть добрым по природе. «обладал незлобивой и доброй природой» («Жамтаагмцерели», 847, с. 693), «был милосердным» («Житие Григория Хандзтийского», с. 3). Некоторые люди, наоборот, были злыми — «с естеством зверя»...

Георгий Хуцесмоназони говорит, что чувство жалости было естественным свойством человека изначально. «Известно всем, что милосердие свойственно человеку по природе («Житие Георгия Мтацминдели», 303), но благодаря первородному греху человека, «преступившего (божественную) заповедь, естественный закон тот и сходство с богом разделились». В результате подобного раздвоения человеческой природы не только «милосердие» — изначальное свойство человека, «но и все добродетели были заменены многими злом, и лишь немногие остались верными им» (там же).

Но, несмотря на изменение милосердной и добродетельной природы человека, для лица, сознательно исповедующего учение Христа, добродетель должна была быть основной заповедью. Но, по убеждению Георгия Хуцесмоназони и

его замечательного пастыря Георгия Мтацминдели, человек не должен был довольствоваться только человеколюбием. Этого свойства было уже недостаточно — чувство и сознание должны были быть глубже. Человек должен был осознавать «милосердие, подобное божественному, заключается не только в том, что он проявляет милосердие по отношению к созданиям, одинаковым с ним по природе, но он должен проявить жалость и по отношению к бессловесным тварям» (там же, 303).

Еще в произведении Иоанна Сабанидзе имеется сообщение о наличии понимания отцовских свойств. Этот автор отмечает, что, несмотря на тяжелое бремя арабского господства и гонения, грузины, «согласно отцовским обычаям, терпя беду, не оставляют христианства» («Мученичество Або», 8), т. е., согласно обычаям предков, стойко переносят тяготы, гонения и не принимают ислама. Следовательно, стойкость в беде и считается свойством предков.

Относительно наследственных свойств и склонностей человека вполне ясно говорит историк Давида Строителя, который считает, что исправить эти наклонности порой даже невозможно. По его словам, эмир Липарит «начал идти по стопам своих отцов» и стал изменять Давиду Строителю, поскольку «измена и ненависть к патриархам были у него в роду». По заявлению того же автора, царь после годичного испытания убедился, что исправить Липарита было так же невозможно, как «расправить собачий хвост и заставить ходить рака правильно» («История царя Давида», 521—522, с. 288—289).

Мнение о наличии наследственных свойств в грузинской исторической литературе XII—XIV вв. вполне прочно. Жамтаагмцерели, например, говорит, что когда царь простил измену Кахаберу, эриставу Рачи, то тот «пождал некоторое время, но потом «стал следовать по отцовским стопам» и снова начал изменять, поскольку «в раду была у него измена» (877 с. 721).

У католикоса Николоза в его интересном сочинении, написанном в середине XII в., сформулировано положение о традиционных общенародных характерных чертах. Он доказывает, что каждому человеку свойственны свои наклонности, способности и особенности, которые «уже подобным же образом проявляются и в народе, поскольку некоторые народы» «по своим свойствам таковы, а другие являются иными». Подобные общенародные свойства, «такая природа изначально», присущи народам («Требник Светицховели», 101).

Для выдающегося человека обычной разумности, конечно, было недостаточно, тем более если он был государственным деятелем. Такому человеку требовалась «широта ума». Это свойство давало ему возможность строить обширные планы и делало его дальновидным. О Давиде Строителе историк говорит, что он свой план «построил благодаря широте ума» («История царя Давида», 534, с. 300). Но наряду с обширностью ума и широтой взгляда, конечно, требовалась и глубина мышления, человек должен был «вникнуть глубже» («Жамтаагмцерели», 818, с. 663) в суть дела.

Каждое должностное лицо или деятель имели свои обязанности и свое дело. Дела подразделялись по своей принадлежности на две части. Одну часть составляли «мирские дела» (Георгий Мтацминдели «Житие Иоанна и Евфимия», 16), другую — церковные или духовные. Помимо этого общего деления, были «дела царские», т. е. государственные, «дела судьи», т. е. судебные, «дела монастырские», касающиеся монастырской братии или каких-либо хозяйственных вопросов (там же). Наконец, по значению были «дела большие» и «дела мелкие» (Г. Мтацминдели «Житие Иоанна и Евфимия», 41—42).

Плодотворность деятельности любого должностного лица, в первую очередь, зависит от его способностей, знаний и подготовки. Он должен был быть «обладателем способностей» и «знающим нужды» (историк царицы Тамар), должен был соответственно знать свои обязанности, «обладать знанием» чуждого дела («Житие Иоанна и Евфимия», 41), так как человек «без дара государственного ума» (Жамтаагмцереги) если не портил бы дело, то, во всяком случае, и делать ничего не мог.

Обширность деятельности любого деятеля измерялась «решением», «решительностью» при осуществлении задуманного и, наконец, — «самим делом», результатом («История царя Давида» 536, с. 164). Если характер задуманного дела зависел от способностей человека, то «решительность» и «дело» определялись волей. Для осуществления плана только решения было недостаточно; не исключалось, что план был задуман прекрасно, с «широтой ума», но на деле не получилось бы ничего, поскольку для претворения больших планов требовались большая энергия и воля. Необходимо было наличие «горячести души», неустанный «движение и стремление души», позволявшие деятелю преодолеть любые трудности.

Деятель должен быть щедро одарен теми свойствами, которым так дивился Гарбанели, видя пришедшего в дебри и чащобы для подвижничества Сераписона Зарзмели. По словам Э. Зарзмели, пораженный Гарбанели спрашивал своих спутников, «что эта за горячесть душ ваших, заставившая вас решиться идти по этим жестким и нехоженным дорогам» («Житие Сераписона Зарзмели», 20). К тому же задуманное дело должно увлечь человека как страсть, как охота. Это дело, по словам историка Давида Строителя, должно полностью «подчинить себе приступившего (к его исполнению) и завладеть им» («История царя Давида», 548, с. 315). Давид Строитель умел работать именно с таким увлечением.

Читая книги, особенно исторические, в которых, по словам его историка, он искал необходимые мысли для построения планов и решения современных ему проблем (там же, 550 — 551, с. 318), он настолько увлекался их содержанием и рассуждениями, что забывал все остальное на свете: «Так он увлекся чтением и так завладело оно его умом, что полностью забыл предстоящее дело» (там же, 550, с. 317).

Но историк Давида Строителя уже понимал, что человек не всеслен и что даже самый великий венценосец не в состоянии осуществить все даже глубоко и талантливо задуманные им планы, если страна и народ не готовы для претво-

рения этих планов, если для воплощения его возвышения мыслей не существует соответствующих условий.

У государственного деятеля, тем более у царя, должны быть подходящие «последователи». И лишь в том случае, если они «были удовлетворены... как соучастники стремлений его» («История царя Давида», 533, с. 300), можно было достичь цели.

По словам историка, Давид Строитель личным талантом и обширностью планов был ничем не менее Александра Македонского, и если результаты его деятельности не оказались столь большими, какими были результаты у Александра Македонского, то это объяснялось положением тогдашней Грузии. В тех же условиях «только войском грузинским и Александр не смог бы сделать лучшего». И если Давид Строитель «владел бы царством персов или мощью греков и римлян, или же других больших царств, т. е. обширным полем действия для своей государственной деятельности, и большой военной мощью, необходимыми для претворения в жизнь задуманных им обширных планов, «тогда бы увидели вы деяния его» (см. мою книгу «Цели, источники и методы истории», I, историк Давида Строителя).

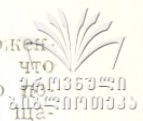
Деятелей, согласно их заслугам перед народом, современники украшали почетными названиями и присваивали им различные эпитеты. Например, перед именем деятеля с большим авторитетом ставили слово «великий»: Великий Арсен, Великий Ефрем, Великий Илларион и др. или же называли «наставником», «наставником святым» (Г. Мерчуле, с. 29), «наставник и просветитель страны нашей» (Г. Хуцесмоназони, 289), «звезда светящаяся» (Г. Мерчуле, с. 45), «венец неувядаемый» (там же, с. 22, 53), «великое светило народа нашего» (Г. Хуцесмоназони, 293), «светило» (там же, с. 289), «украшение народа нашего» (Г. Мтацминдели, 4).

Выдающегося по уму, образованного и ученого человека помимо «наставника» называли «источником мудрости» (Г. Хуцесмоназони, 294), «образованный», «весьма сведущий» (Г. Мтацминдели, с. 33, 57), «ученый».

Лучший писатель и сочинитель мог называться «причисленным к руководителям толкователей и писателей» (Эфрем Мшире, Хроники, II, 41).

Выдающийся политический и вообще государственный деятель назывался «именитым» (Г. Мтацминдели, 46 и далее). Принадлежность к одному направлению обозначалась термином «медасеоба» (принадлежность, членство партии, группировки) (Г. Мерчуле, с. 5).

Членов политической группировки Кутлу-Арслана, современника царицы Тамар, историк называет «связанными между собой клятвой» (танашепицулни) и «соучастниками его направления», а самого Кутлу-Арслана — «главой деятелей» («История и восхваление венценосцев...», 629—630, с. 407). Тот, кто руководил борьбой в сфере церковных или других дел, назывался «передовым воителем» (динамебрдзоли) (Эфрем Мшире, Хроники, II, 41), лицо же, оказывающее влияние на государственные дела, считалось «соучастником (власти)» (мотаули).

Конечно, народ не оставлял без внимания самоотверженный поступок политического деятеля, когда тот считал, что для спасения кого-либо или целого народа «необходимо жертвовать собой» («Жамтаагмцереги», 896, с. 737) и не щадил своей жизни. И потому, когда Дмитрий II, руководствуясь высшими интересами народа, «сложил голову свою за народ свой, то народ назвал его Дмитрием Самопожертвователем и «мучеником за Грузию» (там же, 901, с. 74).

Как всегда, так и в то время, люди, стоявшие гораздо выше других и опережавшие в развитии свое время, бывали недовольными современным ему обществом и эпохой и остро переживали свое недовольство. Отражение этих настроений мы встречаем в древнегрузинской исторической литературе. Правда, такими сведениями мы еще не располагаем в большом количестве, но именно те два-три сообщения, которые имеются у нас, становятся особенно ценными. Недовольство выражали и Иоанн и Георгий Мтацминдели, и, безусловно, многие другие.

Иоанн Мтацминдели, покинув мирские дела, уехал в Византию для спокойной монастырской жизни. Он вместе с Торнике Эристави основал грузинский монастырь на горе Афон. За короткое время тут собралось множество грузинских монахов, и, таким образом, и тут, в чужой стране, образовалась маленькая Грузия со всеми ее тогдашними свойствами. Это многочисленное неспокойное грузинское общество, которого избегал Иоанн, собралось и на Афонской горе. Иоанн, оказываясь, сетовал: я, «несчастный, был светским человеком в миру, соучастником всех грехов и пожелал уйти на чужбину, чтобы тем самым благословить душу мою и жить в убожестве». Но приход Торнике и других выдающихся грузинских деятелей полностью разрушил все планы Иоанна Мтацминдели: «Как случилось это, не знаю», но, когда «пришел родственник мой Торнике», с тех пор «благодаря ему оказался я в больших неприятностях, волнении и смятении» («Житие Иоанна и Евфимия», 20).

По пришествии Торнике, благодаря его воинской славе, Афонский монастырь затопила волна бурной жизни тогдашней Грузии со всеми ее положительными и отрицательными чертами. Как человек воспитанный и выпестованный в воинских делах, Торнике «любил беседовать с этими людьми» (там же, 15). Воспоминания Торнике о прошедших событиях увлекали грузинских монахов, которые с неиссякаемым вниманием слушали его рассказ. Люди «высокопоставленные и честные, бывшие в то время там, входили к нему и беседовали» о прошедших военных событиях Грузии (там же). Молодые монахи, любопытство которых также было сильно возбуждено этими рассказами, горячо обсуждали их и вели между собой споры. В сбители всех схватили страсти, возникли «разлад» и «смятение».

Иоанн Мтацминдели и «раньше не любил разлад и смятение» (там же, 19). Поэтому он и оставил свою родину и ушел для деятельности в чужую страну. Пока Торнике был жив, из-за уважения и любви к нему все терпели это положение, но «после смерти Торнике решил он... взять сына своего и нескольких учеников и бежать в Испанию» (там же, 19).

Мысль о бегстве и переселении в Испанию пришла в голову Иоанну Мтацминдели потому, что «слышал он, что немалое число грузинского народа обитает там» (там же, 19). Для осуществления своего замысла «отбыл он в Авидос, чтобы нанять там корабль, следующий в сторону Испании, и ушел туда (в Авидос)» (там же, 19). Он думал, что живущие в Испании иберы, которых Иоанн считал грузинами, лучше его собратьев иберов, грузин.

И Георгий Мтацминдели не был доволен положением своего времени и кругом грузинских монахов. Он сетует на «равнодушные» и «малодушные» тогдашних грузин. На этот упрек, видимо, монахи отвечали, что и раньше не было лучше. Они, сказывается, утешали этим и себя и своего обличителя, но в действительности, по словам Георгия Мтацминдели, «они вводили в заблуждение самих себя». Георгий же Мтацминдели доказывал обратное: «И поскольку достигли мы дней этих последних, то, как видите, заметно великое равнодушие между нами», но пусть никто «не думает и не вводит себя в заблуждение, что и раньше таковыми были наши братья». Нет, пока делами Афонского грузинского монастыря управляли Иоанн и Евфимий Мтацминдели и отец с сыном «предводительствовали порученной им паствой», до того все «жили порядочно и божьей деятельностью», а после того, как Евфимий Мтацминдели оставил руководство монастырем, «умножилось среди нас всякое равнодушие и малодушие» (там же, 4—5).

Георгий Мтацминдели жаловался и «на нетвердость характера грузин, и на их непоседливость». Он даже говорит об этом в своем историческом произведении: «Мы, грузины, как вам всем известно, быстро меняемся и начинаем хождение», т. е. быстро меняем свои решения и не любим оставаться на одном месте и при одном деле и «по этой причине сильно вредим и своим близким, и самим себе, и тем «местам», где нам приходится работать» («Житие Иоанна и Евфимия», 59—60).

Историк Давида Строителя, так же как и сам царь, не видел в тогдашней Грузии благоприятных условий для полного осуществления задуманных обширных государственных планов. По словам историка, Давид Строитель видел, что «они были недостаточны... как последователи движения и желаний души своей» («История царя Давида», 533, с. 300).

Но, несмотря на недовольство своей эпохой и обществом, именно среди тогдашних выдающихся грузинских деятелей возникла идея идеализации национальных черт грузин. Если не раньше, то уже в XI веке эта идея полностью оформлена: к этому времени уже полностью выкристаллизовался взгляд на грузинские национальные свойства, который разделялся и тогда и после и предполагал, в известном смысле, противопоставление этих свойств свойствам других народов. По мнению, например, Г. Хуцесмоназони, с самого же начала грузины «были правдивыми, невинными» и «с древнейших времен имели письменность и истинную веру» («Житие Георгия Мтацминдели», 294). А по убеждению Георгия Отшельника, сама мать божья любила грузин и покровительствовала им: «очень она милостива к нам и любит наш народ» (там же).

Католикос Николоз считает истиной, что Грузия «была уделом матери божьей и что сама «матерь божья желала и старалась идти туда для проповеди» христианства и вообще «она хотела по своему желанию идти на восток» («Требник Светицховели» и др. изд. В. Карбелашвили, с. 41). Георгий Мтацминдели в разговоре или при полемике с представителями других народов всегда старался отметить, что «грузинский народ правдив и невинен» и что это свойство объясняется не глупостью, незнанием и неустойчивостью его характера, а моральною чистотой, чистосердечностью и честностью.

Г. Мтацминдели, например, говорил возмущавшим против автокефалии грузинской церкви антиохийскому патриарху и греческому духовенству: «глубоко ошибаетесь вы, греки, «которые рассматриваете нас несведущими и неустойчивыми, а себя считаете мудрецами и степенными», когда в гордыне своей «считаете чистосердечный и невинный грузинский народ глупым» и думаете, что не найдете никого среди грузин ответить на ваши вопросы» («Житие Георгия Мтацминдели». 315). Мтацминдели был убежден в верности грузин религии, не раз доказывал другим, что после того, как мы, грузины, «уверовали в единого бога, мы не отрешались от него и народ наш никогда не склонялся к ересям» (там же, 315), «поскольку мы уверовали однажды, то уже не отклонялись ни влево, ни вправо и не отклонимся, если того пожелает бог» (там же, 332).

Католикос Николоз дает аналогичную характеристику грузинам и считает, что они являются «по природе чистыми и простыми, умом правдивыми, несущими на себе бремя правдивости в жизни и невинности, уповающими только на бога и десницу свою, чем и выражается и становится понятным доблесть юноши» («Требник Светицховели», с. 101), т. е., по его мнению, грузинам свойственны благородство мыслей, чистосердечность и мужественная прямота.

Комментарии:

ДАВИД СТРОИТЕЛЬ, грузинский царь (XII в.), заложивший основу создания единой и могущественной Грузии. Философ и поэт, автор известного гимнографического сочинения «Песни покаяния».

ИОАНН САБАНИСДЗЕ, автор агнографического памятника «Мученичество Або», написанного в VIII веке и рас-

сказывающего о самоотверженности и мученичестве араба Або Тбилели из-за христианской веры. Сочинение, отличающееся глубоким национальным духом, переведено на иностранные языки, а также два раза — на русский язык. Последний перевод на русский язык принадлежит академику Корнелию Кекелидзе («Памятники древнегру-

винской литературы», с. 31—60, 1956).

ДЖУАНШЕР, грузинский историк, автор «Жития Вахтанга Горгасала», в котором описана политическая история Грузии V века. По мнению Иванэ Джавахишвили, Джуаншер — деятель середины XI века, хотя по всему видно, что в своем сочинении он пользовался более ранними источниками.

ВАХТАНГ ГОРГАСАЛ, грузинский царь (V век), руководитель освобождения Грузии от персов. По его же инициативе вместо Мцхета столицей Грузии был объявлен Тбилиси, что для того времени являлось политическим актом огромного значения.

ОРБЕЛИАНИ СУЛХАН-САБА (1658 — 1725), выдающийся грузинский писатель, энциклопедист и лексикограф. Автор известного сочинения «Мудрость вымысла», которое переведено как на русский (несколько раз), так и на множество иностранных языков.

ГЕОРГИЙ ХУЦЕСМОНАЗОНИ, по некоторым источникам—Георгий Мцире, грузинский писатель XI века, которому принадлежит сочинение «Житие Георгия Мтацминдели», где описаны жизнь и деятельность выдающегося грузинского писателя и церковного деятеля Георгия Мтацминдели (того же Атонели). Памятник этот переведен на многие языки, в том числе на русский М. Сабининым в 1872 году («Полное жизнеописание святых грузинской церкви», ч. II, с. 161—212).

«ЖИТИЕ ИОАННА УРХАИ-СКОГО, агиографическое сочинение, сохранилось в переводе на грузинский язык» (издал К. Кекелидзе, см.: «Христианский Восток», т. II, с. 301 — 348).

КАТОЛИКОС НИКОЛОЗ, он же Николоз Гулаберидзе, грузинский писатель и церковный деятель второй половины XII века, современник и идеолог царицы Тамар. Автор сочинения «Требник Светицховели», в котором вкратце рассказано (наряду с чудесами первойшей церкви Грузии Светицховели) об обращении грузин в христианство святой Нино в IV веке, а также обосновано высокое предназначение женщины, обусловленное самим создателем, что перекликалось с политической обстановкой Грузии в XII веке, когда царствовала женщина — царица Тамар.

ГЕОРГИЙ МЕРЧУЛЕ, грузинский писатель X века, автор монументального сочинения—«Житие Григория Хандзтийского», передающего исторические события в Грузии VIII и IX веков, в особенности строительство просветительских очагов в Южной Грузии, которым руководил выдающийся писатель и церковный деятель Григорий Хандзтийский (VIII — IX вв.). Памятник переведен на иностранные, а также на русский язык академиком Н. Марром в 1911 году (см. «Тексты и разыскания», книга VII, Петербург, 1911).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ВАХАНСКОГО МОНАСТЫРЯ И ШИОМГВИМЕ, здесь имеются в виду исторические документы XII—XIII ве-

ков Ваханского (Южная Грузия) и Шиомгвимского монастырей, изданные историком Тедо Жордания в 1896 году. Эти документы и впоследствии были изданы несколько раз.

РУИС-УРБНИССКИЙ СОБОР, созданное в 1103 году по инициативе Давида Строителя собрание, заседания которого были проведены в селах Средней Картли — Руиси и Урбниси (недалеко от Гори). Оно ставило перед собой целью демократизацию грузинской церкви и вместе с тем подчинение ее центральной власти, которую воплощал царь-самодержец.

ГЕОРГИИ МТАЦМИНДЕЛИ, грузинский писатель и церковный деятель XI века, которому принадлежит также агнографическое сочинение «Житие Иоанна и Евфимия»; в нем освещены заслуги этих деятелей X и XI веков в основании Афонского (в Греции) Иверийского монастыря и в создании Афонской литературной школы. Сочинение переведено на несколько языков, в том числе на русский — в 1872 году М. Сабининым («Полное жизнеописание святых грузинской церкви», ч. II, с. 187 — 160).

ЕВФИМИИ ГРДЗЕЛИСДЗЕ, церковный деятель XI века, он же Эквтиме Иерусалимский, полемика которого по религиозным вопросам с армянским наставником Состеном сохранилась до наших дней (издал М. Сабинин, см. «Сад Грузии», с. 617 — 619).

ЖАМТААГМЦЕРЕЛИ, то же, что греческое «хронографос» или историк. Под этим именем известен замечательный грузинский историк-аноним, который описывает исторические события в Грузии XIII — XIV веков. Сочинение Жамтаагмцерели с самого же начала было включено в исторический сборник «Картлис цховреба».

СУМБАТ ДАВИТИСДЗЕ, грузинский историк XI века, в своем сочинении «Жизнь Багратованов» передающий историю династии Багратиони, первая часть которой носит явно легендарный характер.

БАГРАТ II, грузинский царь (X век). Тут же упомянуты его отец Сумбат и брат Адарнасе, которые в знак зависимости от Византии носили также высокий византийский титул куропалата.

АГСАРТАН, последний царь одной из провинций Грузии — Кахети, которого в 1104 году пленил Давид Строитель и этим фактически завершил объединение Грузии; эти сражения описаны его же современником историком-анонимом, а это сочинение вошло в сборник «Картлис цховреба» под названием «История царя Давида».

БЕКА, правитель южных провинций Грузии из династии Джакели (приблиз. 1240 — 1306 гг.), по его инициативе составлены правовые книги тех времен.

ВАХТАНГ VI, царь Картли (годы жизни 1675—1737), писатель, ученый, энциклопедист, составил также «Книгу права».

МЕСТУМРЕ ДЖИКУРИ, государственный деятель эпохи господства в Грузии монголов (середина XIII века), которого по доносу феодалов казнил царь Давид Улу (1247 — 1270).

СЕРАПИОН ЗАРЗМЕЛИ, грузинский церковный деятель IX века, основатель нескольких просветительских центров в Грузии, жизнь и деятельность которого описал писатель X века Василий Зарзмили.

МЕЧУРЧЛЕТУХУЦЕСИ КАХА, чиновник при дворе грузинского царя (XIII в.).

ХОВЛЕ, деревня в средней Картли.

РКОНСКАЯ ГРАМОТА, известный исторический документ Рконского (село в средней Картли) монастыря XIII века.

ДЗАГАН АБУЛЕТИСДЗЕ, крупный грузинский феодал (середина XIII века) из Кахетии, участник похода монголов на Багдад в 1258 году.

АНГРИАНИ — неизвестное село (возможно, нынешнее село Ангривани в Южной Грузии, в Дманисском районе), которое Дзаган Абулетисдзе подарил известному Шио-мгвимскому монастырю.

ПЕРИС ДЖОДЖИКИСДЗЕ, грузинский феодал из Южной Грузии (X—XI вв.), деятельность которого впоследствии протекала в Византии. В 1022 году его казнил император Василий за участие в заговоре против него.

ГЕОРГИЙ МЦЕРАЛИ, дядя Георгия Мтацминдели. Одно время был подвижником Ха-

хульского грузинского монастыря (ныне — на территории Турции). В дальнейшем Георгий Мтацминдели выехал из Грузии в Константинополь. См. выше: САБА, второй дядя Георгия и настоятель того же монастыря.

БАРДА СКЛЯРОС (СКЛИР), византийский полководец (X в.), который восстал против византийского императора и пытался сбросить его с престола. С помощью грузин это восстание было подавлено в 979 году.

ТОРНИКЕ ЭРИСТАВИ, грузинский полководец (X в.), командовавший грузинским войском, которое разгромило восстание Барды Склира в Византии.

ДАВИД КУРОПАЛАТ, Давид III, грузинский царь из династии Багратиони (X в.), который оказал большую помощь Византии в разгроме восстания Барды Склира в 979 г.

ДМИТРИЙ II Самопожертвователь, грузинский царь из династии Багратиони (царствовал в 1271 — 1289 гг.).

ДМИТРИЙ I, сын Давида Строителя, царствовал в 1125 — 1156 гг.

АЛЕКСАНДР I, царь Кахетии из династии Багратиони (царствовал в 1476 — 1511 гг.).

ДАВИД РУСУДАНИСДЗЕ, сын дочери царицы Тамар Русудан, впоследствии ставший царем Грузии (XIII в.) под именем Давида Нарина (по-монгольски — младший).

САДУН МАНКАБЕРДЕЛИ, крупный чиновник и дипломат в эпоху монгольского ига (жил в середине XIII века).

ДАВИД ЛАША-ГЕОРГИС-ДЗЕ, сын Лаша-Георгия — сына царицы Тамар, царствовавший в Грузии под именем Давида Улу (по-монгольски — старший) (XIII в.).

ТЕБРОНИЯ, наставительница женского монастыря в Южной Грузии, см. сочинение Георгия Мерчуле.

АШОТ КУРОПАЛАТ, грузинский царь из династии Багратиони (IX в.).

«**ИСТОРИЯ И ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ...**», историческое сочинение эпохи Тамар (XII в.). Переведено на русский язык академиком К. Кекелидзе в 1954 г.

ЯКОВ ХУЦЕСИ, он же Яков Цуртавели, автор дошедшего до нас первого оригинального агиографического сочинения (V в.), переведенного на иностранные языки; следует отметить перевод академика К. Кекелидзе на русский язык (см. «Памятники древнегрузинской агиографической литературы», 1956).

БАГРАТ IV, грузинский царь из династии Багратиони (царствовал в 1027 — 1072 гг.).

ЛИПАРИТ, непокорный феодальный эристав Кледжари (Картли), предки которого тоже боролись против грузинских царей, выступавших за объединение Грузии (XIII в.). Липарита лишил эриставства и изгнал из Грузии Давид Строитель.

КАХАБЕР ЭРИСТАВИ, эристав одного из горных уголков Грузии — Рачи, которого казнил царь Дмитрий II (см. выше) за неоднократную измену (конец XIII в.).

ГАРБАНЕЛИ, один из персонажей сочинения Василия Зарзмели (см. выше), светское лицо.

ЕФРЕМ МЦИРЕ, великий грузинский церковный деятель, писатель, философ и переводчик (XI в.).

КУТЛУ-АРСЛАН, государственный деятель эпохи Тамар (XII в.), министр финансов, требовавший демократизации царской власти.

ИБЕРИЯ, ИБЕР—здесь речь идет об иберийцах, населяющих Пиринейский полуостров (басках), которые, по преданию, являются родственниками кавказских иберов (грузин) и когда-то переселились с Кавказа. Это предположение в виде гипотезы существует по сей день.

ГЕОРГИЙ ОТШЕЛЬНИК, наставник Георгия Мтацминдели (умер в 1068 году).

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

Месхетская эпопея

НЕ МНОГО найдется на свете уголков, столь потрясающих зрелищем роковых отпечатков прошлого, как Южная Грузия. Здесь каждый камень и каждая травинка повествуют о пронесшихся грозах и бедах. Глядишь на изрезанные террасами, одичалые холмы, на сотни обезлюдевших, давным-давно покинутых деревень, и кажется, что и ты был очевидцем тех кровавых дождей, которые обрушивались на этот край некогда могущественной страны, разоряли и равняли его с землей. Остались террасы и высохшие каналы, городища, руины крепостей и заброшенные караванные пути — все то, что строила и возводила неутомимая десница крестьянина, беспрестанно воюющего с непокорной природой. И еще остались чудом уцелевшие от губительной руки пришельцев-завоевателей несколько исторических памятников. Вот и все безмолвные свидетели того, что здесь, на политой кровью и потом древнейшей земле грузинской, некогда кипела жизнь и горы и доли наполнились гомоном и шумом многочисленного народа. В урагане жестоких веков, в огне и дыму бесконечных сражений с грехом пополам выстояли кафедральный собор Кумурдо и овеянная легендами, несокрушимая Вардзия. Салара и Зарзма, Хертвиси и Гонио. Обрушенные зубцы башен и стен Ахалкалаки и Ахалцихе немо рассказывают о том, как

бессчетное число раз переходили из рук в руки эти некогда грозные цитадели.

Когда-то, на заре средневековья, именно здесь, в исторической Месхетии, южной провинции Грузии, началось культурное возрождение феодальной страны. Пальму первенства Месхетия не уступала и в последующие столетия, вплоть до самого 1453 года, когда варварские орды турок-сельджуков поставили на колени Константинополь и заложили двери, соединявшие Грузию с культурным Западом.

Началась самая мрачная эпоха в истории Грузии — смертоубийственная борьба горстки христиан с мусульманскими захватчиками. Сельджуки не могли забыть рокового поражения в Дидгорской битве¹, не могли забыть и других позорных поражений, нанесенных им грузинами, и вот настал час сводить старые счеы.

Осуществлению намерений врага способствовали внутренняя раздробленность и разрозненность страны, феодальные распри и междоусобицы, отсутствие единомыслия среди правителей, которые, говоря словами Гураминвили, вспять боронили вспаханные собратом земли.

Месхетские атабаги, чьи владения и территориально, и по численности населения мало уступали всей остальной части Грузии, не только сейчас, но и всегда стремились к независимости, гнушались быть в подданстве у коронованного монарха и противопоставляли себя ему. Партикуляризм пограничных феодалов, как это обычно происходит, вырождаелся в политическое предательство, в измену родине, нации, вере.

Джакели — представители одного из древнейших феодальных родов, — правившие Южной Грузией сперва как подданные престолу правители этой части страны, позднее как атабаги и, наконец, как турецкие вали, спасаясь от собственного царя и стремясь сохранить присвоенные владения, сначала, в бытность монголов, вошли в сговор с ними и превратили Южную Грузию в улус, а позднее, после вторжения турок и окончательного утверждения их господства, примкнули к своим врагам, приняли ислам и заделались пашами.

Эта метаморфоза слишком дорого обошлась всей стране и в первую очередь южной ее части — самой Месхетии.

Убедившись, что силой оружия с властителем полумира, турецким султаном, ничего не поделаешь, а помощи от римского папы, от Австрии, Франции, Испании, Сардинии, Неаполитанского королевства и от венецианских дождей ждать более не приходится, Джакели отказались от борьбы с Портой, добровольно отступились от христианской веры и приняли магометанство, дабы не потерять свои древние привилегии. Под диктовку султанского двора они ввели в Месхетии турецкие порядки правления, открыли путь распространению ислама и в доказательство своей преданности врагу принялись за искоренение и уничтожение грузинской национальной культуры.

¹ Дидгорская битва произошла близ Тбилиси в 1172 г. Грузинское войско под водительством царя объединенной Грузии наголову разбило намного превосходящую численностью вражескую армию.

Одно за другим упразднились епископства — Ацкурское, Кумурдо, Ишхани и Анчи, Тбети и Цурцкабли, Эрүшети и Валашкерти, Бана и другие. Угасали очаги культуры. Пламя пожара уничтожило уникальные коллекции рукописей, золотые и серебряные иконы — из поколения в поколение накапливаемое церковное и всенародное богатство.

«...Все это собрал Ростом-паша, грузин по национальности, потомок их первого мтавара, — пишет П. Жузе в книге «Грузия XVII века, описанная патриархом Макарием». — Сей правитель снял драгоценные камни с образов и икон и сжег последние вместе с евангелием, крестами и разными церковными книгами, коих было такое множество, что образовался поток золота и серебра, подобный воде».

Лишь небольшая часть икон и рукописей уцелела от руки кондотьера. Самоотверженные люди, и духовные, и светские лица, рискуя собственной жизнью, спрятали и сохранили все, что спаслось, а потом вывезли в Имеретию, Карталинию, Кахетию, Гурию и Мегрелию и передали в церкви и монастыри на хранение.

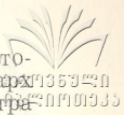
Так дошли до нас лишь некоторые произведения грузинского искусства — неповторимые и самобытные творения древних мастеров. А ведь многое из того, что уцелело ранее, исчезло и погибло позднее, в бурях, пронесившихся над Грузией в последующие времена.

Отуречивание, вероотступничество началось, конечно, с высшего сословия, с феодалов и дворян. Это явление имело свое объяснение, свои причины, свое социальное обоснование. Тот, кто хотел и впредь оставаться властителем своих подданных и владельцем своих земель, должен был принять религию завоевателей — ислам и высечь на груди своей слова Корана: «Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его!».

Но это далеко не означает, что принятие ислама происходило безболезненно либо на первых порах, либо впоследствии. И в самых высших сферах нашлось немало пламенных патриотов, отважных рыцарей, чьи мечи износились в битвах, но грубая сила все-таки взяла верх, и, как говорится, кровь, которая должна была пролиться, пролилась: страна, ослабленная изнутри, сломилась и пала.

Ислам проник и в глубинный слой нации — в крестьянство. Отказ от дедовских традиций, от веры предков сулил изнуренному голодом, задавленному непосильными налогами, введенными только лишь для христиан, бесправному и всячески попираемому мекхетскому крестьянину надежду на лучшее будущее, на то, что его оставят жить на родной земле, что он сможет прокормить своих детей. Но очень скоро надежды развеялись как дым. Мекхетия погрузилась в непроглядный мрак.

Ренегаты Джакели, трехбунчужные паши и везири султанские, иногда и сераскиры арзрумские по-прежнему владели подвластной им Мекхетней, теперь уже — Гурджистанским вилайетом или Чилдирским пашалыком, и выслуживаясь перед султаном, шли на все ради того, чтобы и прочие грузинские княжества и царства, хотели они того или нет, признали над собой верховную власть османов.

В 1724 году Джакели добились своего: как только неутомимый, посевший в битвах и трудах просвещенный монарх царь Вахтанг VI, последние надежды возлагавший на Петра Великого, отправился в Москву, султанский везирь Исак-паша Джакели, бегларбег Чилдирский, ввел турецкие гарнизоны в Горийскую и Тбилисскую крепости, наводнил страну турецкими войсками, пустив их разбойничать по стране, и, согласно султанскому фирману, объявил мать-Карталинию — сердце Грузии — Тбилисским вилайетом.

Так началось известное в истории и живо сохранившееся в памяти народа «великое турецкое засилье» — «диди туркоба», освободиться от которого тщетно мечтал Вахтанг VI, упорно искавший помощи за хребтом Кавказа.

Еще более тяжкая участь постигла бы Имеретию и всю Западную Грузию, не взойди на небосклоне Ирана звезда великого тирана Востока Надир-шаха. Вступив на престол, Надир-шах не замедлил напомнить Турции условия так называемого Амасийского мира 1555 года.

По этому хищническому миру, который неоднократно нарушали обе стороны, Иран и Турция поделили Грузию на две сферы влияния. Западная Грузия являлась сферой влияния Турции, Восточная — Ирана. И хотя Месхетия наряду с Карталинией, Кахетией и Нижней Картли входила в сферу персидского влияния, султан ни за что не хотел окончательно от нее отказаться в силу ее выгодного географического положения. Да и правители ее Джакели предпочитали иметь над собой турок, так как цари картлийские нет-нет да и протягивали руку к Месхетии, этому исконному владению картлийской короны, причем дело не ограничивалось одной лишь словесной претензией.

Все эти узловые вопросы находили многократное отражение в трудах грузинских и негрузинских историков, но вплоть до последнего времени сравнительно оставались в тени история собственно Месхетии, обстоятельства, определившие политическое отъединение ее от матери-Грузии, а позднее и полную утрату ее и превращение в плацдарм непрерывных войн и разбойничьих набегов лезгин и прочих враждебных племен. И наконец, если не считать отдельных трудов наших и зарубежных историков, которые освещают различные стороны тех или иных явлений и фактов, до последнего времени оставалась в тени систематическая история десяти санджаков (то есть районов) Месхетии после присоединения их к Грузии, которое произошло в двадцатые годы минувшего столетия в результате совместных действий русско-грузинских войск. В тени оставался вопрос миграции населения края и многое другое.

Недавно в тбилисском издательстве «Мецниереба» вышла книга доктора исторических наук Шота Ломсадзе «Самцхе-Джавахетия», проливающая свет на упомянутые выше вопросы.

«Самцхе-Джавахетия» — историческая монография. Мы не погрешим против истины, если скажем, что книга эта, при всем ее научном характере, вызывает столь большой и живейший интерес, с каким сравнится разве что интерес к высокохудожественному историческому роману.

«Самцхе-Джавахетия» почти полностью охватывает и охватывает всю существующую обширную литературу на армянские материалы о предмете исследования. Автор не оставил без внимания ни одного более или менее значительного научной точки зрения высказывания своих современников предшественников, и благодаря всему этому ему удалось воссоздать правдивую и убедительную картину исторической жизни Месхетии XVIII—XIX вв.

Работу аналогичного характера, освещающую грузино-турецкие отношения в XVII веке, недавно опубликовал Михаил Сванидзе. Ш. Ломсадзе анализирует события последующих столетий и воссоздает трагедию, постигшую растоптанную варварской пятой Южную Грузию.

Известно, что судьба Южной Грузии, территориально удаленной, пограничной, отторгнутой в конце концов турками, глубоко волновала грузинских царей, страстно желавших вновь вернуть ее отчизне. Того же хотели и некоторые месхетские князья, хотя и принявшие магометанство, хотя и носившие титулы аги, бега, санджакбега, алайбега, паши, но, тем не менее остававшиеся грузинами, молившиеся одной иконе — Грузии единой и могущественной, не погасившие в душе своей свечи любви к отчизне.

В двадцатые годы XIX века, когда окончательно назрел вопрос возвращения Месхетии Грузии и заветная мечта грузинского народа обрела крылья, число таких деятелей умножилось. Верные завету предков, грузины-магометане ни минуты не колеблясь встали под боевые знамена русско-грузинских войск, пришедших для освобождения края. Однако, увы, как много рухнуло надежд, как много крови пролилось напрасно, прежде чем наступила эта желанная минута!

Ш. Ломсадзе возвращает нас назад, в глубину веков.

Первый, кто перешел через взметнувшийся над облаками Зекарский перевал и вырвал Месхетию из рук османов, был имеретинский царь Баграт III. Это произошло в 1535 году. Более десяти лет царь Баграт владел Месхетией. Он возродил здесь христианство, ввел грузинское законодательство, развивал строительство. Новый султан — Сулейман, укрепившись на троне, двинул против Месхетии шестидесятитысячную армию. Баграт III без труда победил эту орду, которой командовал Муса-паша, и обратил в бегство ее остатки. В 1543 — 1544 гг. настал черед другого турецкого военачальника — Али-паши. Он подступил к Месхетии с еще более многочисленным войском, но ему понадобились годы, чтобы одолеть грузин.

Враг беспощадно разграбил и разорил край. Тысячи юношей и девушек, трудоспособных мужчин и женщин были угнаны на невольничьи рынки Востока. Стенания несчастных достигали небес. В цитаделях Ахалцихе и Ахалкалаки, в Хертвисской и других крепостях вновь стали турецкие гарнизоны.

Баграт III еще несколько раз пытал счастья — подступал с войском к укрепившимся в цитаделях туркам, но все его попытки кончались неудачей.

Несколько позже Георгий XI, лишенный персами трона сын Шахнаваза, прибывает в Месхетию. Он надеется на мощь и содействие дидебулов и самого шахи — ренегата Селима Джакели. Однако вместо оказания помощи (которая могла бы вызвать новые осложнения в ирано-турецких отношениях) Селим-паша заточил царя Георгия в крепость. Обманутый в своих надеждах несчастный царь, который много лет спустя окажется жертвой коварной измены афганского властителя Мирвейса, бежит из плена и вместе с верными приближенными, скитаясь от порога к порогу, находя приют у сердобольных людей, беглецом покидает Месхетию.

Минуло время, и знаменитая Хресильская битва¹, в которой турки потерпели тяжелое поражение, исполнила всю Османскую империю. В этой битве плечом к плечу с имеро-абхазами и одишцами сражались тайно прибывшие карталино-кахетинские отряды. Ираклий II, считаясь кунаком чилдирского вали, не мог открыто участвовать в войне. Несколько тысяч месхов, ранее переселившихся из родных краев в Имеретию, тоже сражались под знаменами имеретинского царя Соломона I. Таким образом, Хресильская битва носила общенациональный характер.

Только в 1765 году туркам удалось взять реванш за Хресили: в том году был свергнут с престола царь имеров — как называли их турки — «ачик баши» — непокорный и неутомный Соломон I.

На исходе шестидесятых годов XVIII века отношения между Россией и Турцией осложнились и в конце-концов привели к войне, разразившейся в 1768 году. Это было время, когда русские войска, приглашенные Соломоном I, через Дарьяльское ущелье вошли в Карталинию и предложили Ираклию II вступить в войну с турками.

Военачальник русского корпуса генерал Тотлебен имел секретную инструкцию Петербурга, предусматривавшую выступление грузинских царей и князей против Турции, но, поскольку корпус лишь называется корпусом (в действительности он состоял из нескольких сот солдат и располагал только малокалиберной полевой артиллерией), инструкция не заостряла внимания на его роли и месте в предстоящем военном конфликте.

Накануне Аспиндзской битвы царь Ираклий оказался связанным по рукам и ногам: Тотлебен не дал ему санкции на штурм Ахалцихе, этого осинога гнезда, средоточия всяческого зла. Позади не взятой оставалась Ацкурская крепость. Вынужденный возвратиться в Тбилиси по Ахалкалакской дороге, Ираклий принял бой у Аспиндзы. Он оказался один, без всякой поддержки, лицом к лицу с многочисленным, намного превосходящим его количественно врагом.

«Итак, — заключает Ш. Ломсадзе, — в Аспиндзской битве Ираклию противостояло войско отуреченных грузин, все еще говоривших по-грузински, но уже с изменившимся серд-

¹ Хресильская битва произошла в 1750 г. на Хресильском поле, близ Кутаиси.

цем. Внешне это была русско-турецкая война, во всем случае, она преломлялась через такую призму, фактически же это была борьба карталино-кахетинских христиан и мусульман-магометан. С этнической точки зрения, она походила на религиозно-усобную войну, политически являлась борьбой двух различных государств и двух религий».

Ираклий спешил. Он знал, что вскоре между Турцией и Россией будет заключен мир, и если бы Россия de facto признала воссоединенную Месхетию территорией, принадлежащей Грузии, султан оказался бы вынужденным посчитаться с этим обстоятельством и отказаться от захваченных земель.

Потому, овладев Хертвисской и Ацкурской крепостями и поставив там свои гарнизоны, Ираклий подступил к стенам Ахалцихе, но тут ему сообщили неприятнейшую весть: Тотлебен, возвращаясь из Самцхе, ведет себя как завоеватель, грабит и разоряет карталинские села, намеревается захватить Гори, а затем идти на Тбилиси.

Столь странное поведение союзника не могло не вызвать изумления и гнева. Ираклий был ошеломлен. Потом уже выяснилось, что самовольство Тотлебена вызвало неодобрение Петербурга, и его отозвали обратно как личность, полностью непригодную для выполнения возложенного на него дела.

В 1774 году был заключен Кучук-Кайнарджинский мир. По условиям этого мира неотъемлемая часть древней Грузии — Месхетия продолжала оставаться в пределах Турции, а Ираклию II предлагалось незамедлительно вывести войска из Самцхе.

Лезгины тоже подняли голову. Участились набеги на карталинские и имеретинские села, угон скота, похищение людей. Не раз погоня настигала разбойников у самых границ Месхетии и отбивала похищенный скот и пленников, но чаще лезгинам удавалось благополучно перейти границу, а там уже некого было бояться, там они чувствовали себя в безопасности.

Ираклий II и Соломон I избегали нарушать Кучук-Кайнарджинский мирный договор, чтобы не ставить в неловкое положение свою союзницу Россию. Поэтому они неоднократно посылали послов к ахалцихскому паше, заявляли протест за протестом, требовали, чтобы паша соблюдал условия договора, но голос царей грузинских оставался гласом вопиющего в пустыне.

В 1772 году, за два года до заключения мира, Ираклий и Соломон объединили свои войска и еще раз перешли границу пашалыка. Многие из месхетских дидебулов, грузин-магометан, встали на сторону своих братьев-христиан и помогали им беспрепятственно продвигаться в глубь края. Ираклий и Соломон достигли Джавахетии, осадили Ахалкалаки, 17 октября вошли в пригороды и «сильно потеснили» гарнизон цитадели.

Но и на этот раз судьба изменила им: Соломон тяжело заболел горячкой. В лагере имеров началось смутнение. Приближенные царя вывезли его с поля боя в жару, без сознания. Войско ни с чем вернулось обратно.

საქართველოს
ქრონიკები

Так провалился еще один, уже почти доведенный до конца поход за освобождение Месхетии.

В 1798 году, спустя три года после крцанисской трагедии¹, опочил усталый от бесконечных войн с внешними и внутренними врагами, убежденный сединой старец, царь Ираклий II, любовно прозванный в народе Патара кахи — Маленький кахетинец.

А за четырнадцать лет до его кончины в Кутаиси, стольном городе имеров, закрыл глаза неустрашимый воин и верный союзник Ираклия, обладавший качествами государственного деятеля крупного масштаба царь Соломон I.

Страна стояла перед новой опасностью. Русский двор затегивал выполнение обязательств по заключенному в селе Георгиевском покровительственному трактату. Все еще не видно было частей русской регулярной армии, кои долженствовали охранять вступившую под спасительную сень крыльев российского орла Грузию от тяжкого ярма мусульманства. Нашествие Ага-Магомет-хана подкосило поднявшуюся было на ноги страну. Кто знает, сколько понадобилось бы десятилетий, чтобы Грузия снова набралась сил, отстроила бы варварски разрушенные, сожженные дотла города и деревни, чтобы выросли новые поколения катастрофически поредевшего народа.

12 апреля 1802 года в Сионском соборе в Тбилиси был оглашен манифест императора всей России Александра I с присоединении Грузии к России. Со смертью наследника Ираклия II — Георгия XII карталино-кахетинский престол был упразднен, царевичей призвали в Петербург, а правление страной перешло в руки русских военных и гражданских чиновников.

С этого дня и начинаются новые попытки воссоединения древней Месхетии, теперь уже — с Российской империей.

III. Ломсадзе привлек огромное количество документов, рассматривая со всех точек зрения этот сугубо важный и значительный вопрос, и сумел создать исторически верную и впечатляющую картину.

Первый же главноуправляющий Грузии Кноринг обратился к ахалцихскому паше от имени своего государя, напомнил ему русско-турецкий мирный договор 1791 года и потребовал отныне не оказывать покровительства и не предоставлять убежища лезгинским разбойникам, которые совершали набеги на южную провинцию Российской империи — Грузию, грабили ее и наносили материальный ущерб.

Шериф-паша Джакели в ответ заявил, что без ведома и согласия всемилостивейшего султана он лезгинам слова не смеет сказать. В действительности же сам он, Шериф-паша, подбивал лезгин на разбой, более того, каждому участнику набега он выдавал в награду по курушу в день. Лезгины не стеснялись и русских — небольшими отрядами они то и дело нападали на их военные лагеря, похищали людей, скот, имущество.

¹ Имеется в виду Крцанисская битва под Тбилиси на Крцанисском поле 1795 г., где царь Ираклий потерпел поражение от многочисленного войска персидского шаха Ага-Магомет-хана.

Последующий главноуправляющий князь Павле Цицианов расставил по всей Карталинии сторожевые посты и поперек пути вторгавшимся из Самцхе бандам. Цицианов прибегнул и к более решительным мерам: против вторгавшихся в Кахетию через Чар-Белакани банды он отрядил генерала Д. Орбелиани и одновременно направил паше ультиматум: если лезгины найдут в пашалыке приют, генерал Орбелиани вторгнется в его пределы, и за все, что может вследствие этого произойти, ответ держать будет сам паша.

В 1806 году вновь вспыхнула война между Россией и Турцией. Она продлилась шесть лет. В 1807 году, после убийства Павле Цицианова, генерал Гудович, новый главноуправляющий, собрал войска, вооружил и грузинскую милицию и выступил в поход против турок со стороны Месхетии.

Объединенное русско-грузинское войско заняло всю Джавахетию и город Ахалкалаки.

Солдафон Гудович, не разбираясь в сложностях обстановки, считал население Месхетии — насильственно обращенных в мусульманство грузин — турками и еще до того, как вошел в Месхетию, обратился к ним с угрозой, что-де идет на них войной, пусть они обороняются, если сумеют. И это вместо того, чтобы облачиться в тогу освободителя и спасителя края и среди самих месхов обрести поддержку, сторонников и союзников!.

Разумно повел себя лишь преемник Гудовича Тормасов. На первый план он выдвинул национальный вопрос, через грузин-христиан он напоминал месхам, кто они есть, и собирал их под знами освобождения от поработителей-турок.

Ш. Ломсадзе детально описывает этот большой поход, закончившийся осадой Ахалцихской крепости, где были сосредоточены значительные силы врага. Кровавопрлитная война осложнилась эпидемией черной оспы. Она свирепствовала сперва в осажденной крепости, затем довольно быстро перекинулась на осаждавших, которые поспешно свернули знамена, сняли осаду и ушли.

«Черная оспа распространилась по Картли и Имеретии, — пишет Ш. Ломсадзе. — Эта эпидемия в течение одного года сожрала четыре тысячи двести двадцать пять душ в Картли, тридцать две тысячи семьсот пятьдесят душ — в Имеретии».

И это не считая тех жертв, которые были понесены Месхетией, Кахетией, Гурией, Мегрелией и другими провинциями Грузии!

«...Длился этот гнев господен два года и более того, и множество деревень в стране остались пустыми», — пишет в своей «Жизни грузин» Нико Дадзиани.

К сожалению, не удалось не только взять Ахалцихе, но более того — не удалось удержать за собой Ахалкалаки, стоивший огромных жертв и потерь. Согласно Бухарестскому миру, заключенному 12 мая 1812 года, Турции были возвращены провинции, захваченные в последней войне русско-грузинскими войсками «силою оружия».

Не прошло и четырех лет, и в Месхетии вспыхнуло народное восстание. Восстание было направлено против захватнической политики турок, оно носило национально-свободитель-

ный характер и охватило все слои населения. Восстание воочию показало, что, несмотря на насаждение ислама, продолжавшееся в течение двухсот с лишним лет, в народе, как у турков, так и захватчикам, которые разорили и разграбили цветущий край и каждого оставшегося в живых обращали в своего раба.

Турецкие воины, стоявшие в деревнях, так называемые башибузуки, не только грабили мирных жителей, но грубо попирали их национальное и человеческое достоинство, бесчестили женщин и каждого, кто оказывал сопротивление, убивали либо угоняли в сковах на невольничьи рынки.

Восставшие овладели Ахалцихской цитаделью, взяли в плен тяжелораненого пашу и его приближенных. В Аджарии был уничтожен восьмитысячный турецкий корпус. 3 июля 1816 года и Ахалкалаки перешел в руки восставших. Дело принимало серьезный оборот. 13 августа из Арзрума выступило карательное войско под предводительством сераскира Баба-паши. Первое столкновение близ села Дигвири закончилось поражением восставших. Каратели направились к Ахалцихе.

Однако Ахалцихе, обороной которого руководил хертвисский санджакбег Баш-ага Мамед-бег Вачнадзе, в течение двенадцати дней и ночей сопротивлялся врагу столь яростно, что турки не выдержали и отступили. Баба-паша покинул Самцхе и с позором вернулся назад, в Арзрум.

Участие князей и азнауров в восстании было вызвано в основном недовольством против введения в крае турецкой системы землевладения. На эту систему, в корне отличающуюся от грузинской, спиралась военная диктатура султана. Она вызывала огромное недовольство среди месхетских феодалов и восстанавливала их против центральной власти.

III. Ломсадзе отводит целую главу вопросу введения в Чилдирском пашалыке этой системы. Наряду с «Большим давтаром Гурджистанского вилайета» и другими различными канон-наме III. Ломсадзе приводит множество до сих пор неизвестных документов.

Месхетское восстание было движением антитурецким, вернее, направленным против турецкого владычества, но оно носило стихийный характер. Восстание не переросло в мощное освободительное движение, у восставших не было связи с другими провинциями Грузии, не было контакта с действующими в тот исторический период прогрессивными силами страны. Таким образом, Месхетское восстание не прониклось общенациональным духом.

Военную кампанию с целью окончательного воссоединения Месхетии с Грузией начал в 1828 году главноуправляющий краем Паскевич. Кампания закончилась в том же году.

С большим волнением и вместе с тем с безукоризненной документальной точностью описывает III. Ломсадзе различные перипетии этой кампании, в том числе взятие Арзрума, Ахалкалаки, Хертвиси, сбор провианта и фуража на местах, столкновение русско-грузинских войск с корпусом Кюса-паши, взятие Ахалцихской цитадели и бессмысленное истребление людей при этом, триумфальный вход грузинского гренадерско-

го полка в ворота цитадели под звуки победной музыки с развернутым знаменем святого Георгия.

Несмотря на вероисповедание, хотя и навязанное насильно, но уже вошедшее в кровь и плоть, месхи с радостью встречали военные победы русского оружия в Южной Грузии.

Ш. Ломсадзе приводит в своей книге письмо артаанских жителей фельдмаршалу Паскевичу:

«...Молим Вас, приходите к нам в Артаани, здесь Вы не встретите сопротивления... только бы, милостью божией, соизволили Вы и пожаловали, а прибытие Ваше будет для нас восходом солнца. Из страха перед Вами все хищники ищут теперь берлогу... Разум наш и глаза наши прикованы к Вам...».

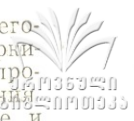
В 1829 году в Адрианополе был заключен мир. Несмотря на отчаянное сопротивление представителей некоторых западноевропейских государств, на основании этого договора десять санджаков Ахалцихского, то бишь Чилдирского, пашальяка вкупе с городами Ахалцихом и Ахалкалаком перешли во владение Российской империи.

Воплотилась извечная мечта, родине была возвращена одна из частей захваченных турками территорий Южной Грузии — историческая Самцхе-Джавахетия!

Месхетские князья и азнауры, в различное время бежавшие из родного края и находившие пристанище в различных уголках страны, многие из которых служили в русско-грузинских войсках и принимали непосредственное участие в освобождении Самцхе-Джавахетии, дождавшись, наконец, того, что некогда пожалованные им предкам грузинскими царями вотчины свободны от турок, устремились было туда и обратились к главноуправляющему за разрешением вернуться и поселиться там вместе со своими крестьянами, челядинцами и пр. Однако им было отказано: Паскевич не доверял ни им, ни их людям, считая всех их тайными агентами турок.

«Стремясь ускорить выселение грузин-магометан из Месхетии, — пишет Ш. Ломсадзе, — Паскевич самовольно (без формального согласования с Петербургом. — Р. Д.) дал согласие местным бегам продавать их владения с тем, чтобы они как можно скорее переселялись в Турцию. С грузинами-магометанами обращались как с турками, притесняли их, чинили им экономические и религиозные препятствия. Охваченные фанатизмом месхетские крестьяне поддавались на удочку врага — многие из них снялись со своей земли и двинулись в Турцию».

Подняли голову всевозможные фальсификаторы. Появилось множество составителей ложных купчих, аферистов, которые грели руки на чужой беде. Движимое и недвижимое имущество, целые деревни продавались задаром. Например, ахалкалакский санджакбег Мути-бег Палавандишвили продал казне двадцать девять деревень за три тысячи шестьсот рублей! Жанда приобретения имений в Месхетии, подобно лихорадке, охватила все чиновничество как Тбилисской, так и Кутаисской губерний. Тбилисский губернатор Завилейский сделался таким образом одним из богатейших помещиков в Месхетии. Действительный статский советник Влангаль приобрел в Самцхе-Джавахетии двадцать одну деревню всего-навсего за четыре

тысячи сто семьдесят рублей! Помещиками заделались грегоринские епископы, купцы, ростовщики, перекупщики, маркиз-танты, и всем им впоследствии без различия социального происхождения, национальной принадлежности, вероисповедания согласно царскому манифесту были присвоены княжеские и дворянские звания.

В грязных махинациях купли-продажи были замешаны временный правитель князь Василий Бебутов, полковник Снаксаров, губернатор Завилейский и другие. Беззакония, обман, откровенное вымогательство, которыми они занимались среди местного населения, достигли таких пределов, что слух обо всем этом дошел и до императора. Главноуправляющий барон Розен, преемник Паскевича, ознакомившись с актами специальной расследовательной комиссии, потребовал передать генерала Бебутова и его приспешников в руки правосудия.

Граф Паскевич, будучи в тот период наместником в Польше, узнав о происходящих в Грузии событиях, не замедлил вмешаться. Он направил императору свое ходатайство, в котором до небес восхвалял Бебутова, уже переведенного к тому времени правителем Армянского округа. Стремясь замазать и свои грехи во всем этом деле, Паскевич избавил-таки Бебутова, причастного к уголовным преступлениям, от заслуженной кары.

Сам собой возникал вопрос: кто же должен занять земли, освободившиеся после выселения грузин-магометан?

Было несколько предложений. Согласно одному из них, в Самцхе-Джавахетии предполагалось поселить донских казаков и русских и вдоль границы создать военные поселения.

Победила идея Бебутова-Снаксарова-Дришера-Завилейского, которую поддерживал сам главноуправляющий.

По этой идее на исконных землях грузин-магометан предполагалось поселить арзрумских христиан — армян и греков. Они с великой радостью встретили в Арзруме победителей — русские войска и самого фельдмаршала Паскевича, а когда по условиям Адрианопольского мира русские войска уходили из Арзрума, обратились с мольбой к Паскевичу — помогите, не предавайте нас в руки наших кровных врагов, не дайте им истребить нас, заберите с собой!

Тогда же состоялись деловые переговоры. Представителей сторонников переселения спросили, где, в каком уголке Российской империи желали бы они поселиться. Армяне-христиане единодушно ответили, что из всех земель они предпочитают Ахалцихский пашалык, так как климатические условия в Арзруме и Самцхе-Джавахетии одинаковы.

Начался опрос. Две тысячи семей арзрумских армян выразили желание покинуть Турцию и переселиться в Грузию. Вскоре цифра эта выросла до семи тысяч.

Паскевич обратился к императору Николаю I, документировал и обосновал, какую пользу принесет империи расселение на вновь присоединенных землях христианских «племен» и одновременно попросил ассигнований на это дело.

Высочайшее согласие было получено, склонили к тому и Турцию, выделили необходимые ассигнования, но положение

осложнилось тем, что действительное количество переселенцев превзошло вдвое и второе предполагаемую цифру.

А достаточно ли было земель в Самцхе-Джавахетии?

3 декабря 1829 года был основан особый комитет по переселению под председательством тифлисского гражданского губернатора Завилейского. Составили положение, решили, где и как устраивать переселенцев, на чьих землях, узаконили земельные нормы на каждого члена дыма.

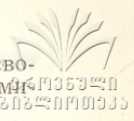
Как в дороге, так и в первое время поселения на новых землях, вплоть до того, пока новоселы вспахали бы поля и собрали первый урожай, государство брало на себя их питание и обеспечение всем необходимым для жизни. Не оставалось без внимания и то обстоятельство, что большая часть земель уже была вспахана и засеяна. Бывшие владельцы уходили, бросая все как было...

Началось великое переселение народов... Исконное население Месхетии — грузины-магметане — уходили в слезах и с болью в душе, бросая отчий край, где все было делом их рук — это они строили города и села, прокладывали дороги и возводили крепости, они возделывали землю, которая кормила их и в которую ложились они, умирая, где покоились их предки, а вместо них приходили сюда тысячи и десятки тысяч людей, так же притесняемых и так же замученных фанатиками-турками. По подчету армянского епископа Георка и по свидетельству других исторических документов, в Месхетию пришли девяносто пять тысяч человек, которые так же вынуждены были покинуть родные края и в чужой земле, под чужим небом искать пристанища.

Царские заправки не остановились и на этом. Когда спустя время, в 1878 году, согласно Берлинскому трактату, к России был присоединен еще один, Карский, вилайет, грузины-магметане, переселенные туда ранее, были вновь выселены и переселены в глубь страны.

С 1841 года в окрестностях озера Тавпаравани, в заброшенных грузинских селах поселяются русские сектанты — дубоборы и приносят с собой названия своих деревень Тамбовской, Саратовской, Запорожской и других губерний. Так появляются на земле грузинской Богдановка, Тамбовка, Орловка, Гореловка, Спасовка, Троицкое, Ефремовка, Родионовка... Поселяя на Кавказе сектантов, царизм делал для себя два полезных дела: во-первых, избавляясь от еретиков-сектантов, которых даже в армию не брали, освобождало земли центральных губерний, во-вторых, создавало надежный барьер вдоль южных границ.

На древней земле Месхетии, в Самцхе-Джавахетии, которая ценою стольких жертв, после стольких страданий и мук снова вошла в пределы Грузии, теперь все реже звучала грузинская речь. Изгнанию из обращения грузинского языка среди грузин-христиан содействовала церковь. По научению недоброжелателей грузин и Грузии Римская святая конгрегация не считала пригодным для богослужения в католической церкви грузинский язык. Таким языком был признан на Кавказе, наряду с латинским, только лишь армянский. Месхи-католики постепенно отдалялись от своих национальных

корней, от национальной культуры, от родного языка и на своей же родине, в своей же стране становились жертвой ассимиляции.

После воссоединения, когда в Самцхе-Джавахетии резко уменьшилось грузинское население, тенденция эта усилилась еще более.

Ш. Ломсадзе приводит пример одного грузинского села — Вели.

«Люди постепенно забывали, кто они такие, — пишет он, — потому что национальное происхождение их было одно, язык и вера — другие».

«Падению грузинской культуры в Месхетии, — пишет Ш. Ломсадзе, — способствовала религиозная путаница, неразбериха вероисповеданий. Грузины-магометане подыгрывали туркам, грузины-католики — французам, а православные христиане-грузины в политической призме Турции олицетворяли греков или русских».

В 1828 году освобождением от турецкого владычества в Самцхе-Джавахетии завершилось господство атабагов Джакели, которые в течение пятисот лет распинали на кресте Южную Грузию. Последний ахалцихский паша окончил жизнь под топором палача, кровавый трон пашей, как реликвия многочисленных войн, был увезен фельдмаршалом Паскевичем в его родной город Могилев, где его можно видеть и ныне.

В журнальной статье, какой бы обширной она ни была, трудно перечислить все то, чего касается книга Ш. Ломсадзе. Да и ни к чему: если задаться этой целью, надо либо переписать всю книгу от начала до конца, либо создать свой собственный вариант ее. Этот сизифов труд, разумеется, никому не нужен. Потому, довольный тем, что наша историческая наука обогатилась столь глубокой, многосторонней и объективно верной работой, какой является монография Ш. Ломсадзе «Самцхе-Джавахетия», я заканчиваю свою статью.

Перевод Камаллы КОРИНТЭЛИ

Александр СИГУА

Дом на улице Табидзе

СТЕНУ трехэтажного дома, что стоит на тбилисской улице Галактиона Табидзе, украшают три мемориальные доски. Одна из них свидетельствует, что здесь проживал выдающийся общественный деятель и писатель-шестидесятник Нико Яковлевич Николадзе. На другой — даты рождения и смерти известного ученого и общественного деятеля, сына Нико Николадзе — Георгия Николаевича. Третья — в память о крупном ученом-историке — зяте Нико Николадзе — Михаиле Александровиче Полиевктове. (Досадно, что не установлена тут и четвертая мемориальная доска — супруге Нико Яковлевича Ольге Гурамишвили. Она занималась революционной деятельностью в Женеве и Цюрихе, была дружна с русскими эмигрантами, поддерживала связи с участниками Парижской коммуны, активно сотрудничала в грузинских, русских и французских газетах).

Вряд ли в Тбилиси встретишь еще один такой «мемориальный дом», где бы хранилось столько документов и материалов, связанных с прошлым не только Грузии, но и России, и даже других государств.

5005020
010-110133

Много важных исторических документов, писем, книг, фотографий уже передано советским музеям и архивам семьи Нико Николадзе. И все же огромные сундуки и книжные шкафы каждой комнаты квартиры на третьем этаже и по сей день хранят бесценные для исследователей клады еще неизвестных материалов из различных областей знаний, будь то история общественной мысли, искусство, техника и даже спорт.

...Старая железная кровать — таких сейчас, пожалуй, и не увидишь в домах — с глубоко продавленной, свисающей почти до пола сеткой занимает угол комнаты. Над кроватью — таблица Менделеева, портреты Петра I, Ломоносова, бывших хозяев этой квартиры — Нико Николадзе и его супруги Ольги Гурамишвили. У другой стены — старинный комод, привезенный Нико Николадзе из Парижа. Все как было при жизни хозяев первого поколения.

В этой квартире всегда можно открыть что-то неизвестное. Дочь Нико Николадзе — Русудан Николадзе рассказывает удивительные истории. Например, на стене одной из комнат квартиры вдоль карниза — театрально-фресковая роспись. Авторы ее — известные русские художники Сергей Судейкин и Савелий Сорин. Рисунки до метра в высоту и длиной до 30 метров представляют героев оперы «Паяцы» — Арлекина, Коломбину и Пьеро с гитарой в руках.

Здесь также — портрет знаменитого французского трагика Жюльена-младшего в роли Сирано де Бержерака. Полишинель, паяцы, театральные декорации, костюмы старинной классической пантомимы, несколько масок, выражающих радость, печаль, комизм, попутан и ласточки — превосходная театрально-декоративная роспись, украшающая комнату.

— Отец мой, — рассказывает Русудан Николадзе, — переселился в этот дом в 1920 году, а прежде здесь помещался клуб и, кроме того, русский камерный театр, антрепренером которого была известная актриса Елизавета Жихарева. Рисунки на стене относятся к тому периоду...

Когда в 1920 году семья Нико Николадзе переехала на улицу Ганова, в бывший театральный клуб, который состоял из семи комнат, в них был сделан ремонт. Только большую комнату, стены которой были расписаны фресками, Нико Николадзе не отремонтировал, чтобы оставить истории грузинской живописи этот замечательный образец искусства.

...На большом столе — стопки книг и журналов, газеты и фотографии, сотни писем на грузинском, русском, французском, немецком, английском языках — корреспондентов из Советского Союза и всех стран Европы, переписывающихся с дочерью Нико Николадзе — Русудан. Именно о ней хочется вести свой рассказ.

— Хотите взглянуть на мои самые ценные сокровища? — спрашивает, улыбаясь, Русудан Николаевна. Она открывает потайной ящик комода и показывает два ордена Ленина, два

ордена Трудового Красного Знамени, другие награды, полученные ею в разные периоды жизни. Крупный ученый Русудан Николадзе, сделав значительный вклад в развитие химии, получила звание заслуженного деятеля науки, снискала огромную любовь как прекрасный и опытный педагог. Среди ее воспитанников — академики, профессора, руководители крупных производственных объектов и учреждений, изобретатели и.

Русудан Николадзе в соавторстве с братом — Георгием Николадзе и группой коллег составила первый «Русско-грузинский технический словарь». В 1925 году тот же авторский состав создал «Грузинско-русский и русско-грузинский технический словарь». Она ввела в обиход грузинского научного словаря и утвердила в нем много терминов, прочно вошедших впоследствии в техническую научную литературу.

В период работы в Народном комиссариате просвещения (1921—1925 годы) она написала учебник для детских садов и начальных школ «Прамота в детоких садах и трудовых школах», который по содержанию и богатству материала, огромной осведомленности в области детской психологии не потерял своего значения и сегодня.

Существуют ли тревоги, беды, радости у близких, родных, у студентов, которые Русудан Николаевна не принимала бы к сердцу? Вряд ли. Так же как не существует в ее обиходе и общении с людьми «дипломатических приемов», обходных путей и неискренних суждений. Она прямолинейна — без обиняков выскажет вам в лицо все, что думает, — хорошее и не очень приятное. Не терпит зла, подхалимства, фальши. Каждое ее движение, жест, мысль, слово продиктованы добротой и правдой. Правда — во всем: во взаимоотношениях с людьми, во всех сферах деятельности — это главная философская концепция человека, ученого и педагога Русудан Николадзе, усвоенная ею еще с детоких лет от родителей.

Русудан Николадзе прожила необычайно интересную жизнь, пройдя большую школу революции, получив образование в высших учебных заведениях России и Европы.

Родилась Русудан Николадзе в Петербурге в 1884 году 16 декабря по старому стилю. Детство ее прошло в родном селе Диди Джихаиши. В 1895 году семья Николадзе переехала в Поти, где ее отец был избран городским головой. В 1896 — 1898 годах училась в Кутанской женской гимназии святой Нины, позднее (1898—1904) — в первой женской гимназии Тбилиси, которую окончила с золотой медалью. В 1909 году Русудан заканчивает физико-математический факультет Петербургского женского педагогического института, а в 1913 году — Петербургский университет по физико-химическому отделению, где ее и оставляют для продолжения научной работы. В ту пору там работали такие известные химики, как Владимир Ипатьев и Сергей Лебедев.

С 947935720
0230190933

В каждый свой приезд в Париж Русудан слушала в Сорбонне лекции Марии Кюри, Муассана, Ле Шателье, а в Верлине вместе со своим братом — Георгием — лекции Зомбарта и других известных профессоров. В Швейцарии она встречалась и дружила с известными философами Циглером и Лапшиным. В Женевском университете слушала лекции знаменитых профессоров-химиков Гребе и Кермана.

1912 год. Прага. Волнующие впечатления от знаменитых часов Тихо де Браге на башне здания городской управы, жилых пещер алхимиков и выдающегося открытия Жигмонда — ультрамикроскопа.

1913 год. Путешествие из Петербурга в Норвегию. Там Русудан присутствовала на встрече вернувшегося с Южного полюса Амундсена с Нансеном.

1917 год. Русудан Николадзе возвращается на родину и активно включается в просветительскую работу. Вначале она работала в школах Диди Джиханши (до 1921 года), а потом в Тбилисском университете — в лаборатории знаменитого химика Петре Меликишвили, где слыла его талантливой ученицей.

Необычайная образованность, широта интересов, эрудиция развивались в Русудан не без влияния ее отца Нико Николадзе и матери Ольги Гурамишвили, которая была блестящим педагогом и передовой женщиной, поражавшей многих русских и европейских писателей и политических деятелей своим острым умом, знаниями и красотой.

Круг родственников и друзей Нико Николадзе состоял из писателей и общественных деятелей. Среди них и проходили детство и юность Русудан. Женой писателя Георгия Церетели была тетка Русудан — Олимпиада Николадзе. Вторая сестра Нико Николадзе — Фросико была замужем за известным педагогом и общественным деятелем Алексием Чичинадзе. Замечательный художник и общественный деятель Давид Гурамишвили был братом матери Русудан — Ольги Гурамишвили.

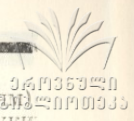
Двери университета в царской России до 1907 года были закрыты для женщин. Нико Николадзе воспользовался своим большим авторитетом и широким кругом друзей (не только в Грузии и России, но и во всей Европе), чтобы на два года раньше устроить Русудан в Петербургский женский педагогический институт (ныне имени Герцена), во главе которого стоял известный историк Платонов. Этот институт, называвшийся «женским университетом», предоставил Русудан возможность для изучения избранных ею различных отраслей знаний. Передовая группа молодых талантливых преподавателей этого учебного заведения была тесно связана с самой передовой общественностью Москвы и Петербурга того времени — писателями, композиторами, деятелями театрального искусства. Профессора химии — Верховский и С. Лебедев, музыковед и философ Лапшин, историк Полневков, который преподавал

историю искусств, — разделяли передовые идеи студентов и сочувствовали им. Они не могли не обратить внимания на выдающуюся группу золотых медалистов, жившую интенсивной жизнью, не пропускавшую ни один интересный концерт, постановку или выставку. Всю эту группу студентов исключили из института за сочувствие демонстрации 9 января 1905 года. Группа передовых преподавателей вступилась за них и добилась восстановления в институте всех двадцати девушек.

А вокруг кипела богатая событиями литературная, музыкальная и театральная жизнь. Уже на первом курсе Русудан приобщилась к только что созданному театру Комиссаржевской. Волнуют воображение преисполненные революционного духа пьесы Горького, Чехова, Андреева и Ибсена — «Дачники», «Дети солнца», «Чайка», «К звездам», «Жизнь человека», «Строитель Сольнес»...

К сезону великого поста из Москвы приехал Художественный театр, где в тот период работали два грузинских режиссера — Вахтанг Мчедlishvili и Акакий Пагава. «Генералитет» этого театра — Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов и Лужский были близки с Полиевктовым и его университетским кругом и сразу же по приезде в Петербург стали постоянными его гостями. Бывали они и в доме профессора Преснякова. Благодаря Верховскому и Лебедеву Русудан познакомилась с Сомвым и Добужинским, Соринным и Судейкиным, с Остроумовой-Лебедевой, Лидией Верховской. Это общество собиралось то в одном, то в другом доме. Старшая сестра Верховского Ольга — художница, была женой известного музыкального критика Каратыгина, и по пятницам у нее собирались лучшие представители предреволюционного Петербурга. Одни приходили сюда из театра, другие — с заседаний. Здесь можно было увидеть и послушать Шляпина (если только он в эти дни не в Петербурге). Для Скрябина и Рахманинова здесь всегда стояли наготове два рояля, на которых они исполняли самые значительные свои произведения. Здесь Русудан довелось услышать в исполнении Каратыгина и Лапина «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского, вынесенную Стасовым из публичной библиотеки и переданную Каратыгиным для двух роялей. Впоследствии эта опера впервые была представлена в московском Большом театре в зимний сезон 1913—1914 годов.

На этих «пятницах» собирались и писатели нового направления, которые приходили сюда с поэтом Юрием Верховским (братом Ольги), Лидией и профессором Вадимом Верховскими. Русудан Николадзе здесь часто встречалась с Ремезовым, Демьяном Бедным, Всеволодом Ивановым, Федором Сологубом, Кузминым, была дружна с художниками Соринным и Судейкиным. На «каратыгинских пятницах» Русудан прислушивалась к жарким спорам, обмену мнениями, была свидетельницей «острых столкновений верований и убеждений». Вообще в Петербурге тех лет многие передовые семьи бла-

годаря принятым в то время журфиксам (назначенным днями представляли собой живые очаги различных областей науки и искусства. У Каратыгиных — пятница (раз в две недели), у Верховских — суббота, у Лебедевых — среда, у химика Ипатьева — четверг. «Седьмым небом» музыкальной жизни была «открытая суббота» в семье композитора Римского-Корсакова. Русудан была принята и в этом доме, поскольку старший сын композитора Римского-Корсакова — Михаил читал Русудан курс зоологии, а сам композитор Н. А. Римский-Корсаков особо почитал отца Русудан — Нико Николадзе.

К европейской культуре Русудан приспособилась с детства. Вместе с родителями и другими членами семьи она объездила большие города Европы — Париж, Лондон, Берлин, Рим, Женеву, Вену, овладела французским, немецким, английским, итальянским и чешским языками.

Диспуты и жаркие споры, обычно происходившие в доме Нико Николадзе в Тбилиси, Кутаиси, Поти или Джихаиси, в Москве или Петербурге, в Париже или Лондоне, Женеве или Берлине, в Цюрихе или Риме, пропущенные через сознание любознательной и способной девушки, ложились на страницы ее дневника. Рождались любопытные записи. Еще когда ей не было девяти лет, она сделала крупными буквами запись в своем дневнике:

«Вчера произошло поразительное событие: умершего 50 лет назад поэта Николаза Бараташвили перенесли из Ганджи в Тбилиси и здесь похоронили».

Мать настаивала, чтобы она продолжала вести дневник в течение длительного периода времени. Сегодня эти пожелтевшие тетради являются прекрасным документом эпохи. Они уже опубликованы в грузинской прессе и нашли живой отклик читателей.

Вот крупные строки некоторых ее воспоминаний:

«Я и моя младшая сестра Тамро с 27 февраля и до середины лета день и ночь дежурили в Таврическом дворце и обслуживали исполком рабочих и солдатских Советов. Мой брат Герсгий, который в это время работал инженером в Донбассе, приехал ко мне на месяц в Петроград. А я и Тамро вместе с моим супругом, историком Михаилом Полиевктовым, с большим увлечением собирали материалы допроса политических деятелей для созданного 28 февраля нового общества — «Общества изучения революции»...

Мы часто встречались с Лениным, дежурили у его телефона. Он беседовал с нами, узнавал, кланялся. Вместе с родителями всей семьей мы слушали его выступления на съездах рабочих и солдатских Советов, а произнесенную им речь об аграрной политике мы слушали в Совете крестьянских депутатов. Для меня навсегда незабываема та весна исторического 22 мая в городе на берегу Невы».

Русудан Николадзе живая свидетельница и участница многих интересных исторических событий. Об этом она напи-

сала в своих воспоминаниях «Незабываемые дни Иосифа Сталина», которые в семидесятые годы были напечатаны в журнале «Дроша» и касаются встреч Русудан Николадзе с Лениным в период 1905—1917 годов в Женеве и Петрограде. Затем эти воспоминания были опубликованы на страницах «Литературной Грузии» (1970 г., №№ 2, 3, 4). Воспоминания Русудан Николадзе вызвали широкий отклик не только в Грузии, но и во всем Советском Союзе.

1884 год как год рождения Русудан Николадзе — всерьез воспринимать невозможно. Эта дата кажется нелепой ошибкой, когда видишься с женщиной, которую по кипучей энергии, трудоспособности, феноменальной памяти хочется подключить к нынешней молодежи. Послушайте, с какой страстью она рассказывает о событиях далекого прошлого, о своих встречах с Илей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Ионной Меунаргия, и вы убедитесь, что бремя многих лет не повлияло на ее живое мышление и активность. В 1970 году член-корреспондент Академии наук Украины Алексей Боголюбов написал Русудан Николаевне в своем личном письме: «Ваши мемуары, в той части, в которой они печатаются в «Литературной Грузии», я читаю и восхищаюсь Вашей работоспособностью».

Труд, работа для Русудан Николадзе источник жизни и счастья, это ее молодость и ее настоящее. Она много читает, отвечает на письма, идущие к ней огромным потоком из разных уголков мира, просматривает пожелтевшие документы своего архива.

Мемориальный дом Русудан Николадзе — это учреждение, архив-музей, куда постоянно приходят люди, приезжающие со всех концов Советского Союза и стран Европы.

«Я еще не разделалась с «интервью» в связи с пепельницей моего отца, которое было опубликовано в газете «Новое обозрение» в 1887 году, — пишет Русудан Николадзе, — когда в 1970 году я получила письмо от московского профессора Сергея Куликова, в котором он меня просил:

«Многоуважаемая Русудан Николаевна!

Занимаясь собиранием сведений, относящихся к роду Линевых, я встретил затруднение в поисках материалов, связанных с революционером Николаем Логиновичем Линевым.

Обращение за помощью к Вам связано с двумя заметками в газете «Правда» № 86 от 27 марта 1970 г. и «Вечерняя Москва» от 30 июня 1970 г., в которых упоминается Ваше имя.

Николай Логинович Линев был связан с Николаем Николадзе — эти сведения я получил из журнала «Каторга и ссылка» (Историко-революционный вестник 3—32 Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1927). Другое сведение есть в журнале «Колокол» № 114. Прибавочные листы к «Полярной звезде», лист 114 от 1 декабря 1861 г. («Колокол», газ. Лондон — Женева 1857 — 1867 гг.).

04935321
2022010333

вып. 4, М., 1962, АН СССР. Институт истории, с. 955).

В книге Ираклия Андроникова «Я хочу рассказать Вам...» (М., 1965, изд. «Советский писатель») есть иллюстрация—фотогруппа. Я просил Гос. литературный музей Грузии (Тбилиси) сообщить, нет ли на этой фотографии Линева. В ответ я получил всех изображенных на фото, но Линева среди них нет.

Быть может, у Вас есть какие-либо сведения, связанные с Н. Л. Линевым, я буду чрезвычайно благодарен Вам за любые материалы, связанные с фамилией Линева.

Профессор С. Куликов».

Русудан Николадзе удовлетворила просьбу профессора С. Куликова и направила ему ответ, который мы приводим полностью.

«Фамилия Линева оживила в моей памяти столько светлых воспоминаний о моих родителях, что я сразу же устремилась к томам Герцена, которые стояли на полках нашего домашнего архива, и там в 62-м томе (стр. 125) оказалась напечатанной в «Колоколе» Герцена групповая карточка, грузин и поляков Петербургского университета, которая снята осенью 1861 года в кронштадтских казематах, и там же перечислены фамилии всех.

И что главное, в этом же томе, чтобы не терять время на перелистывание других томов, на букву «Л» я нашла строчку: Николай Логинович Лиев, 85—86. С волнением развернула я эти страницы: не противоречат ли они с оставшимися в моей памяти рассказами матери? И наткнулась на прекрасный портрет Петра Лаврова, с которым было связано имя Линева. Только здесь Лиев упоминается в рекомендательном письме, посланном Лавровым в 1873 году Огареву из Цюриха в Женеву, как его друг в период ссылки в Тотьму.

Все это точно соответствовало рассказу моей матери о весеннем семестре 1875 года в Цюрихском университете, после которого они с осени переехали в Женеву. Вот что говорила мама, когда вспоминала дружбу общества группы грузинских студентов «Ярмо» и студенток русской женской группы — Веры Фигнер, Ольги Любатович и сестер Субботиных.

У студенческой колонии юношей и девушек, находившихся в то время в Цюрихе, во главе которой стоял политехник Иванэ Месхи, вызывало сильное удивление и поражало то, какие враждебные отношения были у групп: у «передовых» явного бакуниста революционера Сажина (его псевдоним был «Росс») с лавристами, во главе которых стоял секретарь издания Лиев, и всей группой Фигнер—Любатович. Оказывался, в один из дней, когда не было Линева, пылкий «Росс» так оскорбил (словесно) эти группы, что дело дошло до «кулачно-го боя», так как эти группы хотели защитить честь своего учителя Петра Лаврова. Приверженцы Сажина-Росса были

вынуждены позорно бежать. «Бежали робкие негрузины» — со смехом вспоминали в студенческой столовой этого чередом лох наши кавказские студенты, которые были изумлены этим зрелищем — как бежали мужчины с «поля боя» во время столкновения с девушками. Хотя пружины были слегка обижены на своего любимого поэта, Лермонтова, который так несправедливо вспоминает наших предков в своей бессмертной поэме «Демон».

Трудно передать, как переживали мы, учащиеся грузинские девушки прошлого века, это ужасное высказывание, которое совершенно не соответствовало отношению самого Лермонтова, Пушкина, Грибоедова к героическому прошлому нашей родины!..

Оказывается, Линева много смеялся по поводу «горячего боя», который произошел во время его отсутствия.

Вот то первое, что вспомнилось мне во время прочтения фамилии Линева. Второй же эпизод — более поздний, который произошел через 30 лет после цюрихского студенчества.

Это было уже в Петербурге во время второго поколения студенчества, в 1907—1910 годах, в период обучения, когда люди нашей земли устроили в бывшем Дворянском зале лекцию-концерт Димитрия Аракишвили о грузинском трехголосном хоровом пении, которое в те годы очень заинтересовало российскую музыкальную и научную общественность.

Вся грузинская колония берегов Невы и достаточно много москвичей-грузин были привлечены этим сенсационным для русских событием. Собрались все в известном концертном зале России, в том числе была и вся наша семья in corpore плюс друзья нашей молодежи, студенты, девушки и юноши, которые систематически собирались на наших веселых воскресниках в доме № 28 по улице Надеждина (ныне улица Маяковского).

И вот докладчик Димитрий Аракишвили, пока еще лекция не началась, познакомил моего отца, как знатока грузинского фольклора, с Евгенией Эдуардовной Поприц-Линева, которая была певицей, страстной собирательницей и исследовательницей русских народных песен, энтузиастом многоголосных песен, у которой был неоконченный спор на эту тему с Димитрием Аракишвили. Они познакомились в Московской консерватории. Спор у них был о том, чьи народные песни более сложны и музыкальны по многоголосью — русские или грузинские? Мой отец тут самостоятельно задает вопрос, когда Аракишвили их познакомил: Линева? У нас в университете был бунтарь Линева, которого, если не ошибаюсь, я встретил в Цюрихе несколько позднее.

— Это мой мук, — с радостью сказала наша очень симпатичная новая знакомая, — с которым я много лет провела в эмиграции.

Р35720
303 ПР1033

Вот что напомнил мне вопрос московского профессора
Все это я ему написала».

Нетрудно убедиться, что ответ на один вопрос вылился в интереснейшее воспоминание, где перед нашими глазами оживают страницы жизни известных деятелей литературы и искусства XIX века. Чего стоят одни имена! — Герцен, Огарев, Нико Николадзе, Дмитрий Аракишвили и другие.

В воспоминаниях Русудан Николадзе раскрыты замечательные факты традиционных русско-грузинских связей, дружбы наших народов.

Сейчас Русудан Николаевне 93 года. Она продолжает любовно разбирать архив своего отца Нико Николадзе, тщательно сохраняя даже такие, казалось бы, ничего не значащие бумажки лишь с указанием адреса: «В Тифлис. Садовая, 64. Его Высоксблагородию Николаю Яковлевичу Николадзе». Эта записка написана 85 лет назад — в 1893 году..

Сознание выполненного перед Родиной долга, преданное служение великому делу построения нового общества согревает старость Русудан Николаевны.

За плечами ее Большая Жизнь...

ГАРМ ПРОСИТ ЗАЩИТЫ

ПЯНДЖ ревел подобно загнанному зверю, неистово бился о камни, брызгал в бешеной злобе седой пеной, крутился в дикой пляске водоворота. А нависшие над ним угрюмые скалы надменно наблюдали за многовековым единоборством воды и камня.

Пяндж злился: грыз гранит, клочкотал и злобно смеялся над каменным безмолвием. А скалы молчали. Ведь камни не умеют говорить. Но они многое помнят.

Они помнят время, когда бурный пограничный Пяндж переплывали тигры. Резали скот, наводили страх и ужас на дехкан. Они помнят, как 13 апреля 1929 года перебралась на советский берег последняя крупная банда басмачей. Их было около семисот. Около семисот вооруженных до зубов головорезов, и в груди каждого клочкотала звериная ненависть к Стране Советов.

Главарь банды Файзули был человеком с крутым, необузданным нравом. Его не столько уважали, сколько побаивались. С трудом сдерживая воронного иноходца, который пугливо косил кровавым глазом на беснующийся невдалеке Пяндж, Файзули с нетерпением ждал возвращения Пименова.

Бывший казачий офицер, однако, не торопился. То, что начало оказалось таким удачным, пугало и настораживало. То, что если красные все знают и готовят ловушку?

Так и не дождавшись Пименова, Файзули послал за ним ординарца. Наконец появился Пименов. Держался он в седле просто великолепно. На лице ни тени волнения и только глаза, голубоватые, чуть-чуть навывкате, были настороженно-пугливыми.

— Ну, что скажешь, советник? — спросил Файзули.

Пименов уловил в интонации главаря издевку. «Тоже мне, Чингис-хан нашелся», — подумал он, но тут же взял себя в руки.

— Если здесь не оказалось красных, еще не значит, что путь наш будет усеян розами...

Зеленые глаза Файзули вспыхнули ядовито-желтыми огоньками.

— Надо поменьше пить, — процедил он сквозь зубы. — Может быть, тогда ты сможешь трезво оценить обстановку.

Пименов терпеть не мог, когда ему напоминали о его слабостях, но ссориться сейчас не хотелось.

— Меня интересуют данные разведки, — процедил Файзули.

Пименов достал карту.

— Здесь все спокойно, — ответил он флегматично, ткнув в нее пальцем. — Но что нас ожидает вот в этом районе — один аллах знает...

— Аллах с нами, — оборвал его Файзули. — Распорядись о привале. Выставь сторожевые посты. Двинемся дальше, когда стемнеет.

ГОРОД спал. И никто не предполагал о смертельной опасности, которая нависла над Гармом. В четыре часа утра по узкой улочке, окаймленной глинобитными домами, торопливо прошел старый телеграфист. Старик остановился у одного из домов и постучал в калитку. В ответ раздался лай, и вскоре вся улица залилась собачьим разноголосьем.

— Товарищ Кравчук, вам «молния» из Душанбе...

Калитка отворилась.

— Это вы, папаша? Входите, гостем будете.

Старик не раз бывал в доме председателя горсовета. Вернее, в его комнате, ибо дом принадлежал старой Насханум, пожилой женщине со скрюченными, узловатыми руками.

Председатель жил один. Семья его находилась в Душанбе, откуда Кравчука перевели в Гарм сравнительно недавно. Старика всегда поражали чистота и порядок в комнате председателя. И еще — обилие книг. Они были аккуратно уложены стопками прямо на полу. Поговаривали, что такого количества книг нет во всем Гарме.

Кравчук был невысокого роста, плотный, кряжистый. Он говорил не торопясь, словно взвешивая каждое слово.

— Садитесь, папаша. Сейчас будет чай, — сказал он, зажигая свечу.

Старик продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу. Потом протянул Кравчуку лист бумаги, пробуравив его глазами. Председатель уже научился разбирать каракули старого телеграфиста, но то, что было написано на бумаге, никак не укладывалось в голове. Кравчук перечел текст телеграммы еще раз:

«ГАРМ ТЧК ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРСОВЕТА КРАВЧУКУ ТЧК БАНДА БАСМАЧЕЙ ПЕРЕШЛА ГРАНИЦУ СОВЕТСКОГО ТАДЖИКИСТАНА ДВИГАЕТСЯ НАПРАВЛЕНИИ ГАРМА ТЧК ОРГАНИЗУЙТЕ ЗАЩИТУ ГОРОДА ТЧК ВАМ ВЫСЛАНА ПОМОЩЬ ТЧК КОМАНДУЮЩИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ ДЫБЕНКО».

Медлить было нельзя.

— Вот что, папаша. Идите к себе. Запросите от моего имени Душанбе. Впрочем, я сейчас напишу.

На лист бумаги легли четкие, написанные чеканным почерком строчки:

«ПРОШУ СООБЩИТЬ СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК БАНДЕ КТО КОМАНДУЕТ ТЧК БУДЕМ СТОЯТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО ТЧК».

БОСТАШВИЛИ просыпался всегда рано. Не успевало еще солнце позолотить вершины гор, а он был уже на ногах. В открытое окно врывался запах цветущего миндаля и молодой клейкой зелени.

Умываться он выходил во двор, делая это всегда с удовольствием.

Наскоро вытершись мохнатым полотенцем, Босташвили вернулся в комнату. На столе его уже ждал завтрак — пиала парного молока, острый овечий сыр, хлеб.

Конный завод, на котором работал Босташвили, был недалеко. Утро, как правило, начиналось с визита к Казбеку.

— Ну, как вам спалось, светлейший князь? — обращался Босташвили к стройному красавцу-коню и ласково трепал его по холке.

— Ладно, так и быть, дам тебе, стервецу, сахару. Знай мою доброту...

Казбек радостно фыркал, нежно брал губами сахар и театрально кланялся. Так было каждое утро.

К полудню щедрое весеннее солнце раскалило город. «К черту, надо до наступления лета уехать, — подумал Боста-

швили. — Вот только куда? В Тбилиси — там мать, сестры... может, к брату, в Кахетию? Подняться в Сигнахи и посмотреть на Алазанскую долину. Красотища! Дух захватывает. А что если махнуть в Москву, к Нине? Старшая сестра неплохо устроилась. Живет в Хамовниках. Рядом с домом плац. Эх, и лошадки там! Но Казбек лучше. Вот повезу его, красавца, в столицу — все ахнут...»

— Что ты здесь сидишь? — услышал он знакомый голос. — Потрясающая новость. К городу приближается огромный отряд басмачей. Две тысячи сабель. Надо смыкаться.

— Очередная «утка», — огрызнулся Восташвили, раздосадованный тем, что Амираджиби так бесцеременно прервал ход его мыслей.

— «Утка»?! Ты что, мне не веришь? Да посмотри, что творится в городе. Все только об этом и говорят.

— О чем говорят?

— Ты что, издеваешься надо мной? Хватит того, что я сижу в этой вонищей дыре из-за твоей проклятой дуэли. Дудки, дураков больше нет!

— Опять ты паникуешь.

— Паникую! Ха-ха-ха. Вот когда эти звери сдерут с тебя шкуру, я посмотрю, как ты запоешь.

— Сейчас не времена Фенимора Купера.

— Плевать мне на твоего Купера. Я хочу знать — едешь ты со мной или нет?

— Но это же бегство. Или, точнее, дезертирство.

— Дезертирство? Ну знаешь — это уж слишком. Я давно уже не под присягой. И я уезжаю. Понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Ну и черт с тобой. Кахетинское упрямство кроме неприятностей ничего хорошего тебе еще не приносило. Оставайся! Может быть, еще запишешься в отряд самообороны? Сам Кравчук его возглавляет.

— Может быть, и запишусь...

— Слушай, брось валять дурака. Едем.

— А чего ты так разволновался? Ведь ты же голубых княжеских кровей. Тебя басмачи не тронут.

— Идиот. Неужели же ты не понимаешь, что пуля — дура. Ей все равно, какая у тебя кровь — голубая или красная...

... Два советских работника, двенадцать учителей, три чекиста и один госбанковский служащий составили отряд самообороны. Было решено выслать его в горы, чтобы прикрыть подступы к городу. В течение полутора часов крохотный отряд сдерживал банду. Осталось двенадцать, десять, семь человек. Он послал с дехканином в город записку: «Остался один. Умру, но не сдамся». Он отстреливался до последнего патрона. Озверевшие бандиты растерзали его на части. Путь на Гарм был для них открыт.

НЕБОЛЬШОЕ, приземистое здание городского Совета напоминало разворошенный муравейник. Кравчук ходил по комнате, покусывая губы и лихорадочно думая о том, что делать дальше. Он сурово посмотрел на вошедшего в комнату Босташвили и подумал: этому что еще нужно?

— Мне некогда, — грубо оборвал Кравчук начавшего было говорить посетителя.

— Включите меня в отряд самообороны, дайте оружие.

Кравчук сначала опешил. Глаза председателя на мгновение уставились в Босташвили, и в них можно было прочесть все что угодно, кроме одобрения.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Товарищ Кравчук...

— Какой я вам товарищ...

— Я бывший офицер, умею обращаться с оружием. Я предлагаю свои услуги.

— То, что вы предлагаете, неприемлемо. Ясно? И точка!

Босташвили растерянно обвел глазами комнату и, как-то неуклюже повернувшись, пошел к двери...

В городе началась паника. Весть о том, что банда в восьми километрах от Гарма и помощи ждать уже неоткуда, облетела всех с быстротой молнии...

«Нет, надо еще раз поговорить с этим Кравчуком, — думал Босташвили. — Ведь должен же он понять, что я...» На глаза навернулись слезы, а к горлу подступил комок.

Кравчук отдавал последние распоряжения прямо здесь, на улице перед зданием горсовета. Какие-то люди сооружали неподалеку что-то вроде баррикады.

— Товарищ Кравчук...

Председатель резко обернулся. Теперь он уже рассматривал Босташвили с некоторым любопытством. Перед ним был человек среднего роста, смуглый, с глубоко посаженными карими глазами. Что он о нем знал? Бывший капитан царской гвардии, лишенец, поселился в городе несколько лет назад. Один из бывших совладельцев конного завода. Значит, эппман. Значит, контра!... «Ишь чего захотел, господин бывший, оружия. А может, рискнуть? Ведь людей-то действительно нет». Кравчук тут же отогнал эту шальную мысль.

— Оружие мы вам не дадим. Точка.

Тщетно выстукивал аппарат на душанбинском телеграфе:

«ГАРМ... ГАРМ... ГАРМ...»

Город молчал.

Всю ночь с 22 на 23 апреля штаб самообороны Гарма поддерживал телеграфную связь с командующим Среднеазиатским военным округом Дыбенко, находившимся в Душанбе.

«УДЕРЖАТЬСЯ НЕВОЗМОЖНО», — телеграфировали из Гарма.

«НИ КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СДАВАЙТЕ ГОРОДА ТЧК ПОДКРЕПЛЕНИЕ СКОРО БУДЕТ» — настаивал Дыбенко.

06.03.53 21
002-010133

Рано утром 23 апреля старик-телеграфист простучал Гарма в последний раз:

«ПАТРОНОВ НЕТ ТЧК ДОСТРЕЛИВАЕМ ПОСЛЕДНИЕ ТЧК СТРЕЛЬБА УСИЛИВАЕТСЯ ТЧК ДЕРЖАТЬСЯ НЕЧЕМ ПРОЩАЙТЕ ПРОЩ...» Лента неожиданно оборвалась.

О том, что происходило в эти минуты в Гарме, неделю спустя рассказала ташкентская газета «Красная Звезда»:

«Если бы не умолк аппарат, если бы не исчез старик-телеграфист, он на узенькой белой ленте выстукал бы повесть о славной смерти Босташвили.

Он рассказал бы, что на рассвете 23 апреля 1929 года несколько винтовок, дулами направленных против конницы Файзули, оказались свободными. Люди, державшие в руках эти винтовки, слегли под градом пуль...

Гражданин, товарищ Босташвили, принял на себя командование оставшимися в живых соработниками на одном из опаснейших для жизни пунктов.

Басмачам была хорошо видна фигура вытянувшегося во весь рост товарища Босташвили. До них ясно докатывался четкий голос командира маленького красного отряда: «По врагам революции, по контрреволюции — пли»...

СИЛЫ были слишком неравными. Уже смертельно раненный, Босташвили нашел в себе мужество подняться во весь рост и бросить в лицо озверевшим бандитам: «Да здравствует революция! Смерть бан...».

Он не договорил. Что-то ослепило его, земля стала уходить из-под ног...

Басмачи ворвались в город...

— Он еще жив, скотина, — процедил сквозь зубы Пименов, когда Файзули подъехал к тому месту, где лежал Босташвили.

— Кто этот человек? — спросил главарь басмачей, ни к кому не обращаясь. — Главный большевик города?

— О, нет, храбрый джигит, — прошамкал в ответ взявшийся бог весть откуда местный мулла.

— А кто же?

— Это бывший офицер царской армии. Он грузин. Люди говорили, что он бежал из своей страны, так как застрелил там достойного джигита, меньшевистского офицера...

— Копкари, — прохрипел Файзули в бешенстве.

Копкари — старинная игра таджикских конников. Она чем-то напоминает грузинское дело, только вместо мяча у всадников туша козла или барана. На сей раз жертвой стало тело Босташвили...

...Самолет вырулил на небольшую, слегка покатуя площадку, затерявшуюся среди высоких горных утесов. Три человека в военной форме торопливо спустились на землю.

— Товарищ Ключенко, — обратился командир бригады Шапкин к пилоту. — Так и передайте в Душанбе — пусть готовятся с десантом. Дорога каждая минута. Кавалерийский отряд идет к Гарму через горы. Сами знаете, там непроходимые тропы. А время не ждет.

— Слушаюсь, товарищ комбриг.

— Товарищ Сергеев, пока военком Федин прилетит на второй машине, необходимо связаться с кем-нибудь из местных жителей. Здесь поблизости есть кишлак. Прошу соблюдать максимальную осторожность.

Сергеев вернулся довольно скоро. Рядом с ним шел таджик невысокого роста, лет 25, одетый в залатанный ватный халат. Он торопливо стал рассказывать о героической гибели отряда, сражавшегося на подступах к городу, о защитниках Гарма, о бесчинствах басмачей. Комбригу стало ясно — ждать нельзя ни минуты.

— Товарищ, — обратился Шапкин к дехканину, — нам нужны лошади. Можете помочь?

Таджик утвердительно кивнул.

Шапкин стал уточнять план предстоящей операции.

— Товарищи! Нас пятеро. Басмачей в городе несколько сотен. Все решит быстрота и смелость. Они, судя по всему, не предполагают, что на них могут напасть. Надо действовать решительно. Разобьемся на две группы. Тимошенко и Сергеев останутся со мной. Товарищ Федин с помощью наших друзей-таджиков незаметно проберется в город под вечер и, выбрав наиболее уязвимую для неприятеля позицию, откроет огонь из пулемета...

КОМБРИГ и оставшиеся с ним командиры взводов Тимошенко и Сергеев засели среди утесов, ожидая сигнала. Было тихо. Где-то невдалеке перекликались юркие горные куропатки. Город был как на ладони — низенький, вылепленный из серой глины, он походил сверху на освежеванную шкуру барана...

Файзули сидел на пороге мечети, окруженный принарядившимися в парадные халаты муллами.

— Аллах даровал тебе победы, о, храбрый джигит великого эмира! Когда эмир вернется в священную Бухару, не забудь, господин, замолвить ему словечко о нас, его верных рабах. — заискивающе и как-то нараспев говорил главарию басмачей мулла, одетый в красивый шелковый халат.

Та-та-та-та-та — разорвала воздух где-то рядом пулеметная трель. Через минуту в город на полном скаку влетел комбриг с двумя командирами взводов.

— Пулеметы! Откуда пулеметы? — заорал Файзули, вскакивая на ноги.

Басмачи в панике выскакивали из домов, беспорядочно падали в воздух из винтовок.

Неизвестно чем бы кончился бой, если бы не Пименов. Заметив на несущемся галопом Шапкине знаки различия комбрига, он истошно заголосил:

— Файзули! Файзули! Спасайся!!! Нас атакует бригада красных.

Разве мог Пименов предположить, что Шапкин принял это рискованнейшее решение, не дождавшись прибытия десанта? Разве мог он подумать, что в Гарме комбриг был без своей бригады?

Главарь басмачей, расшвырял онемевших от ужаса мулл, вскочил на коня. Бандиты в панике бросились за своим предводителем.

...Через день в Гарме хоронили погибших героев. Комиссар подвел комбрига к братской могиле.

— Помнишь «Седьмого спутника», — спросил Федин. — Так вот, мы его сегодня хороним. Не в прямом смысле, конечно.

Федин подошел к самому краю могилы.

— Товарищи, — обратился он к собравшимся. — Среди тех, кого навечно приютит сегодня таджикская земля, находится бывший капитан гвардии Босташвили. Он умер героической смертью в борьбе за славное дело...

Сулхан ЖОРДАНИЯ

Лингвистические проблемы художественного перевода

УРОВЕНЬ ЛЕКСИКИ

ВИНТЕЛЛЕКТЕ человека локализована сложнейшая система интрасловесных отношений. Мы не только с определенной частотностью употребляем одни и те же слова, но ассоциируем их с одним и тем же лексическим кругом, связанным с употребляемым словом самыми разнообразными семантико-фонетическими отношениями. Словесные ассоциации классифицировались как основанные на антонимах (мокрый—сухой), синонимах (боль—страдание), подчиненных словах (фрукт—яблоко), соподчиненных словах (яблоко—персик), подчиняющих словах (яблоко—фрукт). Выделялись также ассоциации, основанные на аллитерации, рифме и каламбуре.

В многочисленных психолингвистических экспериментах было показано, что одни ассоциации могут быть относительно сильными, другие нет. В одном из экспериментов из тысячи испытуемых 650 со слово-стимулом lamp (лампа) в первую очередь ассоциировали слово light (свет). В другом эксперименте к слову **аплодисменты** 40 испытуемых из 50 дали ассоциацию **бурные**. Было установлено, что взрослые чаще ассоциируют синонимичные слова (семантический фактор.—С. Ж.), чем слова с одинаковым звучанием, и что дети чаще ассоциируют слово-стимул с такими словами, которые конкретизируют его, воспринимая сочетание слов как целостный элемент. Из 1000 испытуемых детей только 38 ассоциировали слово dark (темный) со словом light (светлый), в то время как 421 из них ассоциировали слово dark (темный) со словом

night (ночь). Что касается взрослых, то 221 из 1 000 ассоциировало слово dark (темный) со словом night (ночь), а 427 — со словом light (светлый).

Свободные ассоциации данного слова с остальными словами являются неотъемлемой частью его семантики. Впервые на это обстоятельство обратил внимание Ф. де Соссюр. Пучок интрасловесных отношений он назвал **ценностью** языкового знака, противопоставив данное понятие значению, т. е. ментальному образу предмета, называемого данным звуковым комплексом. Значение слова на уровне лексической семантики является ведущим, поскольку оно — основа номинации. Ценность лексического знака не дана непосредственно в процессе коммуникации — говорение, мышление базируется на значении слова. Мы не думаем о синонимах, антонимах, хипонимах, омонимах в процессе говорения, они погружены в глубь сознания, а на поверхность ее всплывают те значения слов, которые детерминируются контекстом.

Кроме этого, свободные ассоциации различаются между собой в разных языках по количеству разных ответов на слово, по характеру смысловых связей между исходными словами и ответами на них, по степени тесноты связей между словами, а перевод на лексическом уровне основан на значениях слов. Все это как бы ставит под сомнение правомерность отнесения ценности к семантике, к смыслу лексического знака.

В этой статье мы хотим остановиться на одном из интрасловесных отношений, которое, с нашей точки зрения, безусловно, является конститuentом реляционного (собственно лингвистического) значения слова, но которому обычно уделяется наименьшее внимание. Мы имеем в виду отношение, существующее между так называемыми «значениями слов», которые, с нашей точки зрения, идентичны омонимам. В большинстве психолингвистических экспериментов с интрасловесными ассоциациями данные ассоциации являются наиболее латентными (секретными), выявляющимися только лишь косвенно, через иные синтагматические и парадигматические отношения. В одном из экспериментов исходное слово square ассоциировалось в сознании испытуемых с такими словами, которые репрезентировали три значения, закрепленные за таким словом: 1) квадратный — круглый, круг, стол; 2) площадь — Красная площадь, Трафальгар, Пушкинская, проспект, улица, дорога; 3) сквер — парк, лес, зеленый, дерево. Отдельные значения слова в подобном эксперименте вырисовываются лишь с помощью классификации свободных ассоциаций.

Отношения между значениями слов мы рассматриваем как интрасловесные (внутрисловесные) отношения, основанные на абсолютной идентичности фонетической репрезентации формы слов и на **различной степени** их семантической близости. В большинстве случаев семантическая близость между значениями не является синонимичной, и поэтому случаи столкновения двух значений в одном и том же контексте очень редки.

Как уже было отмечено, в обычной речи, в процессе повседневной коммуникации отношения между значениями слов находятся в глубине сознания и не влияют в какой-нибудь значимой степени на содержание и форму высказывания. Од-

нако существование этих отношений и их релевантность (отнесенность) к семантике высказывания дает о себе знать, как только дело касается образного мышления и перевода. В стихотворении Анны Каландадзе «Наступает весна» встречаем следующие строки:

ნიავეარს შოაკვს ფჳინვა ველისა,
ბულბულნი ყეფენ...

Эти строки нас привлекли в силу следующих соображений. Слово ფჳინვა в грузинском языке имеет два значения: 1) издавать тихие звуки во время дыхания и 2) издавать аромат. Первое значение общеупотребительно, второе архаично. Несмотря на то, что мы знали оба значения названного слова, сочетание его со словом ვლე (поле) приобретало для нас некий оттенок образности. Настоятельно сильна связь звукового комплекса ფჳინვა с первым значением и настолько она слаба (в нашем сознании, — С. Ж.) со вторым (ввиду крайне редкой отмеченности его в синхронном срезе языка), что, несмотря на детерминирующее влияние слова поле на реализацию нужного значения **издает аромат, благоухает**, первое значение не было полностью исключено из контекста: **поле одновременно и благоухало и издавало тихие звуки во время дыхания.**

Мы говорим о легкой метафоризации, так как степень непредсказуемости данного сочетания слов не была достаточно высока в силу того, что мы знали оба значения слова ფჳინვა. Однако для среднего носителя грузинского языка такое сочетание слов является абсолютно непредсказуемым, так как архаичное значение слова — **благоухание** — для него неизвестно. Он воспринимает это сочетание как яркую метафору. Путь к контекстуальному значению в его разуме идет через звуковые ассоциации, он ищет те семантические связи, которые могли бы перекинуть мост от **тихих звуков, издаваемых во время дыхания** до того состояния или действия, которые могут быть характерными для поля в семантическом окружении таких понятий, как **ветер и весна.**

Взаимодействие этих факторов порождает такое контекстуальное, метафорическое значение, понятийно существенным компонентом которого выступает **шелест** взволнованного весенним ветерком поля, а факультативным — ассоциируемое с шелестом поля благоухание. Таким образом, налицо два разных впечатления — легкая метафоризация при одновременной реализации архаичного и общеупотребительного значения и яркая метафора — результат употребления слова в непривычном для него окружении.

Возможно или нет адекватное воспроизведение этих впечатлений на русском языке при использовании соответствующего слову ფჳინვა русского эквивалента? Вот тот вопрос, который спонтанно возник перед нами при чтении рассматриваемого стихотворения.

Начнем с первого впечатления. Оно достигается путем использования реальных (готовых) лексических ресурсов языка. Слово ფჳინვა не смогло бы создать в данном контексте данное впечатление, если бы оно наряду с общеупотребитель-

ним значением не имело также и архаичного. Это в сугубо стилистическом плане.

В логическом же плане, не содержа архаичное значение **благоухание**, а нечто другое, скажем **негодование, изумление, полет** и т. п., не было бы и диффузии значения, и впечатление было бы абсолютно иным. Наиболее близким по значению грузинскому слову ფშვობვა в русском языке является слово **сопение**. Оно не совпадает со словом ფშვობვა ни в наличии значения **благоухание**, ни в наличии какого-либо архаичного значения. Поэтому одновременная реализация двух значений механически исключается. Что касается яркой метафоры, то и в этом случае употребление данного слова не дает желанного результата.

Выражение: **Ветер несет сопение поля** — в семантическом и в эмоционально-эстетическом плане является сущей нелепостью. Это можно объяснить, в первую очередь, тем, что семантика этого слова в русском и грузинском языках не является абсолютно тождественной. В грузинском языке она разлагается на следующие компоненты: **дыхание, звуки, тихие**. В русском языке: **дыхание, звуки, свистящие, сильные**. Идентичной семантической основой у них, как видим, является: **звуки, издаваемые при дыхании**; однако они отличаются другими компонентами: в грузинском релевантным признаком является **тихие**, а в русском, как видно, этот признак нерелевантен. С другой стороны, для русского слова существенным являются признаки **сильные, свистящие**, а для грузинского нет.

Уже из подобного компонентного анализа ясно, что русское слово **сопеть** является в некотором смысле менее эстетичным по своему предметно-логическому значению, чем грузинское ფშვობვა, а уже это исключает возможность использования его в рассматриваемом контексте.

Кроме этого, мы верим в то, что, даже не ассоциируя слово ფშვობვა со значением **благоухание**, средний носитель грузинского языка интуитивно воспринимает его сочетание с **полем** как эстетически ценное, так как в глубине его языка существует такая модель метафоризации. Он может не знать все значения этого слова, но мог встретить их в прошлом, и этот психологический контекст может покоиться в сфере его подсознания. Примечательна в этом отношении и вторая метафора: ბულბულნი ჰყეფენ... в дословном переводе означающая **соловьи лают...** Несмотря на необычность данного сочетания слов (нечто грубое и менее эстетическое переносится на более возвышенное и прекрасное), средний носитель грузинского языка не воспринимает ее как надуманную, безобразную вычурность. ბულბულნი ჰყეფენ... в системе рассматриваемого стихотворения предстает перед средним носителем грузинского языка как оригинальная метафора. Вот типичная интерпретация данного словоупотребления читателями: «поют самозабвенно». И слово **соловей** и слово **лаять** в русском и грузинском языках имеют идентичные предметно-логические значения. Однако квантитативно - квалитативные ассоциативные отношения этих слов по линии омонимов резко отличаются. В грузинском языке, например, звукоряд ჰყეფ-ს характеризуется тем, что **лают** не только собаки, но и некоторые

птицы, например, орел, ворон, кроме этого характерным для звукоряда ზუფზ-ბ является и то, что этим словом раньше называлось и **пенне соловья**. Теперь в этом значении оно устарело. В русском языке звукоряд **лять** кроме основного значения имеет также значение **бранить, ругать** кого-либо: **ливень** крикивать ругательства. Оба этих значения сейчас являются устаревшими.

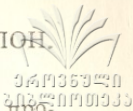
Наи представляется, что одним из существенных факторов, позволяющих грузинской поэтессе сказать ზუმბუმბო ზუფზებ и предостерегающих русского переводчика от выражения: **соловьи ляют**, являются вышерассмотренные конституенты ценности слова.

Очевидно, ценность является своеобразной частью семантики слова, регулирующей функционирование его в речи, она явление гораздо более сложное и многоаспектное, чем рассмотренное нами отношение. Не вызывает сомнения и тот факт, что структурные различия в лексических системах языков являются тем барьером, который пресекает всякие попытки дословного перевода. Это, в первую очередь, касается тех речевых отрезков, в конституировании логического смысла и эмоционально-эстетического содержания которых ценность составляющих их лексических единиц является решающим фактором.

Бесплодность дословного перевода в подобных случаях диктует переводчику обращение к другим лексическим ресурсам языка, другие пути интрасловесных ассоциаций, иногда довольно далеко отклоняющиеся от значений слов переводимого отрезка. В подобных случаях уже можно говорить не о переводе, не о воссоздании образа, а о рождении нового образа, адекватного образу оригинала по эмоционально-эстетической силе и логической гармонии с переводимым произведением. Это не всегда удается. В хорошо известном грузинским любителям поэзии стихотворении Г. Табидзе «Ветер» своеобразно соединяются, с одной стороны, архитектоника стиха, как бы передающая бесконечные порывы ветра, а с другой — единственная употребленная в нем метафора, не обыденное понятие, а яркий образ, животрепещущий перед глазами читателя. Дословный перевод метафоры-предложения, нив коей мере не претендующий на какое-либо воссоздание ее прелести, таков: «далекое небо просеивает туманные мысли». Переводчики Е. Николаевская и И. Снегова хорошо справились и с передачей архитектоники стихотворения, и с переводом всей его семантики, построенной на употреблении слов в их прямых значениях, но образ, корона прелести стиха осталась за пределами перевода:

Ветра стук, ветра звон, ветра стон,
Ветер листья несет с высоты...
На бегу гнет деревья в дугу,
Где же ты? Где же ты? Где же ты?..
Ливень льет, снег метет — мокрый снег, —
Не найти мне тебя не найти!..
Только взгляд твой со мною навек

Днем и ночью, в дому и в пути!
В ТУЧАХ СКРЫТ, В ТУЧАХ СКРЫТ НЕБОСКЛОН.
Ветра стук, ветра звон, ветра стон!..

Мы бы не сделали предметом анализа нашей статьи проблему перевода образного мышления, если бы случаи отказа от их воссоздания, либо несоответствие образа оригинала образу перевода были бы незначительными исключениями. Не-переведенная метафора из «Ветра» заинтересовала нас не только потому, что является существенной для данного стихотворения, но и потому, что те элементы, из которых она соткана — туман, мысль, небо... с исключительной гениальностью неоднократно использовались Важа Пшавела как в поэзии, так и в беллетристике.

Современная поэту эпоха не смогла с достаточной ясностью рассмотреть самое удивительное светило, поднявшееся из ее собственной ночи. Кто этот человек, который, как глубочайшая пропасть и высочайшая вершина, вызывает в нас изумление и поклонение? В чем заключается сила его творчества? Одним из наиболее существенных факторов, определяющих величие его произведений, является язык поэта и особенно тот его уровень, который в лингвистической литературе известен под именем семантического синтаксиса. Мастерство поэта в этом отношении заключается в том, что, замечая незамеченные до него миллионами людей семантические сходства между предметами и утверждая эти сходства самыми непредсказуемыми сочетаниями слов, он одновременно не отрывается от модели родного языка, не нарушает латентные и эксплицитные законы его структуры, сохраняя равновесие между конвенциональным, установленным и окказиональным, частным. Это равновесие существенно постольку, поскольку перевес в сторону окказионального часто приводит к вычурности стиля, а недостаточное отклонение от языковых моделей сочетания слов к его безжизненности. Важа Пшавела может сказать так:

ღარსად სჩანს, გამქრალა
თეთრი თმა შავის მთისაო,
ნაღვლით ნაქარგი, ნაქსოვი
სახე იმ სალის კლდისაო,
რო მუდამ მგლოვიარეა,
ცრემლი ანკარა სდიცაო.

Этот развернутый троп воспринимается как шедевр поэтического мышления, изображая идею в образах потому, что мысль, заключенная в нем, корнями уходит в глубь основной идеи целого произведения, она исходит изнутри поэмы, а не приходит к ней извне, и постольку является существенно необходимой; природа, нарисованная ею, возвышенна и прекрасна; форма выражения мысли необычайно оригинальна. В переводе читаем:

С неизъяснимою печалью
Глядит на кладбище утес,
Струя над немощною далью,
Потоки медленные слез.

Сопоставительный стилистический анализ оригинала с переводом ставит исследователя в крайне неудобное положение. Возникает парадоксальная ситуация. С одной стороны, ему известно, что дословный перевод даже на лексическом уровне часто является грубейшим искажением логического и эстетического содержания оригинала, с другой стороны, в случае неадекватности перевода оригиналу он с помощью опыть-таки дословного перевода старается показать, в чем перевод уступает (редко — превосходит) подлиннику. Но дословный перевод ведь не является идеальным переводом? Тогда зачем избирать его мерилom сравнения и оценки качества художественного перевода?

В ответ на поставленный вопрос следует заметить, что метод анализа, используемый нами, безусловно, несовершенен. Он заключается в том, что, сравнивая дословный перевод с поэтическим, мы постулируем веру читателя в то, что подстрочник является выхолощенным от эмоционально-эстетического содержания «скелетом» оригинала. И только переплавленный гением поэта — шедевром поэтической мысли. Подстрочник как бы является чертежом объекта, а оригинал его реальным воплощением. Используя этот метод, мы стараемся показать, в чем развернутый троп перевода уступает оригиналу. В оригинале говорится о том, что «лицо утеса вышито, соткано из скорби». Этой метафоре в переводе соответствует метафорическое предложение:

С неизъяснимою печалью
Глядит на кладбище утес.

Как видим, в данном случае переводчик пошел по пути свободного перевода, заменяя понятийные конститyенты метафоры. Однако образ в переводе, несмотря на это, является очень характерным для Важа Пшавела, для стиля его образного мышления «**печальный взгляд утеса**» является родным. И все-таки троп оригинала впечатлительнее, чем его переводной субститут. И вот почему. Во-первых, насколько нам известно, в обоих языках модель метафоризации, характеризующая неодушевленный предмет качествами (действиями, состояниями) живого существа, является более обычной, чем такая сложная модель, которая реализована в подлиннике: абстрактному существительному (психическое состояние человека) — **печали** — придается качество конкретного неодушевленного предмета, из которого можно что-то ткать: из **печали соткано лицо**; это очень малопредсказуемое сочетание: слово **ткать** обычно предсказывает неодушевленный предмет, **материал** и т. п., а не **лицо живого существа**. В переводе нет ничего такого, что бы соответствовало по степени непредсказуемости та-

ким сочетаниям, как «**ткать** нечто из печали» и «**ткать** из чего-нибудь **лицо** человека», именно человека, так как **утес** в данном контексте персонифицирован. Употребимые в переводе сочетания понятий «**утес — глядеть с печалью**» и «**утес — слезы**» гораздо более часто употребимы в произведениях Важа Пшавела, что и предопределяет в большой степени тот факт, что они несут меньшую эмоционально-эстетическую информацию, чем их субституты в оригинале. Определенная метафора может быть рассмотрена отдельно, изолированно от контекста с целью сосредоточения внимания на ней. Однако на ее сущность непосредственно влияет и окружающий ее контекст. Данной метафоре в оригинале предшествует блестящий образ, построенный на цветовом контрасте и сходстве **седины** с **белыми снегами** вершины горы:

нигде не видны, исчезли,
белые волосы черной горы.

Эта метафора в переводе не воссоздана, расширим немного границы анализируемого нами контекста. Три-четыре строки выше поэт говорит:

სიბნელე მოიპარება
სინათლეს სული ამოჰხდა.
Тьма подкрадывается,
свет испустил последний вздох.

В переводе читаем:

И тьма, подкрадываясь смело,
заволокла вершины круч.

Шедевр образного мышления: «испустивший последний вздох свет» переведен обыденной фразой. Отдельно взятый перевод данного дискурса — «**наступила ночь**» — читается с удовольствием, но оригинал стоит на голову выше, так как в переводе отсутствуют те элементы подлинника, которые приковывают взор читателя, заставляют его вдуматься в словесный образ. К сожалению, такие явления немалочисленны. Вот еще несколько из них:

მზე ჯერ არ ამოსულიყო,
ნამს ჯერ ბალახზე ეძინა,
Солнце еще не взошло,
роса еще спала на траве.

Перевод: Еще не выплыло светило.

Еще росой светился луч.

ღამესა სძინავ ისევა,
ჯერ არ გამძლარა ძილითა.
ცას არ გაუხსნავ გულ-მკერდი,
შაკრული ცეცხლის ღილითა,

Ночь опять спит,
еще не насытилась сном.
Небо еще не расстегнуло грудь,
застегнутую огненными пуговицами.

Перевод:

И ночь, распростершись кругом,
Застыла в безмолвном покое.
Застегнут небесный кафтан
Застежкой из перламутра.

(«Этери», перевод Н. Заболоцкого)

И «безмолвная ночь», и «распростертая кругом ночь...» и т. п. довольно часто употребляемые в поэзии сочетания слов, а «не насытившаяся сном ночь» принадлежит только Важа Пшавела. «Застежка из перламутра» — прозаизм, «пуговица из огня» — образ; «не расстегнутая грудь неба» — бесконечно более выразительное сочетание понятий, чем «застегнутый небесный кафтан».

И еще:

სუღარჩაცმულნი მთანი დგან,
ფიქრის მზიდველნი მწარისა,
Стоят горы, одетые в саван,
несут они на себе горькие мысли.

Перевод:

Могильным саваном одеты,
Томятся горные хребты.

Поэт, сказавши так: ხსელი ფიქრის მთებისა — «Туманы — раздумье гор», — мог представить себе и горы, несущие на себе мысли (туманы. — С. Ж.).

Выражение «томятся горные хребты» не стало поэтическим штампом, оно еще воспринимается как живая метафора. Однако какая пропасть разделяет ее от образа, отмеченного в творчестве Важа Пшавела и нигде больше! Еще раз подчеркиваем, что для того, чтобы сказать так, нужно было обратиться к горам и с такой просьбой:

მთებმა ახარონ ყვავილნი,
კისრით ატარონ ნისლები,
მკვდარს გულზედ ნამი მანამონ, —
ისევ ცოცხალი ვიქნები.

Пусть горы радуют цветы,
несут на своих шеях туманы,
окапливают мне, мертвому, росой
грудь, —
я снова буду живым.

«Горы, несущие на своих шеях туманы», «Горы, несущие на себе горькие мысли», «туманы — раздумье гор» — все это исходит одно из другого, предполагает друг друга и в какой-то мере выражает миропонимание поэта, его манеру видения «вещи» через призму поэтического слова. Не переводить это нельзя. Нельзя также и переводить их образом, находящимся по ту сторону оригинальности и поэтического вдохновения.

Подводя итоги вышеизложенного, хочется отметить, что такие языковые феномены, как шедевры образного мышления гениального мыслителя и художника слова Важа Пшавела, представляют для переводчика трудность самой высокой категории.

Сущность данной трудности заключается в том, что смысл слова двулик: с одной стороны, он представлен экстралингвистическим единством понятия, ментальной картины и предмета, с другой — ассоциативной сетью, «сотканной» в человеческом интеллекте отношениями между данным словом и ассоциирующимися с ним словами. Ассоциативная сеть, т. е. ценность слова — сугубо национальна. Кроме того, не менее существен и тот факт, что поэт, обладая уникальным, присущим только ему одному талантом улавливания сходства между как будто бы никак не сопоставимыми явлениями, качествами и предметами вселенной, утверждает это сходство поэтическим словом. Таким образом, национальные языковые особенности, лежащие в основе тропа, умножаются на особенности субъективные.

Несмотря на это, мы верим в принципиальную возможность адекватного перевода поэзии Важа Пшавела на русский язык. Верим потому, что русский язык велик. Обладая богатейшими лексическими ресурсами, он дает возможность переводчику решать проблемы «непереводимости» в самых отдаленных тайниках своей системы, порой заменяя полностью конституирующий образ слова, но, несмотря на это, достигая адекватного логико-эмоционального эффекта.

Да, образы Важа Пшавела стоят на недостижимых высотах словотворчества. И это говорит о том, что, прежде чем приступить к переводу данного произведения, следует четко отделить в нем несущественное от существенного и поставить это последнее в фокус наиболее тщательного анализа. Однако для того, чтобы углубиться в сущность определенного образа, не следует ограничиться рамками переводимого произведения. Для этого надо изучить всю систему образов его творчества. Тогда переводы его произведений будут звучать как ориги-

налы и рассыпанные в них щедрой рукой жемчужины не потускнеют, а будут гореть и переливаться разнообразными оттенками, как в этом венке из смеха и скорби поэта:

Золотея, эфир просветится
И в восторге сгорит.
А над морем садится
Ускользящий солнечный щит.
И на море от солнца
Золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
Среди всплесков тоски.
Встали груди утесов
Средь трепещущей солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
Полон крик альбатросов:
Дети солнца! Вновь холод
бесстрастия:
Закатилось оно —
Золотое, старинное счастье,
Золотое руно.

СТАЛО доброй традицией по-братски широко отмечать в столице Грузии — Тбилиси праздники армянской литературы и искусства.

В последние годы здесь торжественно прошли юбилеи таких великих классиков армянской литературы, как Сундукян, Исаакян и Демирчян. Юбилейные вечера славных сынов армянского народа вылились в демонстрацию многовековой дружбы наших народов, еще раз подтвердив их духовное единство.

На этот раз грузинский народ отдает дань уважения памяти замечательного певца дружбы и братства народов, певца революции, великолепно представляющего не только армянской, но и всей многонациональной советской поэзии — Егише Чаренца.

Григол АБАШИДЗЕ

„Дерзать!“ — призывал Чаренц

НА ТРИБУНЕ первого Всесоюзного съезда советских писателей стоял невысокий худощавый человек, Оратору — армянскому поэту Чаренцу — было тогда 37

лет. Он был уже широко известен и переживал расцвет своего незаурядного таланта. Его речь была внимательно выслушана, и, как свидетельствует стенограмма съезда, заключи-

Из выступления на юбилейном вечере в Москве, во МХАТе, 20 февраля с. г.

тельная часть выступления, когда Чаренц обратился к своим коллегам по перу, прошла под аплодисменты.

«Каждый из нас должен не покладая рук работать, закаляясь в социалистической практике, овладеть высотами человеческой культуры, — говорил Чаренц. — И кто из нас органически выполнит это основное условие, тот окажется в авангарде нашего сегодняшнего и завтрашнего великого искусства. Я не представляю большей чести для писателя. Итак, необходимо, с одной стороны, трудиться, трудиться и трудиться, с другой — дерзать! Да, товарищи писатели, надо дерзать!»

И вот сегодня сбылись эти слова поэта! Он удостоился той большой чести, о которой так взволнованно говорил сорок четыре года назад. Чаренц — в авангарде нашего сегодняшнего искусства, которое для него было искусством будущего, искусством завтрашнего дня.

Его поэзия выдержала испытание временем, потому что сам он выполнил основное требование, поставленное им же самим перед писателями: с упорством древних мастеров армянской миниатюры и зодчества поэт вдохновенно трудился над родным словом, чтобы придать ему новый блеск, сообщить ритм крушения старого мира и строительства нового, светлого, коммунистического будущего.

Родина Чаренца — Армения, одна из самых древних стран мира, отстаивавшая в непрерывной, неравной борьбе против иноземных захватчиков свое существование, вносила свой неповторимый вклад в

сокровищницу мировой культуры. Благодаря рассказам Плутарха и Тацита каждый грамотный человек знает о славных победах героев древней Армении над железными легионами Рима и полчищами парфян.

Но Армения пережила куда больше черных дней в своей многовековой истории, начиная с распада великой Армении вплоть до турецкого геноцида — этого позорнейшего эпизода новой истории человечества.

«Оплакиваю тебя, земля армянская, оплакиваю тебя... У тебя нет более ни царя, ни церея, ни советника, ни учителя», — писал историк древней Армении. Раны родины стали источником вдохновения для всех армянских поэтов на протяжении многих веков. Лучшие поэты страны подобно библейским пророкам оплакивали развалины прекрасной отчизны. Этот плач дошел до нашего времени.

Чаренц был первым из выдающихся поэтов Армении, кто увидел в победе Великой Октябрьской социалистической революции гарантию спасения и возрождения родного народа. С этой верой вступил он в ряды Коммунистической партии и встал под ружье, чтобы на фронтах гражданской войны защищать молодую Советскую власть, которая несла свободу всем угнетенным народам бывшей Российской империи.

Это он написал первые в армянской литературе стихи о Ленине. Пролетарский интернационализм стал компасом его творчества: Чаренц воспевал дружбу и любовь между народами и этим утверждал величие своего народа.

Грузинский народ разделяет радость армянского народа, чувствуя вместе со всеми народами нашей великой страны память его прекрасного сына, одного из лучших представителей многонациональной советской поэзии, одного из ее основоположников и классиков, стихи которого впервые были напечатаны в Тбилиси.

Чаренц был большим другом Грузии. Его связывали братские творческие интересы грузинскими поэтами. Немало вдохновенных строк он посвятил строителям новой Грузии.

Чаренц живет и будет вечно жить. Его благородные мечты сбылись. Он работал на будущее и сегодня из этого прекрасного будущего обращается к нам, ободряя: «Да, товарищи писатели, надо дерзать!».

В САМЫЙ разгар приемных экзаменов в вузы в грузинских газетах была опубликована корреспонденция, вызвавшая много споров и разговоров. Один из абитуриентов, говорилось в сообщениях, прийдя сдавать документы для поступления в Тбилисский университет, узнал, что ..он уже зачислен на филологический факультет без вступительных экзаменов.

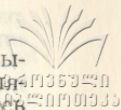
Оставим в стороне пересуды вроде того, что подобные «сюрпризы» сами собой не рождаются и для самого поступающего неожиданностью быть не могут, отнесем эти детали за счет журналистских преувеличений. Кампания вступительных экзаменов отшумела до следующего года, страсти более или менее улеглись. Остался факт, требующий оценки.

Итак, что же произошло? Юноша, со школьной скамьи проявлявший исключительный интерес и способности в избранной области науки, неоднократно выступал на школьных научных конференциях городского и республиканского масштаба, его работы по древнегрузинской филологии привлекли внимание специалистов, получали награды и поощрения. Министерство просвещения республики совместно с ЦК ЛКСМ Грузии вошли с соответствующим ходатайством в компетентные органы, и...

«Гагнидзе Мераба Вахтанговича зачислить на филологический факультет Тбилисского государственного университета по специальности грузинский язык и литература — без вступительных экзаменов».

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ПОСЛЕ БАЛЛА

...Знойный тбилисский август. Площадка перед новым высотным зданием Тбилисского университета, открытая палящему солнцу и горячим ветрам, сплошь забита людьми. Здесь абитуриенты, ожидающие вызова на экзамен, их родные, близкие, друзья-болельщики. Толпа накалена до предела: и от жары, и от ожидания с волнениями, и от всевозможных предвещаний-заманочных слухов.

Там, за неприступными дверями, совершается таинство конкурсных испытаний, там проходят через препоны отбора и лабиринты опроса, там решаются судьбы... Вот на открытом пространстве лестницы показывается очередной абитуриент — радостный или огорченный, возбужденный или утомленно-обессиленный, торжествующе поднявший растопыренную палочку или скрывающий горькие слезы разочарования. К нему бросаются со всех сторон, окружают близкие и вовсе незнакомые, поздравляют, успокаивают, расспрашивают...

И вдруг — как гром в этой наэлектризованной атмосфере, как взрыв бомбы — известие о счастливчике, невесть как избежавшем всех этих треволнений и переживаний, конкурсных страхов и нервоотрепки! Пусть утверждают, что это явление незаурядное, что много лет беззаботной школьной юности пожертвовал он своему увлечению, что его работы с уважением изучают специалисты... Ну и что ж? Может, и у моего сына способности не меньше? Может, и моя дочь — талант?!

Точка зрения, с которой нельзя не считаться, поскольку она не просто выражает отношение многочисленного общественного слоя, но и отражает извечное противоречие между установленным порядком и исключением из этого порядка вообще. Тем более что речь идет и об интересах государства, общества в целом, и о судьбах конкретных людей, только вступающих на жизненную стезю.

* * *

Однако прежде — одно недавнее воспоминание. Меня пригласили принять участие в «традиционном сборе»: выпускники-филфаковцы Тбилисского госуниверситета отмечали очередную годовщину выпуска. Радость встреч и узнавания после разлуки, воспоминания о минувших увлечениях и ссорах, шутки по поводу поредевших шевелюр — все как обычно.

И конечно, вопросы, вопросы, и главный из них: где ты сейчас, что делаешь, кем работаешь?

Не навязываю своих выводов социологам — где-то, очевидно, положение лучше, где-то, наоборот, хуже, но в целом картина была, думаю, типичной: рядом с законными и благополучными отпрысками филфака — педагогами-словесниками и научными работниками — лингвистами и литературоведами за столом сидело больше половины «свернувших с курса». И если у некоторых — скажем, журналистов или издательских

работников — крен оказался не столь уж крутым, то у других он был по меньшей мере неожиданным. Сидели тут директор чайной фабрики, инструктор ДОСААФ, товаровед торгового предприятия, преподаватель начальной военной подготовки...

Согласен на коррективы. Пусть не половина (хотя газетных и издательских работников тоже лучше готовить специально, а не перелицовывать из филологов)! Пусть некоторые из изменивших ранее избранной специальности вполне довольны своим нынешним положением! Но если даже 20 процентов, закончив курс, потом круто ломают избранный однажды путь, значит, здесь что-то не так.

В минувшем году в вузы Грузии поступило 13 тысяч первокурсников, в целом по стране — 2 миллиона 400 тысяч человек. Каждый пятый из них может оказаться в числе тех, кто понял, что ошибся, что его судьба должна брать новый старт! Примириться с этим — значит заранее планировать тысячи неблагоприятных судеб, разочарований, миллионы государственных средств, затраченных на обучение, а затем на переучивание.

* * *

Выход — в совершенствовании системы профориентации молодежи, о чем много пишут и говорят в последнее время. Но хочется сказать — не только о тех, кто избирает себе вуз, специальность, профессию, но о тех, кого вуз, профессия должны выбирать сами.

Наряду с системой конкурсного отбора в вузы, отлаженной и действующей в настоящее время, интересы будущего науки, общества, государства требуют, чтобы в практику был введен и «конкурс» на освобожденных молодых людей, необходимых для данной отрасли науки и техники, для данной научной школы и направления, более того, чтобы в будущем эти исключения тоже составили систему.

В конечном счете это — забота о полном использовании научно-творческого потенциала целых поколений. Полном и своевременном.

Проблема эта, конечно, носит не локальный характер. Так, Мартин Трой, американский специалист по социологии образования, пишет, что правительство США (кстати, автор прямо признает: делается это под влиянием советских достижений) стало проявлять централизованно гораздо большую заботу о пополнении и обучении научных работников высшей квалификации, ассигновав для такой цели большие средства: «Рассмотрение этой проблемы, естественно, привело к постановке вопроса о нераскрывшихся способностях и утраченных потенциальных возможностях, которые воплощают собой учащиеся, преобразующие формальное образование, далеко не достигнув уровня образования, какого они могли бы достичь при их одаренности».

Современная наука предъявляет к своим служителям повышенные требования: неизмеримо больше стал поток фундаментальных знаний, без которых невозможна продуктивная деятельность в конкретных направлениях и отраслях науки, шире океан информации, нацеленнее и углубленнее специализация. Поэтому особое значение приобрел ныне фактор времени, его рационального использования. Сейчас как никогда верна в применении к науке фраза: «Опоздать — значит отстать». В этом убеждали судьбы людей и целых отраслей науки.

Много внимания уделил феномену времени в связи с людьми науки писатель Даниил Гранин. В частности, в интересной «Повести об одном ученом и одном императоре» он описывает желание Наполеона заниматься наукой в промежутках своей бурной и напряженной биографии и попытку посвятить ей остаток дней. Однако — даже учитывая, что речь шла о такой выдающейся личности и о том далеком времени, — приговор писателя категоричен: «Призвание к науке требует осушесть себя смолоду».

* * *

Давний мой приятель, вдумчивый педагог, директор одной из тбилисских средних школ, рассказывал:

— Каждый учитель подразделяет учеников на две категории — тех, за кого он спокоен, и тех, кто мешает ему жить, отравляет спокойное существование, требует повышенного внимания. В первую группу входят круглые отличники, краса и гордость класса, школы, района, и «крепкие» середняки, благополучно следующие к желанной гавани выпускного аттестата. Что же касается второй группы, то в ней объединены так называемые «отпетые», «балласт», «камчатка» и ...ребята, которых со школьной парты что-то серьезно увлекло, захватило так, что они готовы пожертвовать этому увлечению свободным временем, домашними заданиями, уроками, интересами будущего среднеаттестационного балла...

Парадксальный принцип группирования, не так ли? В зависимости от табеля в одной группе оказываются увлеченные и равнодушные, способные и не очень, мягко говоря.

В дальнейшем продвижении по избранному пути льготы, преимуществами, поддержкой законно пользуются и перспективный спортсмен, и молодое дарование, и начинающий Кулибин... Только посветивший себя науке с первых же шагов убеждается, какую тернистую стезю избрал он; он не только не получает никаких преимуществ перед «благополучными» сверстниками, равно распределявшими свои силы и время на все предметы, но оказывается в худшем положении по сравнению с ними.

Согласно правилам, при поступлении в вуз преимущественными правами пользуются: 1) медалисты, сдающие лишь один экзамен по избранной специальности, 2) выпускники подготовительных курсов — молодые рабочие, колхозники, а также демобилизованные из рядов Вооруженных Сил СССР — им достаточно сдать приемные экзамены не ниже чем на тройки, 3) обладатели двухлетнего производственного стажа. И лишь затем оговаривается, что в случае набора одинаковых баллов на приемных испытаниях и при прочих равных условиях учитываются грамоты и дипломы, полученные в школе по той дисциплине, которая считается профилирующей на данной специальности.

* * *

Попробуем «смоделировать» достаточно типичную ситуацию. Наш гипотетический абитуриент, который из-за чрезмерных симпатий, отданных любимому предмету, не добрал необходимого среднего балла в школьном аттестате, имеет все основания опасаться, что ему предстоит недосчитаться очка другого и на вступительных экзаменах по «нелюбимым», т. е. непрофилирующим предметам.

В общем-то для самого молодого человека это еще не трагедия. Отслужив в армии или отработав год-другой по избранной специальности, он имеет полное право вновь прийти к скопечку заветного учебного заведения — уже пользуясь привилегиями как демобилизованный или обладатель стажа. Больше того, он приходит в аудиторию повзрослевшим, обогащенным жизненным опытом, социально возмужавшим, испытавшим свою преданность выбору цели в науке.

Однако вспомним, что даже Наполеону потерянных для науки годов восполнить не удалось. Тем более трудно наверстать годы, когда закладывается основа будущей научной базы, нашим молодым современникам.

В нашей прессе нередко появляются статьи, обличающие спортивных деятелей, сманивающих в свои общества или команды способных волейболистов-нападающих или могучих метателей молота: им сулят всевозможные материальные блага, вне очереди квартиру и машину, безбедное существование и даже... льготное зачисление в вуз, дорога к которому столь нелегка для не менее способного в области той же специальности! молодого человека!

Не ставлю под сомнение лафос подобных выступлений, совращение незрелых в социальном и нравственном отношении душ не должно проходить безнаказанно. Но что-то не припомню ни одного случая, когда подобное мог позволить себе, скажем, глава научной школы, разглядевший в молодом коллеге будущего помощника и единомышленника. Есть, конечно, определенный опыт в селекции даровитых подростков у новосибирских ученых, известны результаты подмосковных школ-интернатов, где преподают крупнейшие ученые, хороших результатов добились преподаватели республиканской физико-математической школы-интерната им. В. Комарова. Но пока все это,

на мой взгляд, не сложилось в систему: в стройный и упорядоченный ряд мер, охватывающих большие группы школьников всей страны.

04105020
3032110133

* * *

Какие еще известны попытки дать «зеленую улицу» способным ребятам для беспрепятственного совершенствования и роста?

В последние годы при приеме в вузы проводился во все более широких масштабах так называемый эксперимент. Суть его состоит в том, что выпускники, имеющие в аттестате зрелости средний балл не ниже 4,5, при условии, что на первых двух экзаменах набирают 10 или 9 очков, зачисляются без дальнейших экзаменов. Цель его, похоже, в том и состоит, чтобы лишить «круглые» пятерки мистического ореола в глазах абитуриентов, нацелить их на более серьезные занятия в избранной области науки.

В обнародованных правилах проведения этого эксперимента предусматривался случай, когда количество абитуриентов, отвечающих вышеприведенным условиям, окажется большим, чем общее количество мест на данной специальности. Тогда, естественно, его проведение сказывается невозможным и конкурсный отбор продолжается до конца. Никаких других оговорок не было.

В прошлом году мне довелось наблюдать за ходом этого эксперимента — и в тех случаях, когда он прошел, так сказать, в чистом виде, и тогда, когда его пришлось отменить. Но привлек внимание один случай, показательный именно в том смысле, который нас интересует. На одном из факультетов Тбилисского университета случилось так, что после второго экзамена был обнародован список тех, кто оказался уже зачисленным по условиям эксперимента. Но такими оказались не все сдавшие эти экзамены успешно при соответствующем аттестационном балле, а лишь те, у кого имелся двухлетний стаж работы. Резонанс такого неожиданного решения (не могу сказать кем и по каким мотивам принятого) нетрудно предположить: снова слухи, домыслы, пересуды, самые фантастические предположения. Думаю, что иначе не могло и быть: четкие правила эксперимента вдруг подверглись коррекции. Возникают вопросы: а почему не было применено то же правило в других местах, где его просто не провели в жизнь, как и было оговорено, почему не было отдано преимущество какому-либо другому критерию — скажем, допустить к зачислению лишь тех, у кого аттестационный балл только «5», и не допускать с «4,5», зачислить набравших 10 очков и не зачислять тех, у кого 9 очков... Словом, если уж допущено изменение правил, каждый был волен предлагать вариант, который ему кажется наиболее оправданным. Во всяком случае, ясно, что и здесь преимущество было отдано не «нацеленным» знаниям по профилирующим предметам и наш гипотетический абитуриент вновь мог оказаться в ущемленном положении.

Здесь, кажется, время выслушать и другую заинтересованную сторону. Мой собеседник — декан одного из факультетов ТГУ, ученый, прошедший школу Московского университета, горячо переживающий за будущее возглавляемого им факультета.

— Каждый способный студент, поступивший на наш факультет, встречается нами с радостью и надеждой, мы готовы во всем содействовать его быстрейшему росту. Но его способности обнаруживаются для нас уже где-то ко второму-третьему курсу, когда начинается специализация. Мы-то стараемся обнаруживать способных ребят еще в школах, на ученических конференциях, в кружках. Но, даже найдя такого школьника, мы бессильны что-либо сделать для того, чтобы он прошел лотерейный барабан отбора и попал именно к нам. Я даже стал уезжать на время приемных испытаний — повлиять на их ход невозможно, они предельно закодированы, зашифрованы, даже после первых — основных, что ни говорите! — экзаменов нет гарантии, что обративший на себя внимание абитуриент не будет «приведен к общему знаменателю» — все его документы запечатаны в глухой конверт, предшествующие оценки неизвестны, просто «мистер X»! Это, конечно, призвано обеспечить объективность, беспристрастность экзаменов. Но ведь бывают случаи, когда нужно быть пристрастным — в самом лучшем смысле слова!..

Замечательно говорил на XXV съезде партии Л. И. Брежнев о том, что настоящий талант встречается редко, что это — национальное достояние, требующее хозяйской заботы, государственного отношения к себе. Думаю, особенно относятся эти слова к талантам молодым, которые надо пестовать и растить, облегчая им возможность осуществиться, расцвести в полную мощь.

В заключение приведу еще один пример.

В нынешнем году еще один выпускник тбилисской школы поступил в вуз, минуя вступительные экзамены. Вот несколько фактов из его короткой — в две странички — автобиографии.

В 1975 году восьмиклассник 60-й средней школы Амиран Амброладзе переходит в республиканскую физико-математическую школу им. В. Комарова. В том же году он принимает впервые участие в XIX республиканской олимпиаде юных математиков, где завоевывает диплом III степени. 1976 год — XX республиканская олимпиада, диплом II степени, X Всесоюзная олимпиада в Душанбе, награда такого же достоинства, 1977 год — XXI республиканская олимпиада, диплом I степени, XI Всесоюзная олимпиада в Таллине, диплом II степени. По итогам этой олимпиады он был включен в сбор-

ную команду школьников страны, которая принимала участие в XIX Международной олимпиаде юных математиков в Белграде в августе 1977 года. Приказом министра высшего и среднего специального образования СССР В. Елютина все восемь членов сборной команды зачислялись без экзаменов в любой вуз страны по их выбору.

Амиран выбрал механико-математический факультет МГУ имени Ломоносова.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Прошло время. Первокурсники сдали первую в своей жизни экзаменационную сессию — важный рубеж, определяющий степень адаптации молодого человека к новой системе учебы, к началу научной деятельности. Я решил поинтересоваться, как прошел этот рубеж один из тех, о ком шла речь выше. — Мераб Гаганидзе. Декан филологического факультета ТГУ профессор Э. Хинтибидзе рассказал: все предметы первой сессии Мераб сдал на «пятерки», уже начал активно сотрудничать в Студенческом научном обществе и вообще приспособился к студенческой жизни легче своих однокурсников. Комментарии, как говорится, излишни...

ИЗ НОВЫХ ПЕРЕВОДОВ

Где ты?

Без тебя я — сад,
Побитый бурей.
Без тебя — в нем
Не цвести деревьям.
Без тебя — покинутый я улей,
Опрокинутый порывом суховея.
Без тебя
Мне с каждым днем труднее.
Без тебя
Не роза я — шиповник.
Без тебя
Я преждевременно старею.
Где же ты, откликнись,
Мой садовник!
Без тебя я — сад,
Побитый бурей...

Перевод Теймура МАМЕДОВА

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Опыт критического анализа некоторых воззрений в современной западной эстетике

Вопросы теории
литературы и
эстетики

 1993
 010333

ВОПРОС о соотношении искусства и жизни никак нельзя отнести к редко обсуждаемым проблемам — мы встречаемся с ним во всех трудах по эстетике, более или менее обстоятельно рассматривающих феномен искусства. Однако он относится именно к тем фундаментальным проблемам, которые никогда не могут быть исчерпаны и поэтому никогда не перестают быть актуальными. Приступая вновь к рассмотрению данного вопроса, мы можем обнаружить пробелы и неточности в нашем понимании его.

В своем отношении к жизни искусство прежде всего характеризуется тем, что в определенном специфическом смысле отграничивает себя от нее — то есть позволяет нам воспринять ее лишь при условии, когда мы перестаем непосредственно воспринимать действительный мир жизни... Однако, анализируя своеобразие восприятия произведения искусства и, соответственно, структуру этого последнего, мы обычно ошибаемся, не учитывая в полной мере феномен этого отграничения. Подобная ошибка характерна также и для весьма компетентной философской и эстетической литературы.

Когда перед нами стоит, скажем, фигура Аполлона, никто из нас, наверное, не скажет, что в качестве произведения искусства видит и воспринимает этот кусок мрамора во всех его отношениях и свойствах, например, в его пространственных отношениях к стенам комнаты, в его химических свойствах и т. д. Однако мы скажем, что в качестве произведения искусства видим и воспринимаем именно этот кусок мрамора, обладающий своеобразной формой и изображающий благодаря данной форме греческого бога Аполлона; причем, воспринимаемый нами кусок мрамора

со своей изобразительной формой существует, конечно, реально, как часть реального, действительного мира жизни; изображенный же благодаря данной форме бог Аполлон присутствует в качестве ирреального и недействительного лишь представленного и воображаемого содержания.

Точно так же, восприняв произведение живописи, скажем, известное полотно Ван-Гога «Море у Сент-Мари», мы полагаем, что оно представляет собой, с одной стороны, реально существующий кусок раскрашенного полотна, изображающего благодаря этой раскраске море, и, с другой стороны, — само море, как изображенное, воображаемое и ирреальное содержание.

Так полагаем обычно мы, и не только мы — так полагает, касаясь данного вопроса, большинство традиционных и современных философов и эстетиков.

Эдмунд Гуссерль — известный философ - феноменолог двадцатого века, — анализируя «сознание картины» и воспользовавшись в качестве примера гравюрой Дюрера «Рыцарь, смерть и дьявол», различил начерченную на бумаге «маленькую фигурку» рыцаря и изображаемого ею рыцаря, признавая ее сознание фундирующей составной частью сознания картины в целом.

Что же касается другого крупного философа современного Запада — Николая Гартмана, то вышеприведенный анализ «фигуры Аполлона» представляет собой сокращенный пересказ рассуждений из его фундаментальной книги по эстетике,

изданной, кстати, также и на русском языке. Согласно Гартману, произведение искусства вообще состоит из двух основных планов — из «оформленной определенным образом реальной вещи, как «переднего плана», и усматриваемого сквозь него ирреального - воображаемого содержания, как «заднего плана».

Вообще в эстетике преимущественно принято считать, что произведение искусства, представляя собой по существу некоторое воображаемое содержание, есть также и реальная вещь, обозначающая, изображающая или выражающая это ирреальное содержание благодаря своей чувственно воспринимаемой форме.

Между тем данный анализ и данное понимание структуры произведения искусства представляются нам неверными, так как на самом деле мы в качестве произведения искусства воспринимаем исключительно нечто воображаемое и ирреальное, нечто составляющее часть воображаемого и ирреального мира, при этом вовсе не воспринимаемая непосредственно реальную вещь, что-либо из реального и действительного мира жизни. Реальная вещь, как справедливо замечает известный польский философ и эстетик

Роман Ингарден, является лишь «предметным условием конкретного восприятия и существования» произведения искусства и никак не входит в его состав. Кстати, польскому философу принадлежат весьма тонкие и убедительные анализы структуры произведения ис-

куства и соответствующего сознания.

Для уяснения рассматриваемого вопроса необходимо предусмотреть следующее обстоятельство, имеющее решающее значение: линии, цвета и другие чувственно воспринимаемые, зримые свойства, их сочетания, как чувственно зримые формы, мы видим не в абстракции от соответствующих вещей, но именно как их линии, цвета, зримые свойства и формы, то есть как их внешний облик. И они, эти линии, цвета и т. д., реальны и относятся к реальным вещам лишь в той мере, в какой воспринимаются нами в качестве внешнего облика именно реальных вещей. Поскольку же они не воспринимаются в качестве таковых, но воспринимаются именно в качестве внешнего облика воображаемых и ирреальных предметов, постольку они и не являются реальными, относящимися к реальным вещам и присущими им, но являются именно относящимися к воображаемому предметам и присущими им. И мы никак не можем одни и те же линии и цвета, зримые свойства и формы одновременно видеть в качестве внешнего облика как реальной вещи, так и воображаемого-ирреального предмета — видя и имея в виду данную форму как внешний облик этого куска мрамора и, стало быть, видя и имея в виду этот реальный кусок мрамора, мы при этом не видим и не имеем в виду внешний облик Аполлона и, следовательно, не видим и не имеем в виду Аполлона, как воображаемого и ирре-

ального; когда же мы воспринимаем данную форму в качестве внешнего облика Аполлона и когда мы видим и имеем в виду Аполлона, как воображаемого и ирреального, тогда нами уже потерян из виду и перестал быть видимым внешний облик этого куска мрамора и, соответственно, сам этот реальный кусок мрамора.

Таким образом, искусство ограничивает себя от действительной жизни в том смысле, что, открывая перед нами воображаемый и ирреальный мир жизни, полностью «выключает» при этом непосредственное восприятие действительного мира жизни.

Воображаемый и ирреальный мир жизни, однако, может казаться реальным и действительным — в таком случае мы имеем дело с иллюзией.

Но произведение искусства не есть иллюзия — его восприятие сопровождается именно сознанием воображаемости и ирреальности воспринятого; в эстетической позиции нас не покидает чувство того, что мы имеем дело с воображаемым и ирреальным миром жизни.

Потеря сознания ирреальности и появление иллюзии реальности убивают эстетический эффект: не отличимая от действительности и смешанная с ней картина нарушает необходимую для восприятия произведения искусства позицию «чистого созерцания». Действительность требует от нас реакций, не совместимых с эстетической позицией читателя, зрителя, слушателя. Восприятие действительно-

сти возбуждает в нас волю к непосредственному включению и участию в ней, волю к действию и тем самым отнимает у нас специфическую «дистанцию», необходимую для того, чтобы читать, смотреть, слушать. Читатель перестает быть читателем, зритель — зрителем, слушатель — слушателем, если прочитанное, увиденное и прослушанное кажется ему действительностью. Хорошо пишет об этом Николай Гартман: «Обычно зритель, без всякого сомнения, знает о не-реальности происходящего на сцене... он ясно отличает актера от личности, которую он играет, и именно поэтому может он наслаждаться его действием. Если бы он триумф интригана или страдание и гибель героя принимал за реальные происшествя, то для него было бы морально невозможно спокойно сидеть в зале в качестве зрителя и наслаждаться».

Искусство, отграничивая себя от реального мира, тем самым как бы выключает нас из этого мира, из реального контекста жизни — воспринимая произведение искусства и, таким образом, приобщаясь к воображаемому миру жизни, мы как бы прерываем и приостанавливаем на время наше участие в реальной жизни, как бы перестаем на время жить реально...

Но в чем же состоит смысл этого выключения из реального мира жизни, это то временного «перерыва» и этой временной «остановки» в жизни? Чем объяснить удовольствие, получаемое от всего этого?

Артур Шопенгауэр в свое время полагал, что смысл общения с искусством заключается в освобождении от страданий, неминуемых в реальной жизни, — реальная жизнь полна страданий и, прерывая ее посредством погружения в воображаемый мир искусства, мы перестаем страдать и получаем от этого удовольствие. Вместе с тем Шопенгауэр считал, что воображаемый мир искусства по существу представляет собой отображение реального мира жизни и, стало быть, мира сплошных страданий...

Но погружение в созерцание сплошных страданий вряд ли можно считать эффективным средством освобождения от них. И кроме того, простое освобождение от страданий, простое их отсутствие не может в достаточной мере объяснить то позитивное удовольствие, ту позитивную радость, что и составляет несомненный эффект общения с искусством.

Исходя из шопенгауэровского признания искусства в качестве бегства от жизни, как от страданий, было бы логичнее видеть в искусстве не верное отображение реального мира жизни, а ее произвольное преобразование в воображении в сторону идеализации.

И в самом деле, подобный мотив появился в размышлениях Фридриха Ницше. «Искусство существует для того, — писал он, — чтобы мы не погибли от истины». А так как Ницше не был приверженцем бегства от жизни, от ее трагической правды, он порой упрекал искусство за его лживость. «Много всяких лживых ис-

торий рассказывают поэты», — критически говорил он. У него не было единого взгляда на искусство — он считал его то выражением трагической правды, то ложной идеализацией и поэтому то восторгался им, то относился к нему пренебрежительно.

Понимание искусства, как бегства от действительного мира жизни посредством его замены идеализированным воображаемым миром, находит свое проявление в психоаналитической концепции Зигмунда Фрейда и его последователей.

Разъясняя сущность искусства, Фрейд обратился к аналогии с детской игрой. «Наверное, мы можем сказать — писал он, — что всякий ребенок, играя, ведет себя подобно одаренному богатым воображением писателю, так как создает свой собственный мир или, вернее, меняет в своем мире порядок вещей и наводит в нём новый порядок, доставляющий ему больше удовольствия». Мечты взрослого представляются Фрейдю продолжением детской игры с той, однако, разницей, что взрослый стыдится своих желаний и скрывает их. Художественное же творчество есть особый вид мечтания как акта удовлетворения желаний в воображении. Художник, говорит Фрейд, «страстно желает достичь славы, власти, богатства и любви женщин». Так как он не располагает возможностями удовлетворения этих желаний то отворачивается от действительности и ищет удовлетворения в воображении — создает произведение, то есть сочиняет

историю удовлетворения его желаний. Причем сочиняет так, что скрывается под маской своего героя и дает тем самым всякому другому возможность поставить себя на его место и, таким образом, удовлетворить себя. Поскольку он дает возможность другим удовлетвориться и доставляет им удовольствие, постольку он в действительности, а не только в воображении завоевывает «славу, власть, богатство и любовь женщин».

Развитие западных обществ впоследствии показало несостоятельность фрейдистской концепции об основных стремлениях, движущих человеком... В условиях «сексуальной революции» стало особенно ясно, что «любовь женщин», в фрейдистском смысле физического обладания, не может обеспечить в достаточной мере человеческое счастье. В современном «обществе изобилия» ясной стала также и принципиальная недостаточность обладания материальным богатством. Нельзя, конечно, подозревать современных писателей и художников в ограниченности мечтаниями подобного содержания, в ней нельзя обвинять также прежних мастеров искусства — фрейдистская схема составлена по «массовым» произведениям, соответствующим вкусам обывательской массы, и искусственно распространена на подлинное искусство.

Однако в данном случае нас интересует фрейдистское понимание искусства, как бегства от «неудовлетворительной» действительности в идеализированный мир во-

ображения, от неприятной паззлы в приятную ложку...

Визуально верно положение, что искусство подразумевает неудовлетворенность осуществленной действительностью и что оно ищет и имеет в виду лучшую, по сравнению с ней, возможность. Однако, вместе с тем, следует сказать, что подлинное искусство имеет в виду не ложно-возможный и просто желанный воображаемый мир, а именно — реальную возможность, то есть возможность, осуществляемую на почве уже осуществленной действительности путем ее критического преодоления. Об этом, между прочим, совершенно недвусмысленно свидетельствует современное западное искусство — оно менее всего похоже на изображение просто желанной жизни, оно прежде всего изображает именно жизнь радикально нежеланную, с верными опознавательными приметами современной западной действительности и проникнуто пафосом ее критического преодоления...

Искусство не есть бегство от реального мира жизни в желанный и воображаемый, но есть именно его постижение и критическое преодоление в воображении во имя осуществляемой путем этого преодоления лучшей возможности — в этом смысле оно есть отображение действительности и вместе с тем творчество нового мира жизни.

Попытаемся разобраться в этом несколько подробнее.

Произведение искусства, как было отмечено, открывает перед нами воображаемый, ирреальный мир жи-

зни, сознаваемый именно в этой своей воображаемости и ирреальности.

Произведение искусства, в отличие от фотографической картины, никогда не повторяет точно чувственно зримую форму, внешний облик действительного мира. В этом смысле оно не есть «подражание» — оно преобразует и, таким образом, созидает, творит внешний облик действительности.

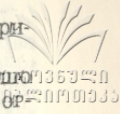
Однако, как полагают обычно, произведение искусства, преобразуя и творя чувственно-зримую форму, внешний облик действительности, тем самым постигает и выражает ее глубокую сущность.

Выходит, что созидательный, творческий характер искусства ограничивается преобразованием и созданием внешнего облика мира, в отношении же сущности оно представляет собой лишь «подражание».

Однако если мы понимаем своеобразие человеческого жизни и соответствующего ей мира, то поймем также, что «подражание сущности» в данном случае не исключает, но именно подразумевает созидание и творчество и что, таким образом, искусство представляет собой созидание и творчество мира жизни не только по внешней форме, но также и по существу и в сущности.

Рассмотрим вкратце своеобразие человеческой жизни и соответствующего ей мира.

Человек представляет собой определенного вида строения тело. Однако он не является простым телом, а — «живым телом», живым

организмом. Жизненность же живого организма прежде всего выражается в том, что он, будучи определенным образом, вместе с тем переживает свой образ бытия — ему не безразличен свой образ бытия, и это значит, что он стремится именно к бытию некоторым определенным образом. Образ же бытия, к чему и стремится живой организм, заключается, прежде всего, в бытии в виде живого организма — человек наряду с прочими живыми существами утверждает себя в бытии в виде данного живого организма, что и выражается в его заботе о регулировании «процессов обмена веществ с природой».

Но человек является тем единственным живым существом, которое, имея в виду и переживая свое «органическое бытие», вместе с тем имеет в виду и переживает предел и границу этого своего бытия и именно поэтому не хочет ограничиться им — человек, заботясь о своем бытии в виде «процессов обмена веществ», вместе с тем «озабочен» и «встревожен» ограниченностью этого своего бытия и возможностью утвердить себя за его пределами в некотором ином, «превосходном» бытии и, таким образом, «выситься» над ним.

«Огонь, страсть идти дальше самого себя... в этом выражается истинная «человечность» человека», — писал известный немецкий философ Макс Шелер.

Мы помним положение Карла Маркса о том, что «развитие человеческой силы» начинается за пределами «регулирования процес-

сов обмена веществ с природой».

Человек, если он хорошо понимает себя, не может ограничиться заботой о своем собственном «органическом» бытии, он хочет участвовать в некотором деле и некотором движении, превосходящих эту заботу. Он желает принять участие в деле и движении, значимых, скажем, для всего общества, для последующих поколений, для всей истории. В конечном итоге он хочет принять участие в вечнозначимых делах и движениях и утвердить себя, таким образом, в вечности, в вечном, бесконечном бытии.

Иное бытие, как бытие в превосходном смысле, в котором человек и хочет утвердить себя, представляется ему, прежде всего, в качестве бесконечного, вечного бытия.

«Писатель, если он настоящий писатель, каждый день должен прикасаться к вечности или ощущать, что она проходит мимо него», — говорил Эрнест Хемингуэй в речи, написанной по случаю присуждения ему Нобелевской премии. И сказанное здесь о «настоящем писателе» касается вообще человека, выражая его человеческое призвание — писатель выступает здесь в качестве человека «по преимуществу».

Человек в своей сущности представляет собой «страсть бесконечности», полагал Сёрен Киркегор. И в этом с ним следует согласиться, хотя, конечно, с поправками его конкретного понимания бесконечности и путей приобщения к ней.

Правда, порой человек ут
верждает себя против беско-
нечности, уверяя себя и
других, что лишь забота о
собственном материальном
благополучии имеет оправ-
данный смысл и т. д. Од-
нако это не значит, что он
совершенно лишен «страсти
бесконечности», нет, он про-
сто переживает свое бессил-
ие в реализации этой
«страсти» и, стремясь об-
легчить невыносимую тя-
жесть самопереживания это-
го бессилия, отрицает беско-
нечность. Об этом свидетель-
ствует многое в его поведе-
нии, например, и тот факт,
что он периодически высту-
пает и «агиотирует» против
возможности утверждения в
бесконечности и вместе с
тем не может скрыть ревни-
во-завистливого отношения
к «непослушным» слушате-
лям, которые, не особенно
заботясь о своем благопо-
лучии, тянутся к бесконеч-
ности и во что бы то ни ста-
ло хотят испытать ее «при-
косновение»...

Человек, поскольку он
человек, каким-либо обра-
зом всегда имеет в виду и
переживает возможность са-
моутверждения в бесконеч-
ном бытии, он в какой-то
мере всегда слышит исходя-
щий из глубин его души
«зов бесконечности». По-
этому он не может жить на-
подобие животных просто
животной жизнью — если
даже и убегает от бесконеч-
ности, чувствуя себя бес-
сильным утвердить себя в
ней, то, прибегая исключи-
тельно к конечному «орга-
ническому бытию», ищет в
нем компенсацию отказан-
ной бесконечности, интен-
сифицирует и «удваивает» его
переживания и, таким обра-

зом, выходит за его преде-
лы — только в обратном на-
правлении.

Человек порой убеждает от
возможности самоутвержде-
ния в бесконечности, прибе-
гая к ее компенсациям, сур-
рогатам, иллюзиям, и, на-
конец, «глушениям» — так
как чувствует себя бессиль-
ным в ее реализации. По-
вод же к подобному чувст-
ву бессилия он прежде все-
го находит в неясности и
неспродолженности этой са-
мой возможности...

Для того чтобы человек
мог утвердить себя в беско-
нечном бытии, оно должно
«открыться» и каким-либо
образом предоставить себя
ему для общения в этом
своем конечном бытии. Од-
нако всякое конкретное от-
крытие бесконечности в свое
время изживает себя и пре-
вращается именно в ее «за-
крытие»; всякие открытия
бесконечности и вечности
оказываются лишь конечно
и временно значимыми,
вследствие чего бесконеч-
ное, вечное бытие и челове-
ческая возможность утверж-
дения в нем становятся
слишком неясными и неоп-
ределенными.

Бесконечное, вечное бы-
тие, бытие «по преимуще-
ству» не открывается чело-
веку и человечеству сразу,
до конца, раз и навсегда, но
все-таки открывается — в
неизбежно - своевременной
смене его открытий... В
этом заключается принци-
пиальная историчность че-
ловеческого бытия.

Именно такую историч-
ность человеческого бытия
утверждает Мартин Хай-
деггер — философ, который
на современном Западе про-
изводит самое большое впе-

чатление. Однако следует заметить, что раньше Хайдеггера принципиальную историчность жизни человека и его общества отстаивал Карл Маркс. «Каждую осуществленную форму она (диалектика. — З. К.) рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны...», — писал он в «Капитале». (Госполитиздат, 1950, с. 20).

Бесконечное бытие, бытие «по преимуществу», открываясь и предоставляя себя человечеству для общения, составляет сущность и истинную его бытия, образует собой движущий им идеал.

Бесконечность, в которой утверждает и продолжает себя человек, присутствует в его конечном бытии не иначе, как через окружающих его мир жизни, прежде всего через окружающих его людей — именно через них и проходит путь к бесконечности. Человек может реализовать идеал и, таким образом, приобщиться к бесконечности не иначе, как в общении с окружающей его жизнью, с окружающими его людьми.

С другой стороны, реализуя всеобщий идеал в общении и объединении с другими людьми, человек должен следовать своим собственным уникальным возможностям и таким образом формировать свою индивидуальность — ибо он утверждает в бесконечном бытии именно себя, свое собственное «я».

Формирование собственной индивидуальности и внутреннее общение, объединение с другими людьми или, иначе, самоутверждение в своем индивидуальном

различии, с одной стороны, и утверждение «в мышлении и любви» других людей, с другой стороны, — такова характеристика существенных тенденций человеческого бытия, данная Марксом.

Когда эпохальный идеал начинает препятствовать реализации названных существенных тенденций человеческого бытия, когда, наконец, движимой им жизни общества грозит физическая катастрофа, это означает, что настоящий идеал и соответствующее эпохальное открытие бесконечности, то есть эпохальная истина, исчерпали себя и подлежат «снятию» в новой «очередной» истине и соответствующем идеале...

Сознанию средних веков бесконечное, вечное бытие открылось как неизменность и покой, как пребывание изначально существующего порядка и, стало быть, как очищенная от телесности, чистая духовность — поскольку телесность казалась источником беспокойства, движения, изменения, «бывания». Человек, поддерживая существующий порядок в природе и обществе, отказываясь от преобразования своего мира, отказывая себе в природных влечениях и т. д., надеялся тем самым приобщиться к бесконечному бытию и утвердить себя в нем.

Впоследствии (накануне Ренессанса) озабоченное эгзистенциальным кризисом, «европейское человечество» осознало, что человек и, соответственно, его мир не могут оставаться одними и теми же и, стало быть, не могут пребывать и покоиться в одном и том же порядке.

Оно осознало также, что беспокоен и динамичен именно человеческий дух и что он связан с телесной природой более существенной связью, чем это казалось раньше... Оно осознало, что средневековое понимание бытия изжило себя и требует принципиальной поправки.

Таким образом, в конце средних веков назрело новое открытие бесконечности или, как сказал бы Хейдеггер, новое «происшествие (Leschehenis) истины», в связи с чем поспешно был намечен новый идеал, движущий европейским человечеством.

В этом мире имеет и должно иметь место изменение форм и порядков бытия — однако это самое изменение обладает некоторым неизменным, вечнозначимым направлением, в чем и проявляется бесконечное, вечное бытие. И вечнозначимое, неизменное направление изменения форм и порядков бытия в конечном итоге конкретизировалось как научно-технический, индустриальный прогресс общества или же, иначе, как непреклонное повышение «счастья большинства» путем непреклонного повышения уровня технического комфорта...

Наконец, на горизонте жизни европейского человечества показался предел — даже и этого идеала — следуя ему, человек попал в ситуацию так называемого «технического отчуждения», один из существенных аспектов которого, к слову сказать, в том и выразился, что односторонне преувеличенный физико-технический разум — в качестве единст-

венного вида бытия признал физически-вещное бытие, сводя тем самым человеческое бытие к «процессам обмена веществ» и потеряв таким образом из виду перспективу бесконечности...

Современное западноевропейское общество, разуберившись во всех традиционных открытиях бесконечного бытия и соответствующих идеалах, переживает крайне болезненный переходный период, оно как бы блуждает впотьмах, при наглухо закрытом горизонте, в мучительных поисках просвета, «утраченной вечности»...

Однако в данном случае нас интересовала характеристика человеческой жизни и соответствующего мира лишь в той мере, в какой она была бы достаточна для выяснения вопроса о соотношении искусства и человеческой жизни, о том, является ли искусство по отношению к сущности человеческой жизни и соответствующего ей мира «подражанием», то есть простым повторением того, что и как состоит независимо от него, или же — созиданием нового, творчеством.

Если бы истина бытия, направляющая человеческую жизнь, «произошла» раз и навсегда; если бы, стало быть, намеченный однажды идеал был вечнозначимым, непреходяще пребывающим в силе и действующим, если бы он не поддавался «быванию» и становлению, тогда бы искусству только и оставалось, что «подражать» ему и повторять его. Однако, в силу того, что истина бытия исторична, исторически «происходит» и стано-

вится, то и всякий идеал подвержен «быванию», становлению и, наконец, преодолению и «снятию», а искусство не может ограничиться «подражанием» этому идеалу как готовому, как «бывшему» и «установленному», но выступает в качестве своеобразного фактора его «бывания», становления и «снятия». Иначе говоря, искусство, согласно исторической концепции, является созиданием и творчеством жизни и соответствующего ей мира не только в отношении внешнего облика, но также и в отношении сущности.

Всякая восходящая истина бытия и, соответственно, всякий восходящий идеал утверждают себя в борьбе со старыми, господствующими истиной и идеалом. Они, побеждая, постепенно сами становятся господствующими и оседают в качестве всеобщеповседневной направленности жизни. Однако поскольку они становятся господствующими и превращаются во всеобщеповседневную направленность жизни, поскольку обнаруживают принципиальную недостаточность и «критичность», постепенно направляют жизнь в «противоположную» ей сторону и, превращаясь, таким образом, в «беспутье», мотивируют новое «присшествие истины», открытие нового идеала как новой, «очередной» возможности жизненного пути...

Поэт, художник, человек искусства усматривает «критичность» и недостаточность господствующей всеобщепов-

седневной истины бытия и сквозь эту «критичность» и недостаточность постигает новую истину, способствуя ей тем самым «произойти»...

Если мы под «сущностью» действительного мира понимаем господствующий в нем старый идеал, тогда искусство не является «подражанием» сущности действительного мира — ибо истина, «происходящая» в произведении искусства, не совпадает с этим идеалом, но именно критически противостоит ему.

Если же мы, следуя исторической концепции, под «сущностью» действительного мира понимаем «критичность» старого, господствующего идеала и усматриваемый сквозь эту «критичность» стоящий «на очереди», новый, спасительный идеал, тогда следует сказать, что искусство именно «подражает» сущности действительного мира — ибо искусство не вымышляет произвольно «критичность» старого идеала и новый идеал как возможность нового направления жизни, но именно усматривает и открывает их.

Однако «подражание» в подобном смысле есть вместе с тем именно созидание нового, творчество — искусство, критически преодолевая старый идеал и открывая и намечая новый «своевременно - очередной» идеал, тем самым созидает и творит новый мир жизни.

И нельзя, конечно, творческий характер искусства ослабить тем ложным допу-

7549353211
3034011433

щением, будто оно по существу не является самостоятельным актом критического преодоления старого идеала и усмотрения и намечения нового, но в этом отношении лишь повторяет и копирует акты, совершаемые людьми вне искусства — поэт, художник, человек искусства, отличаясь особой интуицией, в прозрениях не

отстает от других, скорее опережает их.

Искусство созидает и творит новый мир жизни в воображении, но не только в воображении — оно, в конечном итоге, «провоцирует» осуществление воображаемого мира, поскольку достигает понимания со стороны аудитории и воздействует на нее.

Гурам ШАРАДЗЕ

В КОНЦЕ минувшего года отмечалось 150-летие со дня рождения выдающегося венгерского национального художника Михая Зичи (1827 — 1906). Своим прогрессивным художественным мировоззрением, многообразным творческим наследием и высокогражданственным интернациональным сознанием Зичи внес величайший вклад в дело сближения и укрепления дружеских взаимоотношений венгерского, русского и грузинского народов.

МИХАЙ ЗИЧИ И ГРУЗИЯ

По признанию русского советского искусствоведа Л. Алешинной, «творчество Михая Зичи принадлежит, в равной степени и русской, и венгерской культуре...».

Совершенно особую роль сыграл Зичи в истории грузинской культуры. Его иллюстрации к «Вепхисткаосани» («Витязь в барсовой шкуре») Ш. Руставели и сегодня сохраняют значение бесценного факта. «Пока еще нельзя найти ничего подобного изданию «Вепхисткаосани», иллюстрированному известным... венгерским художником Зичи», — говорил И. Джавахишвили. «Герои Руставели вошли и утвердились в сознании грузинского народа благодаря замечательным иллюстрациям Зичи» — это слова Г. Ахвледиани. «Зичи — это Доре Руставели», — оценил А. Гацерелия.

Известно, что знаменитый венгерский ученый и переводчик Бела Викар (1859 — 1945) перевел «Вепхисткаосани» на венгерский язык именно под воздействием Михая Зичи (книга издана в Будапеште в 1917 году). Это была одна из первых в мире попыток полного поэтического перевода бессмертного

творения Шота Руставели, в том числе на европейские языки, которая способствовала его популяризации за пределами нашей Родины.

Зичи оставил неизгладимый след в истории грузинской общественной мысли последней четверти XIX века. Его творческие связи и сотрудничество с Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, Иваном Мачабели, Нико Николадзе, Ионой Меунаргия и другими известными грузинскими общественными деятелями — немеркнущие страницы исторического содружества грузинского и венгерского народов.

Корни культурно-исторических взаимоотношений Грузии и Венгрии уходят в далекое прошлое. Первоисточники сохранились скудные, но весьма примечательные сведения о политической, религиозной, дипломатической и научной взаимной связи грузин и венгров в эпоху Возрождения. Эти отношения с новой силой развернулись на рубеже XVII и XVIII веков, когда энергичными усилиями грузинских царей Арчила и Вахтанга VI были заложены основы грузинской национальной типографии. В этом большом патриотическом деле их соратниками и помощниками были венгерские печатники Миклош Киши и Михай Иштванович.

В Грузии с глубоким сочувствием относились к справедливой героической борьбе венгерского народа за свободу и независимость. Особую популярность завоевали у нас национальные

герои венгерского народа, восставшего в 1848 — 1849 годах против австрийских Габсбургов. — Лайош Кошут и Шандор Петефи. Их очень высоко ценили знаменосцы национально-освободительного движения грузинского народа Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. В рабочей комнате Ильи Чавчавадзе в Сагурамо висел портрет Лайоша Кошута. На нем было написано: «Еще никогда в этом мире истина не прогремела так мощно». Акакий Церетели во всеуслышание заявил однажды: «Кошут — идеал каждого сознательного грузинского патриота».

В разное время в Грузии побывали многие венгерские ученые - путешественники (Гергей, Орлан, Беше, Дечи, Евгений Зичи...). Они были заинтересованы в проверке разработанной венгерскими гуманистами так называемой «скифской теории», согласно которой одним из первых местобиталищ предков венгров признана Грузия, а грузины — их родственным народом.

И вот в начале 80-х годов XIX века в Грузию прибыл Михай Зичи, уже известный к тому времени венгерский художник. В лице Михая Зичи грузинский народ, грузинская культура обрели нового большого друга.

Михай Александрович Зичи родился в Венгрии 15 октября (по старому стилю) 1827 года в селе Зала области Шомоди. Будущий художник провел детские и гимназические годы в Зала и Веспреме. Зичи рано проявил стремление к искусству.

С 1842 года он занимается живописью с итальянцем Якобом Марастони. Но увлечение сына показалось матери неподобающим их сословию. По ее настоянию Михай Зичи получает высшее юридическое образование сначала в Будапеште, а затем — в Вене. Он учится у профессора Венской художественной академии Вальдмюллера (1793 — 1865), который возлагает на него большие надежды. После первых успехов М. Зичи, по рекомендации Вальдмюллера, в 1847 году приглашают в Петербург придворным учителем живописи.

Вскоре, в 1848 году, в Венгрии развернулась народно-освободительная борьба против австрийских поработителей, которая с помощью войск Николая I была потоплена в крови. В знак протеста в 1849 году художник-патриот оставляет блестящий царский двор и уходит простым ретушером к петербургскому фотографу Венигеру. М. Зичи приобретает к прогрессивной русской литературе и искусству, сближается с передовыми русскими художниками. В 1856 — 1857 годах он принимает участие в создании первого в России объединения художников — «Пятницы». В эту пору он и женится на русской женщине из простой среды — на Александре Ершовой, ставшей верной спутницей его жизни. С ней художник имел четверых детей.

Постепенно приходит признание художественного таланта М. Зичи. Восторженные слова высказал по по-

воду творчества художника приехавший в 1858 году в Петербург знаменитый французский писатель и критик Теофиль Готье: «М. Зичи — необыкновенный художник среди тех, кого я видел с 1830 года. Зичи — чудо, талант — вулкан, который всегда в состоянии извержения». В том же году Петербургская академия художеств присвоила Мухаю Зичи звание академика. В 1859 году мы вновь видим Зичи придворным художником. Однако в 1874 году из-за прогрессивных художественных взглядов его опять удаляют от двора, и художник вынужден покинуть Россию.

До 1881 года М. Зичи находился за границей. По приглашению известного русского издателя И. И. Глазунова в 1881 году Зичи возвращается в Россию, чтобы иллюстрировать сочинения М. Лермонтова, в частности «Демона». После этого до самой смерти художник оставался в России, ставшей для него второй родиной. С необыкновенной плодотворностью в разное время работал он тут над иллюстрированием шедевров мировой литературы — «Дон Жуана» Байрона, «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Демона» Лермонтова, «Тараса Бульбы» Гоголя, произведений Гёте, Шиллера, Шекспира, Готье, а также средневекового русского героического эпоса «Слово о полку Игореве».

Однако художник-патриот не порывает живой связи с родной ему Венгрией, старается всячески служить развитию национальн

культуры. Яркое подтверждение этому его иллюстрации к произведениям Мадачи, Арани, Иокаи, Гараи. Думы больного и стареющего художника вновь и вновь возвращаются к Петефи. В результате нового осмысления творчества самоотверженного в борьбе за свободу родины поэта Михаем Зичи был создан «Апофеоз великого поэта».

По справедливому замечанию венгерского искусствоведа Илоны Беркович, «работа над иллюстрациями сочинений венгерских классиков была для жившего в далеком Петербурге старого Зичи формой душевной связи с родиной». Оказывается, в то время к Зичи ходил Максим Горький, задумавший перевести «Человеческую трагедию» Мадачи, замечательные иллюстрации к которой были созданы Зичи.

15 февраля 1906 года Михай Зичи скончался в Петербурге. Прах великого художника был перенесен на родину. Благодарные соотечественники похоронили замечательного сына венгерского народа в Будапеште на кладбище Керепеши.

* * *

Приезд М. Зичи в Тбилиси осенью 1881 года для работы над иллюстрированием «Демона» совпал с началом подготовки к новому изданию «Вепхисткаосани», предпринятой великими грузинскими писателями и общественными деятелями Ильей Чавчавадзе, Ф. Орбелиани, Иванэ Мачабели, Якобом Готебашвили, Рапиэлом Эристави, Ионой

Меунаргия и другими. И Михай Зичи вскоре заинтересовался бессмертным творением Шота Руставели. Под его руководством в 1882 году в Тбилиси и Кутаиси несколько раз с большим успехом были поставлены живые картины «Вепхисткаосани» (все го 11). В них участвовали лучшие представители грузинской интеллигенции, в том числе известные поэты Мамия Гуриэли и Георгий Шервашидзе. Зичи писал из Тбилиси: «Все это представляло демонстрацию маленького угнетенного народа. Театр был забит зрителем, во время чтения Руставели его восторг не имел границ». По словам русского искусствоведа С. Алешиной, «живые картины вызвали бурю восторга. Для нации, испытывавшей царский гнет, в эпоху шовинистических выступлений реакционера Каткова подобное открытое прославление популярнейшего в грузинском народе поэта и его создания явилось одной из возможностей проявления патристических чувств».

Но Михай Зичи не удовлетворился только этим. Он безвозмездно взял иллюстрировать «Вепхисткаосани». Рисунки предназначались для будущего богатого издания поэмы. Славные сыны грузинского народа Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Иванэ Мачабели, Нико Николадзе, Иона Меунаргия восторженно встретили это благородное намерение знаменитого художника.

Зичи с большой ответственностью взялся за дело оформления национальной

сокровищницы грузинского народа. Для того чтобы лучше познать и осмыслить все величие поэмы Руставели, по предложению Ильи Чавчавадзе И. Меунаргия перевел «Вепхисткаосани» для Зичи на французский язык. После этого художник приступил к выполнению поставленной задачи. Натурой для персонажей поэмы Руставели художнику служили ярко выраженные национальные типы, участвовавшие в поставленных им живых картинах «Вепхисткаосани» в Тбилиси и Кутаиси.

В 1885 году М. Зичи вместо первоначально задуманных 12 создал 34 эскиза иллюстраций, которые были одобрены грузинскими общественными деятелями. После этого художник начал увлеченно работать над картинами и улаживать дела, связанные с их напечатанием. В результате неутомимых усилий М. Зичи клише иллюстраций «Вепхисткаосани» были изготовлены в Вене и напечатаны в Лейпциге и Петербурге (всего 27 работ). Блестящие иллюстрации «Вепхисткаосани» работы Зичи вошли в так называемое картвелишвилевское издание поэмы, которое вышло в Тбилиси в 1888 году.

В 1888 году Михай Зичи снова путешествовал по Грузии и создал новые произведения, отражающие грузинскую тематику. В это же время художник передал на память в дар грузинскому народу альбом своих иллюстраций «Вепхисткаосани» (34) с волнующей надписью: «Грузинскому народу в знак

моей симпатии и сердечной преданности».

Иллюстрации Зичи «Вепхисткаосани» создали совершенно новый этап в истории художественного оформления бессмертной поэмы Руставели. По оценке Бено Гордезиани, «реалистические картины Зичи поставили иллюстрирование «Вепхисткаосани» на путь международной художественной культуры», а по высказыванию Ладо Гудиашвили, «иллюстрации М. Зичи и сегодня не теряют силы эмоционального воздействия... они и сегодня одни из лучших».

* * *

На венгерском языке пока что существует два полных перевода «Вепхисткаосани» — Бела Викара (1917 год) и Шандора Веореша (1954 год), несколько прозаических пересказов содержания (Арпад Земплени, Иोजеф Фараго и Иोजеф Романи) и еще перевод двух строф поэмы (926-й, 967-й) принадлежащий Иштвану Комиати (1917 — 1956). Кроме того, по сведениям Дьюла Йеши и Шандора Веореша, существует третий полный поэтический перевод «Вепхисткаосани», выполненный Геза Шупка (1883 — 1956).

Как видим, сегодня на венгерском языке поэма Руставели озвучена несколько раз, и здесь прежде всего мы обязаны Михай Зичи, который первым открыл путь Руставели и его творению к своим соотечественникам.

Первые сведения о Шота Руставели и его поэме «Вепхисткаосани» в Венгрии мы встречаем в опубликованной в журнале «Косору» в 1884 году статье «Михай Зичи в грузинской литературе», где сказано: «Главная гордость грузинской литературы — величайшая поэма Руставели «Вепхисткаосани». Богатое издание этого сочинения скоро увидит свет, и нашему соотечественнику Михаилу Зичи сделали предложение создать для него иллюстрацию».

Это издание «Вепхисткаосани» с замечательными иллюстрациями Зичи, как мы уже сказали, было осуществлено в 1888 году и известно под именем картвелишвилиевского издания. После этого М. Зичи взял на себя второе большое и благородное начинание — он вдохновил известного венгерского ученого и переводчика Бела Викара (1859 — 1945) перевести на родной язык и ознакомить свой народ с бессмертным творением Руставели.

Во время работы над венгерским переводом знаменитого финского эпоса «Калевала» в 1889 году Бела Викар встретился в маленькой финской деревне Лахта с Михаем Зичи. Он хотел привлечь знаменитого художника к оформлению «Калевальи». Но получилось наоборот. М. Зичи ознакомил Бела Викара с картвелишвилиевским изданием «Вепхисткаосани» 1888 года, блестяще иллюстрированным самим Зичи, и посоветовал молодому венгерскому поэту перевести

это произведение на их родной язык.

Бела Викар вспоминает: «Передо мной лежал на незнакомом мне языке, напечатанный незнакомым шрифтом романтический эпос величайшего поэта грузинского народа Шота Руставели с иллюстрациями того же Михаила Зичи. Переведите поэму, — сказал он мне. В то время я так был занят «Калевалой», что и думать не мог о переводе творения Руставели, но я не забыл и подбадривающих слов великого художника».

В 1908 году Бела Викар завершил перевод «Калевалы». Сейчас уже настала пора выполнить заветную просьбу великого художника, высказанную еще двадцать лет назад.

Бела Викар усердно приступил к изучению грузинского языка по «Грамматике грузинского языка» немецкого ученого Адольфа Дири, изданной в Вене и Лейпциге в 1904 году, и достиг некоторых успехов. Кроме того, у него в руках были подаренное ему Зичи издание «Вепхисткаосани» 1888 года, немецкий перевод Лейста (1889), а также «Грузинско-русский словарь» Д. Чубинашвили (Петербург, 1887 — 1891). Викар рассказывает: «На основе моих предшествовавших занятий я заключил, что выучил я не старый язык Руставели, на котором говорили в XII веке, а новый грузинский... Что мне было делать, чтобы мое обещание перед Зичи и перед самим собой не осталось бы пустым словом?».

Человеком, оказавшим истинную помощь Викару в

этом деле, явился молодой грузин Георгий Цискараули. По словам исследователя Дж. Гагнидзе, «сразу же с прибытием в Будапешт Цискараули продолжились занятия Викара по изучению грузинского языка. На протяжении многих месяцев они ежедневно по четыре часа работали над переводом. По рассказам переводчика, Цискараули переводил ему поэму слово в слово. Викару оставалось перевести еще 10 — 12 листов, когда его грузинский помощник уехал в 1912 году из Будапешта на болгарскую войну добровольцем и обратно не вернулся». Оставшуюся непере переведенной заключительную часть поэмы с 1915 года Викар перевел с помощью попавшего в Венгрию во время первой мировой войны грузина Григола Илларионовича Церетели (в изучении грузинского и картвельских языков Б. Викару, оказывается, помогали и другие грузины). В конце концов первый полный венгерский поэтический перевод «Вепхисткаосани» был завершен Викаром и издан в Будапеште в 1917 году в издательстве «Атенеум» с иллюстрациями Михайла Зичи.

Известный венгерский писатель Арпад Земплен восторженно отзываясь о выходе первого венгерского перевода «Вепхисткаосани»: «Для нас, венгров, творение Руставели имеет особое значение, поскольку национальное его издание вышло с работами выдающегося венгерского иллюстратора М. Зичи... Зичи работал в Грузии и сумел глубоко проникнуть в предмет своих иллю-

страций, его картины очень помогают читателю правильно понять произведение Руставели. На эту блестящую звезду Кавказа Михайл Зичи обратил внимание Бела Викара, бродившего тогда в джунглях «Калева-лы»... Викар принял предложение великого художника и обратился к неизвестной ему кавказской звезде, изучил грузинский язык и перевел «Вепхисткаосани».

Так обрела крылья давняя мечта Михайла Зичи — озвучить на венгерском языке бессмертное творение гениального грузинского поэта.

* * *

Замечательное художественное наследие М. Зичи разбросано по многим странам мира. Сегодня в Венгрии и в Советском Союзе с большим вниманием относятся и изучают творчество М. Зичи. Несмотря на это, все еще многие его работы не известны и не исследованы. В этом отношении плодотворной оказалась проведенная за последние два десятилетия в Грузии работа по выявлению неизвестных произведений М. Зичи и их изучению. Поэт Григол Абашидзе обнаружил «Портрет неизвестной грузинки» работы Зичи, который выполнен в 1874 году. Исследованиями и поисками Беню Гордезиани, Михаила Квливидзе, Тенгиза Перадзе, Георгия Пайчадзе, Шалвы Квахвадзе и других удалось найти еще несколько неизвестных ранее работ Зичи, глубже осветить некоторые моменты творчества художника. В разное время нам представилась возможность обнаружить в Крыму и Гру-

зии, как в государственных, так и в частных коллекциях, более четырех десятков неизвестных произведений Зичи. В братской социалистической Венгрии большой отклик вызвала неутомимая настойчивая работа грузинских ученых по более полному выявлению богатого творческого наследия Михая Зичи.

* * *

В 1970 году родное село Зичи Зала и его дом-музей посетил журналист Владимир Алпенидзе, опубликовавший по возвращении на родину очерк «Венгерский сказ о стране «книги тигра», в котором он передал грузинскому читателю просьбу директора дома-музея Зичи — внучки художника Марии-Александры Ронои прислать все, что написано о Руставели и Зичи в Грузии.

И вот 6 ноября 1970 года из Грузии в далекое венгерское село пошло первое письмо от дочери большого друга Михая Зичи, славного грузинского писателя Иванэ Мачабели — Елены Мачабели, которая писала потомку художника: «Я с большим удовлетворением узнала, что существует музей имени Зичи и что судьба музея верена Вам, его внучке. Я могу уверенно сказать Вам, что каждый грузин с большой любовью, уважением и чувством благодарности вспоминает Вашего славного деда. Я же счастлива сказать Вам, что имя Михая Зичи особенно близко для меня, поскольку он лично знал моего отца — грузинского писателя и общественного деятеля Иванэ Георгиевича

Мачабели и в моем архиве хранилось несколько писем, в которых отражено сотрудничество М. Зичи и Мачабели, связанное с изданием «Вепхисткаосани» Руставели, которое иллюстрировано Зичи. Это сотрудничество началось в 1881 году и продолжалось в последующие годы. В телеграмме, посланной из Петербурга в 1887 году, Зичи писал Мачабели: «Благодарю. Высоко ценю Вашу дружбу». Ваш дед с радостью согласился оформлять «Вепхисткаосани». Вместе с тем все знали и высоко ценили тот факт, что он нарисовал все картины безвозмездно... В письме он просил: «Отнеситесь к моим картинам с той бережностью, с какой пружины обращаются с невинной женщиной». В первую очередь это свидетельствует о том, что М. Зичи хорошо знал обычаи грузин и вместе с тем ему глубоко запали в память впечатления, полученные от поэмы Руставели, который возвешивает идею дружбы, поклонения женщине...

Я рада хотя бы заочно познакомиться с Вами, а также засвидетельствовать этим письмом мое преклонение перед памятью Вашего знаменитого деда и заверить Вас в моем искреннем уважении к Вам и Вашим заботам о доме-музее Михая Зичи».

В ответных письмах Марии-Александры Ронои писала: «Глубокоуважаемая дорогая Елена! Очень сожалею, что не владею русским языком. В детстве я разговаривала по-русски с бабушкой (она была Ершовой, — Г. Ш.). После ее смерти я

193534
111033

все забыла. Но я говорю по-немецки, по-французски, немного по-английски. И все же очень переживаю, что не знаю русского. У меня была долгая переписка с моим дедушкой (он жил в Петербурге. — Г. Ш.). Именно мне он прислал свою последнюю фотокарточку. Между нами была какая-то особая, тесная духовная связь. Его личные вещи для меня самые дорогие предметы. Мой дед Михай Зичи пламенно любил Грузию, в своих письмах он много писал мне о грузинах, что они красивые, приветливые, очень талантливые и что они очень любят нас... Я очень хочу познакомиться с Вами, дорогая Елена! Переживаю, что Тбилиси так далеко...». Венгерская газета «Шомоди Хирлап» так откликнулась на этот примечательный факт: «Дружба великих людей взаимно связывает, взаимно сближает народы. Так было и между нашим известным художником Михаем Зичи и известным грузинским писателем Иванэ

Мачабели... Потомки двух всемирно признанных людей установили и между собой достойную их предков дружбу. Поселок Зала и Тбилиси разделяют многие сотни километров, но это не мешает памяти Зичи и Мачабели жить в жизни их потомков... Имя Зичи живет в находящейся далеко от нас стране и является большим посредником дружбы между венгерским и грузинским народами... Грузины считают Зичи своим».

Дружба великих людей связывает и сближает народы. Михай Зичи оказался замечательным посредником между грузинским и венгерским народами и поистине нашим художником.

Когда-то Михай Зичи произнес справедливые слова: «Не хвалясь, я думаю, что там, на Кавказе, я оставил добрую память о моем имени, о моем народе». И грузинский народ никогда не забудет великую заслугу Михая Зичи перед своей национальной культурой.

Г р у з и я — часть биографии

КНИГА лирики Юрия Окунева «Ответ» — двенадцатый сборник его стихов. И каждой новой книжкой поэт подтверждает свою причастность к поэзии, которой дышит и живет, в которую влюблен безмерно. Поэзия для Ю. Окунева не только дело жизни — она для него и первая страсть.

Юрий Окунев принадлежит к предвоенной плеяде выпускников Литературного института, к той общности, которая роднит его с Павлом Коганом, Михаилом Кульчицким, Николаем Отрадой.

Отдельные черты устремлений поэта проявились в годы его становления, еще в семинаре Ильи Сельвинского: его самозабвенную увлеченность, порождавшую всевозможные казусы, которые с юмором подмечали друзья. Они же и присматривались к росту его таланта, хорошо понимая, что молодой поэт требует к себе бережного отношения.

Эти свои особенности Юрий Окунев смог пронести сквозь долгие годы литера-

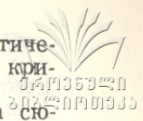
турного труда, сохранив присущую ему афористичную образность. Так, в стихотворении, посвященном памяти Нади Рушевой, он утверждает:

Остановить нельзя
метеорит.
Спасти нельзя! Он все
равно сгорит.

Приберегая самые сильные строки для конца стихотворения, он делает их центром общей мысли.

Ю. Окунев — ученик, достойный учителя, в котором труд не поглотил человека, а помог выявить самого себя, позволив больше полагаться на свои чувства — его путеводительную нить.

Былая восторженность — везде и повсюду с поэтом! И когда он занят будничным делом, и когда читает стихи или говорит о «тайнах» своей профессии, когда пишет, переводит, и не только грузинскую поэзию. Или же открывает для себя, а значит, и для друзей своих, для читателей, новое поэти-

ческое дарование. Это ведь такая редкая и прекрасная способность — радоваться чужой, не своей находке, способность сопереживать...

Но поэзия не заслонила от него весь мир земной, она лишь стала средством выражения, поскольку чувство обостренной гражданственности всегда было присуще Ю. Окуневу. Когда же настал грозный час для нашей Родины, поэт встал на ее защиту, Стихотворения, посвященные Великой Отечественной войне, говорили сами за себя.

Свойства характера Юрия Окунева, непосредственно перенесенные в книгу «Ответ», составляют ее неотъемлемую суть, дарящую нам радость личного общения с поэтом, расширяют круг наших понятий, знакомят со складом его речи. Поэт любит классическую русскую поэзию, интерпретируя ее по-своему, испытывая на себе ее благотворное воздействие.

Что, собственно, связало поэта, живущего в Волгограде, с Грузией? Конечно, традиции. И поэтому в книге, выпущенной Нижне-Волжским книжным издательством, — двенадцать стихотворений о Грузии, о людях, в ней живущих, о событиях, поразивших его:

**И если в Грузии вы
не бывали, —
Вы были там, увидев
танец Лали!**

Это поэт говорит о танце восьмилетней Лали Санджи-кашвили, танцующей хевсурский танец. Грузия для него всегда нова. Поэтому он так благоволил к краю, который всегда благодушно

влиял на русскую поэтическую мысль, помогал ее кристаллизации.

Сила, влекущая поэта сюда, понятна. Само «открытие Грузии» — часть его биографии. Грузия для него иная модель жизни, с непривычным для его слуха и сердца колоритом. Тут прошлое для него не менее значимо, чем день сегодняшний:

**Где Грузия — там
чувства на кон!
Сердца и горы — все
размах!..
Гость — македонец
Симон Дракул
Пирует с чашею
в руках!..**

Он рад собственному прозрению, благодарен Грузии за минуты отдохновения:

**Есть у меня
неприкосновенный
запас —
Грузия!**

Она для него одуховна в жизни. Этим мы обязаны появлению стихотворений «Вальс Грибоедова», «Ната Вачнадзе» или «Мариджан» — одному из лучших в сборнике. Это — итог личной встречи, личного знакомства. В другом стихотворении — «Кахетия» поэт как бы заново переосмысливает самого себя, приходит к разумению, что простые истины всего дороже:

**Слова и чувства
требуют отбора,
Ведь ради насыщения
души
Тебе подняться
предстоит в Гомборы,
И потому, мой друг,
не мельтеши.**

Я полностью приемлю упрек Михаила Луконина, содержащийся в предисловии к книге. И могу подтвердить, что «литературные привязанности Юрия Окунева часто мешают его индивидуальности». Думается, подобное происходит потому, что Окунев — поборник хорошего вкуса, невольно платящий дань своей способности видеть мир и понимать его посредством литературных образов. Он ими оперирует, от них исходит, он ими увлечен, привязан тем самым к среде ему близкой. Он любит свой труд, всей душой связан с ним, а в творчестве требует от людей ему близких того же подвига, полнейшей самоотдачи. В стихотворении, посвященном России, Окунев замечает:

**Из партизанских
снайперских засад
Тургеневские девушки
стреляли.**

Так он связует настоящее с прошлым. Они у него едины. Главное для него, понять и определить суть явления, найти и закончить мысль, воплотить ее в строке. Мир его героев и особенно героинь чист и прям. Романтизм присущ им:

**Он предпочел бы
счастья краткий срок,
Неотвратимость роковых
дорог,
Отверг бы длинной
жизни прозябанье,
Он даже бы
бессмертьем пренебрег
За мимолетное ее
дыханье...**

Сердцу поэта созвучен душевный подъем, который вызывают в нем высокие помыслы и настроения. И потому очень хочется, чтоб читателям удалось открыть эту книгу как человека.

Михаил РАЗМАДЗЕ

«ШАЛВА ДАДИАНИ»

АВТОР этой монографии — известный грузинский критик и литературовед, доктор филологических наук, профессор Георгий Цицишвили. В своей работе, являющейся итогом его многолетних исследований, он прослеживает долгий и плодотворный жизненный и творческий путь Шалвы Дадияни — выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля. Автор анализирует и оценивает многогранное литературное наследие одного из основоположников грузинской советской литературы в единстве с процессом ее развития в первой половине нашего века.

В авторизованном переводе с грузинского эта книга, подготовленная издательством «Мерани», вышла в свет на русском языке в минувшем году.

«ТБИЛИССКИЙ РАССВЕТ»

СКВОЗЬ весь этот сборник Отара Мампория, включающий стихи и посвященную великому грузинскому

поэту-романтику Николозу Бараташвили поэму «Колесница мира», проходит тема любви к родине. О чем бы ни шла речь в стихах поэта — о судьбах ли своего поколения, о прошлом ли родной страны, это чувство неизменно присутствует в его поэтических раздумьях о жизни.

Произведения, вошедшие в книгу, подготовленную издательством «Мерани», в 1977 году, перевели на русский язык Б. Окуджава, М. Синельников, Е. Солонович, Е. Евтушенко, Н. Орлова, М. Рихтерман.

«ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ»

КНИГА эта представляет собой второе, переработанное и дополненное издание исследования выдающегося психопатолога, клинициста-психиатра и нейроморфолога, заслуженного деятеля науки, академика АМН СССР и АН Грузинской ССР, члена международной организации по изучению мозга, лауреата премий М. Р. Тархнишвили и В. М. Бехтерева — Авлипия Давидовича Зурабашвили. В своей работе, с

позиций персонологической психологии касаясь важнейших проблем, выдвинутых Шота Руставели еще в XII веке, ученый останавливается на персонологических проблемах в творчестве таких титанов грузинской литературы, как Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела, а также великого грузинского педагога и общественного деятеля Якоба Гогешвили. Попутно здесь изложены некоторые соображения относительно психологической проблемы в творчестве Шекспира, Шиллера, Достоевского, Рафаэля, Леонардо да Винчи. Выпущена книга на русском языке издательством «Хеловнеба» и датирована 1977 годом.

«НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ ВРАГА»

КНИГА эта — сборник документальных рассказов, отображающих героизм грузинских воинов — участников Великой Отечественной войны 1941-45 гг. Автор ее — Вахтанг Сихарулидзе. Выпущена книга на грузинском языке издательством «Накадули».

«ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ»

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ повесть Тенгиза Гоголадзе, выпущенная отдельной кни-

гой издательством «Накадули» на грузинском языке (1977). Это — рассказ о жизни вступающих в самостоятельную жизнь юношей и девушек. Писатель показывает нам сложный и противоречивый процесс их формирования и становления, помогает читателю проникнуть во внутренний мир своих героев, знакомит с их интересами, раздумьями, радостями и горестями, надеждами и разочарованиями. Момент прощания со школой, с беззаботным детством и вступления в полную неожиданности «взрослую» жизнь лежит в основе этой книги, обращенной к юному читателю, но представляющей большой интерес для старшего поколения.

«МОЙ ОТЕЦ ВАЖА ПШАВЕЛА»

ЭТОТ биографический очерк о выдающемся грузинском поэте, классике грузинской литературы Важа Пшавела написал его сын Вахтанг Разикашвили. Книга, подготовленная на русском языке издательством «Мерани», вносит еще один штрих в изучение этого далеко не полностью исследованного литературоведением и критикой феномена грузинской поэзии.

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

◆ Секретариат Союза писателей Грузии и Главная редакционная коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП Грузии назвали имена первых лауреатов республиканской премии имени Ивана Мачабели. (Эта награда присваивается раз в два года авторам лучших художественных переводов и трудов в области теории и истории перевода).

Премия присуждена писателю Вахангу Челидзе за перевод на грузинский язык произведений Д. Стейнбека «Тортилья-флет», Т. Уильямса «Орфей спускается в ад» и А. Миллера «Все мои сыновья», которые опубликованы альманахом «Саундже» и журналом «Сабчота хеловнеба».

Премий имени И. Мачабели удостоены также писатели Зураб Кикнадзе и Тамаз Чхенкели за перевод на грузинский язык «Одиссея» Гомера, поэт Георгий Бестаути за перевод на осетинский язык «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели.

ГОСТИ — ПИСАТЕЛИ ИЗ ФРГ

◆ В Грузии гостила делегация писателей земли Саар из Федеративной Республики Германии.

В Союзе писателей Грузии состоялась встреча немецких писателей с их грузинскими коллегами, сотрудниками Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП республики, с членами литературной секции Грузин-

ского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, с известными германистами.

Встречу открыл секретарь правления Союза писателей Грузии Г. Жоржוליани. Немецких писателей из Саарбрюккена Фелициту Фришмут, Петру Михаэль, Мартина Буххорна, Людвига Харига и других приветствовали заместитель председателя ГОДИКСа А. Жгенти, заместитель председателя грузинского отделения Общества Гете профессор Н. Какабадзе...

Состоялся диалог, который касался дальнейшего сотрудничества, культурного обмена, издания книг писателей обеих стран.

На встрече также выступили секретари правления Союза писателей Грузии И. Нонешвили и Дж. Чарквиани, западногерманские писатели, гости.

ВЕЧЕР ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

◆ В Тбилиси в Клубе молодых ученых состоялся вечер восточной поэзии.

С новыми переводами произведений Омара Хайяма, Абу Али Ибн-Сина, Хафиза на грузинский язык ознакомил собравшихся профессор Тбилисского государственного университета доктор филологических наук В. Котетишвили. Поэт и переводчик З. Медулашвили прочел свои переводы стихов Насими и Саят-Нова.

С интересом были встречены переводы произведений древнеиндийской и древнееврейской поэзии, осуществленные профессором ТГУ доктором филологических наук М. Андроникашвили и чле-

ном переводческой комиссии Союза писателей Грузии Д. Аджиа-швили.

ПАМЯТИ Алио МИРЦХУЛАВА

◆ В этом году исполняется 75 лет со дня рождения замечательного грузинского советского поэта Алио Машашвили (Мирцхулава). Учитывая заслуги поэта перед национальной литературой, принято решение издать его избранные произведения в трех томах на русском языке.

На родине А. Машашвили (Мирцхулава), в селе Хорга Хобского района Грузии открывается дом-музей. В центре села будет установлен бюст поэта.

Одной из библиотек столицы нашей республики присваивается имя Алио Машашвили (Мирцхулава).

ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ НА АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

◆ Первый том собрания сочинений народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба, подготовленный издательством «Алашара», будет

первым подписным изданием на абхазском языке. В трехтомник избранных произведений Б. Шинкуба войдут стихи, поэмы, баллады, а также переводы стихов русских, грузинских и зарубежных классиков.

Издательство «Алашара» готовит к выходу в свет в подписном издании еще три книги известных абхазских поэтов и писателей.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

◆ Во Дворце культуры профсоюзов столицы Грузии состоялась встреча с лауреатом премии ЛКСМ Грузии поэтом Джансугом Чарквиани.

О жизни и творчестве поэта рассказали секретарь правления Союза писателей Грузии Н. Думбадзе, главный редактор журнала «Цискари» Г. Панджикидзе, поэт М. Поцхишвили и другие.

На встрече в исполнении артистов И. Учансишвили, Г. Харабазе, А. Микадзе прозвучали стихи Дж. Чарквиани. Квартет «Тбилиси» и вокально-инструментальный ансамбль «Мзиури» исполнили песни, написанные на его стихотворения.

В заключение вечера Джансуг Чарквиани прочитал свои новые стихи.

ЭТОГО НОМЕРА

БАРАТАШВИЛИ Мария Гервасиевна. Грузинская поэтесса и драматург. Печатается с 1935 г. Автор многих сборников стихов. Некоторые лирические стихи М. Бараташвили, в частности «Саповнела», стали народными песнями. М. Бараташвили возглавляет журнал «Сакартвелоскали» («Грузинская женщина»).

ДЖАПАРИДЗЕ Реваз Андреевич. Род. в 1923 г. Участник Великой Отечественной войны. Окончил философский факультет Тбилисского государственного университета. Прозаик, публицист, автор многочисленных романов, повестей, рассказов, статей, эссе, киносценариев.

Широко известны его роман «Вдова солдата», тетралогия «Тяжелый крест», художественно-документальная повесть «Белые ночи Маруха», повесть «Таинственный голос» и др.

ЕГОРОВ Луарсаб Анатольевич. Род. в 1931 г., окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Журналист. Печатается в республиканской прессе.

ЕЛИГУЛАШВИЛИ Эдуард Веньяминович. Род. в 1931 го-

ду. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Журналист, критик. Автор ряда публицистических и литературно-критических статей, вошедших в книги «В оригинале и в переводе», «Их одним чеканом чеканили» и др. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Грузии.

ЖОРДАНИЯ Сулхан Давидович. Род. в 1939 г., кандидат филологических наук, автор около 20 научных трудов. Изучает проблемы художественного мышления и художественного перевода. Готовится к изданию его книга «Семантическая структура слова».

КАКАБАДЗЕ Зураб Мефодьевич. Род. в 1926 г., доктор философских наук, профессор, заведующий отделом эстетики Института философии АН Грузинской ССР. Автор свыше 30 научных трудов. На русском языке вышли две книги — «Проблема экзистенциального кризиса и трансцендентальная феноменология Эдмунда Гусерля» и «Человек, как философская проблема».

РАЗМАДЗЕ Михаил Амбакович. Род. в 1944 г. Журналист, переводчик. Автор ли-

тературно - критических статей и рецензий на книги и театральные постановки, опубликованных в республиканской прессе.

СИГУА Александр Кондратьевич. Род. в 1912 г., журналист, литератор. Окончил филологический факультет ТГУ. Работал заместителем директора издательства Академии наук ГССР, ответственным секретарем журнала «Сабчота хеловнеба» («Советское искусство»), редактировал журнал «Театралури моамбе» («Театральный вестник»). Автор книг «Статьи и портреты», «Русудан Николадзе», «Илья Зурабишвили» и др.

СУЛАКАУРИ Арчил Самсонович. Род. в 1927 г. Печатается с 1945 года. Автор сборников стихов, рассказов и повестей. Его роман «Золотая рыбка» переведен на языки народов СССР. За повесть-сказку «Приключения Салам уры» А. Сулакаури удостоен премии имени Ш. Руставели. Директор издательства «Накадули» («Ручеек»).

ТАРБА Нелли Золотинсковна, абхазская писательница. Печатается с 1952 года. Автор нескольких книг стихов.

ЦАИШВИЛИ Саргис Соломонович. Род. в 1929 г. Литературовед и критик, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузинской ССР. Автор книг «История текста «Витязя в тигровой шкуре» (монография в двух томах, 1970), «Бесики» (1963), «Литературные очерки» (1966), «Руставели — Гурамишвили» (1974), «Литературные статьи» (1977), «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели» (на русском языке опубликована в 1966 г.), «Шота Руставели и его поэма» (вышла на английском, французском, испанском, немецком, русском языках в 1966 г.), а также многих других статей и очерков по древней и современной грузинской литературе.

ШАРАДЗЕ Гурам Северьянович. Род. в 1940 г., доктор филологических наук. Молодой ученый, исследователь проблем истории грузинской литературы. Автор трудов и книг «Теймураз Багратиони», «Археографические разыскания», «Теймураз Багратиони, как библиограф и коллекционер» и др.

Сдано в набор 20 февраля 1978 г. Подписано к печати 31 марта 1978 г. 6 печ. листов, усл. листов 10,08. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

26-78

78-148

Цена 40 коп.

ИНДЕКС 76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა